

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1904.

№ 15.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Буддизмъ и Христіанство. (Британско-апологетическое изслѣдованіе объ отношеніи христіанства въ буддизму). <i>И. Крампитскаго</i>	103—117
Значеніе церковнаго обряда въ религіозной жизни чловека (окончаніе). <i>Ив. Перова</i>	118—188
Церковныя школы Россійской Имперіи (окончаніе). <i>В. Давыденко</i>	139—144
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
Новый курсъ лекціи проф. Московскаго Университета <i>А. М. Лопатина</i> . <i>Александръ Челодановъ</i>	87—100
Философскія взгляды <i>Б. Н. Чичерина</i> (р. 1828 † 1904 г.) и нѣсколько словъ о значеніи дѣятельности <i>Н. К. Михайловскаго</i> (р. 1843 † 1904 г.), какъ поэта-публициста (продолженіе). <i>Александра Никольскаго</i>	101—182
III. ИЗВѢСТІЯ ПО ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. I. Высочайшій Манѣстъ.—Отъ Харьковскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Епархіальныя новѣщенія.—Журналъ Общаго Собранія Вѣлопольскаго Братства ревнителей вѣры и церкви православной во имя Пр. Вогородниц.—Отчетъ Вѣлопольскаго Братства Пресвѣтлн Вогородницъ за 1903 годъ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1902—1903 учебный годъ (окончаніе).—Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ Эмеритальной классы духовенства Харьковской епархіи за 1903 годъ. II. О средствахъ для постройки причтовыхъ домовъ. <i>Самсонника Іоанна Горина</i> .—Воспоминаніе о свѣдѣнникѣ о. <i>Димитріѣ Корвильевѣ</i> . <i>Самсонника Наомія Веспѣды</i> .—Епархіальныя хроника.—Иносепархіальный отдѣлъ.—Разныя свѣдѣнія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.
1904.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

ОСОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества оставило предметъ желаній и поканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его приходавъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗГОВОРА въ уплату денегъ не допускаются.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редаціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печниковой, Петровскій лѣній, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г., по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей. Лицамъ же, выпысывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 185 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. **Оправедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство“** Сочиненіе А. Рождественскаго. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. **БЕСѢДЫ** Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Влагочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Августа 1904 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

БУДДИЗМЪ и ХРИСТИАНСТВО.

(Критико-апологетическое исследование объ отношеніи христіанства къ буддизму).

Причины современнаго увлеченія буддизмомъ.

„Се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многихъ во Израилѣ и въ предметъ пререканій, да откроются помышленія многихъ сердець“¹⁾, такъ сказала Пресвятой Дѣвѣ Маріи озаренный благодатію Святаго Духа старецъ Симеонъ, указывая на Божественнаго Младенца, Спасителя міра. Послѣ того прошло уже девятнадцать вѣковъ, а пророческія слова великаго старца продолжаютъ сбываться до сихъ поръ. Личность 'Богочеловѣка' и основанная Имъ Церковь всегда служили и служатъ предметомъ пререкавій въ человѣческомъ родѣ. Еще во времена земной жизни Иисуса Христа, одни, пораженные Его чудесами, тропутые Его высочайшимъ ученіемъ, увѣровали въ Него, какъ Божественнаго Посланника, истиннаго Сына Божія, оставляя все и слѣдовали за Нимъ, какъ за своимъ возлюбленнымъ Учителемъ и Господомъ. А въ душѣ другихъ всѣ возвышенныя рѣчи этого Божественнаго Учителя истины, всѣ исполненныя любви и милосердія поступки этого великаго Чудотворца вызывали только безумную ярость противъ Него, — ярость, которая заставляла ихъ видѣть въ Немъ орудіе сатанинской силы, побуждала ихъ неуспѣшно слѣдить за Нимъ, чтобы уличить Его въ несправедливомъ поступкѣ и ложномъ словѣ, — которая излилась въ дикомъ воплѣ предъ римскимъ

1) Лук. 2. гл. 34—35 ст. 10.

правителемъ: „распи, распи Его!“ и въ злобномъ издѣвательствѣ надъ невиннымъ Страдальцемъ, распятымъ на позорномъ крестѣ. Таково же было отношеніе современниковъ и къ ближайшимъ послѣдователямъ Иисуса Христа, Его ученикамъ и апостоламъ, проповѣдникамъ Его ученія и распространителямъ Его Церкви на землѣ. Точно такое же двойное отношеніе было и къ самой Церкви Христовой во все время ея многовѣковаго существованія на землѣ. И теперь, въ то время, когда одни съ искреннею вѣрою преклоняютъ свои колѣни предъ Иисусомъ Христомъ, какъ истиннымъ Сыномъ Божиимъ, Спасителемъ всего человѣчества, хвалятъ Его ученіе, какъ высшую истину, и стараются слѣдовать по указанному Имъ пути, чтобы достигнуть обѣщаннаго единенія съ Нимъ, какъ своимъ Господомъ, въ Его вѣчномъ царствѣ славы: другіе не признаютъ Его Господомъ и Спасителемъ, отрицаютъ Его Божественное достоинство, находятъ недостатки въ Его ученіи, отвергаютъ дарованныя Имъ средства, для достиженія вѣчнаго блаженства, и, уподобляясь римскимъ воинамъ—палачамъ, издѣвавшимся надъ Иисусомъ Христомъ во время Его предсмертныхъ страданій, лицемѣрно расточаютъ Ему восторженныя похвалы, какъ великому герою и гениальному человѣку. Для такихъ людей христіанство является не великимъ новымъ откровеніемъ Божиимъ, не однимъ непрерывнымъ Божественнымъ актомъ искупленія человеческого рода, а лишь попыткой,— правда, замѣчательной, но все же человѣческой,— основать религію, сродную по существу съ религіями языческаго міра.

Такой именно взглядъ на Иисуса Христа и христіанство часто лежитъ въ основѣ цѣлой современной научной области, извѣстной подъ именемъ сравнительнаго изученія религій. Представители этой науки часто не на время только оставляютъ въ сторонѣ вѣру въ безусловную истинность христіанства, какъ богооткровенной религіи, чтобы путемъ строго научнаго и безпристрастнаго изслѣдованія ярче и сильнѣе доказать и обосновать справедливость и разумность такой вѣры, а совершенно отрицаютъ ее, какъ противорѣчащую будто бы фактическимъ даннымъ исторіи религій и свидѣтельствующую только объ односторонно-

сти и ограниченности возрѣнія изслѣдователей. Низведенное на степень естественной религіи, лишенное внутренней благодатной силы животворящаго Духа Божія, христіанство въ глазахъ этихъ ученыхъ является сроднымъ по своему существу съ языческими религіями. Ему, какъ и язычеству, на ряду съ нѣкоторыми несомнѣнными долями истины, присущи будто бы ошибки и заблужденія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно даже уступаетъ въ широтѣ возрѣвій той или другой языческой религіи. Сравнительное изученіе религій, по словамъ представителей его, имѣетъ будто бы весьма важное значеніе въ томъ отношеніи, что даетъ намъ возможность лучше понимать многія стороны исповѣдуемой нами религіи и избавляетъ отъ узкаго эгоистическаго взгляда на другія религіи, какъ ложныя, который развивается въ насъ подъ вліяніемъ сознанія, что только мы одни обладаемъ единственною безусловною истинною.

Выходя изъ стремленія казаться безпристрастными изслѣдователями, стоящими на строго научной почвѣ, выше всякихъ предубѣжденій и предразсудковъ, представители подобнаго сравнительнаго изученія религій, на самомъ дѣлѣ, оказываются весьма далекими отъ этого безпристрастія. Боясь болѣе всего упрека въ пристрастіи къ христіанству и желая доказать отсутствіе у себя всякаго предубѣжденія, они отрѣшаются отъ многовѣковой вѣры лучшей части человѣчества въ Божественное происхожденіе христіанства, стараясь унижить это послѣднее предъ восхваляемымъ ими язычествомъ. Въ христіанствѣ они находятъ различныя недостатки и несовершенства; а все лучшее въ немъ, по ихъ мнѣнію, оказывается не самобытнымъ, а заимствованнымъ изъ язычества. Въ то же время въ язычествѣ они находятъ много великихъ истинъ, которыя признаютъ за первоисточникъ христіанскаго ученія, и въ массѣ лжи и заблужденія стараются видѣть стройное прекрасное цѣлое. Всѣ доводы, которыми располагаетъ христіанство въ защиту своего Божественнаго происхожденія, они оставляютъ безъ вниманія, не считая нужнымъ даже подвергать ихъ разбору и оцѣнкѣ; а едва ли не въ всякомъ языческомъ сказаніемъ, часто пустымъ и очевидно вымышленнымъ, они охотно признаютъ важное значеніе. Воображаемое научное безпристрастіе, такимъ обра-

вомъ, обращается въ постыдвую неправду къ христіанству и уни-
зительное поклоненіе язычеству. Такъ святоотечественной рукою
разбивается высочайшій богооткровенный идеаль для всего чело-
вѣчества, забрасывается грязью все самое дорогое, самое священ-
ное для человѣческаго сердца, а на развалинахъ его ставится жал-
кое изуродованное подобіе опозоренной и отвергнутой святыни!

Такой взглядъ на отношеніе христіанства къ язычеству сво-
имъ происхожденіемъ, по нашему мнѣнію, обязанъ слѣдующимъ
обстоятельствамъ. Подъ вліяніемъ раціонализма, достигшаго
высшей точки своего развитія въ спиритуалистическомъ пан-
теизмѣ Гегеля, появилось отрицательное отношеніе къ хри-
стіанству, какъ одной полной и совершенной богооткровенной
истинѣ, потому что этотъ пантеизмъ считалъ всѣ религіи
только различными формами обнаруженія одного и того же
міроваго разума. Особенно ярко обнаружилось такое отноше-
ніе къ христіанству въ сочиненіяхъ, такъ называемыхъ дѣ-
выхъ гегельянцевъ, или представителей тюбингенской школы.
Выходя изъ отрицанія всего сверхъестественнаго, чудеснаго,
какъ несообразнаго съ требованіями разума, они пришли къ
отрицанію исторической достовѣрности евангельскихъ сказаній
о чудесныхъ событіяхъ. Основую этихъ сказаній они призна-
ли мифъ, которому обязаны своимъ происхожденіемъ и всѣ
сказанія языческихъ религіи о чудесахъ. Такой взглядъ давалъ
широкій просторъ для сопоставленія христіанства съ языче-
скими религіями и для объясненія его происхожденія изъ язы-
ческихъ мифологій.

Съ другой стороны, вслѣдствіе развитія политическихъ и
торговыхъ сношеній европейцевъ съ различными языческими
народами, знакомства съ языкомъ и литературою этихъ наро-
довъ, явилась возможность болѣе полнаго и основательнаго
изученія ихъ религіозныхъ ученій. Препрепрезрительное отно-
шеніе къ языческимъ религіознымъ культамъ, полнымъ суевѣрій
и чудовищныхъ обрядовъ, оказалось несправедливымъ; многіе
ислѣдователи увидѣли, что въ этихъ религіяхъ будто бы истины
гораздо больше, чѣмъ предполагали раньше. Въ противополож-
ность прежнему мнѣнію, показавшемуся одностороннимъ, стали
заключать, что истина и добро присущи не одному только

христіанству, но и язычеству. Отсюда уже легко было притти къ тому выводу, что каждая религія можетъ быть хороша въ извѣстное время и для извѣстнаго народа; а потому и христіанство не имѣеть значенія единственной, безусловно истинной религіи, и Основатель ея долженъ быть поставленъ на ряду съ основателями другихъ религій. При такомъ взглядѣ на христіанство, явилось вполне умѣстнымъ сопоставленіе его съ языческими религіями. Въ этомъ случаѣ, по удачному сравненію Навила ¹⁾, съ христіанскими изслѣдователями произошло то же самое, что бываетъ съ ребенкомъ, который, проживши исключительно въ своемъ селѣ, смотримъ на него, какъ на міръ, на обычай своего семейства и своего села, какъ на законы всего человѣчества; а потомъ знакомится съ другими людьми, не принадлежащими къ его землякамъ, и съ другими мѣстами, выходящими за предѣлы родного села. Это знакомство производитъ сильный переворотъ въ его умѣ и нерѣдко вызываетъ въ немъ легкомысленное отрицательное отношеніе ко всему видѣнному имъ на родинѣ, что онъ раньше считалъ единственно законнымъ.

Подъ вліяніемъ указавныхъ условій, появились попытки доказывать сродство христіанства съ тою или другою языческою религіею. Подобнаго рода попытки объявлялись вполне согласными съ ученіемъ самой христіанской религіи, которая признаетъ промыслъ Божій въ отношеніи ко всѣмъ людямъ, объясняетъ существованіе истины и добра въ язычествѣ дѣйствіемъ Предвѣчнаго Слова и смотритъ на всякаго человѣка, боящагося Бога и поступающаго по правдѣ, какъ на благоугождающаго Богу ²⁾. Прикрывшись личиною безпристрастныхъ поборниковъ науки, глубоко уразумѣвшихъ истинный смыслъ христіанства, эти изслѣдователи стремились, во чтобы то ни стало, отыскать полное сходство христіанства съ различными языческими религіями; отсюда въ сопоставленіяхъ явились крайности и натяжки, доходящія до явной нелѣпости; стали находить сходство между двумя религіями въ такихъ пунктахъ, которые не только не имѣють ничего общаго между собою, но даже со-

¹⁾ Христосъ, стр. 17.

²⁾ Lillie. Buddhism in Christendom. London. 1887. 40 и слѣд.

вершенно противорѣчатъ другъ другу. Множество открытыхъ такимъ образомъ сходствъ христіанства съ язычествомъ затѣмъ возбуждаетъ вопросъ о зависимости перваго отъ послѣдняго. А чтобы и здѣсь показать свое научное безпристрастіе, рѣшеніе этого вопроса переносятъ на историческую почву. Увлечшійся открытіемъ сходствъ, находчивый изслѣдователь и здѣсь не слагаетъ оружія, но продолжаетъ свое побѣдоносное шествіе. Снова начинается работа, далекая въ дѣйствительности отъ всякаго безпристрастія. Всякое сказаніе, достовѣрность котораго весьма сомнительна, придающее, по мнѣнію изслѣдователя, его теоріи характеръ научно обоснованнаго, исторически доказаннаго положенія, признается за несомнѣнное историческое свидѣтельство величайшей важности, имѣющее едва ли не рѣшающее значеніе въ изслѣдуемомъ вопросѣ. А въ то же время объ историческомъ характерѣ христіанства нѣтъ и рѣчи; какъ будто оно не приводитъ и не можетъ привести ни одного довода въ подтвержденіе исторической достовѣрности евангельскихъ и апостольскихъ сказаній о своемъ происхожденіи. Таково-то научное безпристрастіе!

При помощи такихъ приемовъ, изслѣдователи ставили христіанство въ связь съ различными языческими религіями ¹⁾. Выборъ той или иной религіи опредѣляется тѣмъ интересомъ, какой она почему либо возбуждаетъ къ себѣ въ данное время въ самомъ изслѣдователѣ и въ современномъ ему обществѣ. Но ни одна языческая религія, можно сказать съ увѣренностью, никогда не возбуждала къ себѣ столь сильнаго вниманія христіанъ, какое возбуждаетъ въ настоящее время буддизмъ; поэтому большая часть изслѣдователей въ области сравнительнаго изученія религій посвящала рѣшенію вопроса объ отношеніи христіанства къ буддизму. Это вниманіе къ буддизму перѣдко доходитъ до увлеченія, выражающагося не только въ теоретическомъ восхваленіи буддизма, но и въ фактическомъ поклоненіи идоламъ Будды, въ участіи въ буддійскомъ богослуженіи и даже въ открытомъ принятіи этой религіи и въ распространеніи ея ²⁾.

¹⁾ Краткое указаніе на эти теоріи есть у Pawlicki, Ursprung des Christentums. I. cap.

²⁾ Нѣсколько лѣтъ назадъ буддисты открыто совершали въ Парижѣ свое бо-

Такое отношеніе къ буддизму можетъ быть объяснено, по крайней мѣрѣ, отчасти слѣдующими сторонами духовной жизни современнаго общества.

Наше время, несомнѣнно, есть время открытій, изобрѣтеній,—время торжества человѣка надъ силами природы, которыми онъ все болѣе и болѣе располагаетъ по своему усмотрѣнію и для своихъ цѣлей. Но за этою блестящею на видъ стороною скрывается далеко не привлекательная черта внутренней жизни современнаго человѣка: его крайняя гордость и самолюбіе. Каждый шагъ впередъ въ дѣлѣ изученія и подчиненія себѣ природы сильно его надмеваетъ. Не склоняется онъ смиренно предъ Богомъ съ чувствомъ глубочайшей и искреннѣйшей благодарности, и беззаветной любви къ Нему, какъ своему премудрому и всеблагому Творцу и Промыслителю, а гордится своими собственными силами, своимъ просвѣщеннымъ умомъ,, которому онъ будто бы всецѣло обязанъ всѣми своими успѣхами въ дѣлѣ покоренія себѣ природы; хотя сама природа своими явленіями постоянно напоминаетъ и современному человѣку объ ограниченности его силы ¹⁾. Понятно, христіанство, заповѣдующее своимъ послѣдователямъ глубокое смиреніе предъ Богомъ, полную преданность волѣ Божіей, считающее всякій успѣхъ человѣка дѣломъ милости Божіей, возвѣщающее о спасеніи благодатию Божественнаго Искупителя, а не собственными силами, оказалось не по сердцу современному человѣку, и онъ въ безумной гордости отвернулся отъ своего Отца Небеснаго... Глубокій мракъ, покрывшій душу этого самонадѣяннаго гордеца, только закрылъ

гослуженіе, на которомъ присутствовало не мало лицъ изъ высшего интеллигентнаго общества. Перешедшіе въ буддизмъ европейцы въ Бирманѣ убѣждаютъ туземцевъ не принимать христіанства, такъ какъ скоро всѣ европейцы, по ихъ словамъ, сами примутъ буддизмъ. Волжскій Вѣстникъ 1901 г. № 248. Приведено въ В. и Р. 1903 г. № 1, отд. фил. 87 стр. 1 прим. Оупруга португальскаго посланника въ Гавай, графиня Капераро, приняла буддизмъ и сдѣлалась его миссіонеркою. (Рус. Слово 1901 г. № 201).

1) Особенно часты такіе напоминанія въ послѣднее время, разрушительныя землетрясенія, наводненія, засухи, опустошительные уроганы въ различныхъ странахъ то и дѣло причиняютъ страшныя бѣдствія. Эти напоминанія становятся тѣмъ ярче и сильнѣе, чѣмъ больше человѣчество, повидимому, подчиняетъ себѣ силы природы.

отъ него яркое сіяніе величественнаго солнца истины и добра, Спасителя міра, но не уничтожилъ въ немъ религіозной потребности, которая, не находя себѣ удовлетворенія, еще сильнѣе и настойчивѣе стала заявлять о себѣ. Началось жалкое блужданіе въ темнотѣ, поиски живой воды, которая могла бы удовлетворить томительную жажду убогой души, удалившейся отъ Источника свѣта и жизни. Но „человѣкъ, зарывающійся въ прахъ, кончаетъ тѣмъ, что только и вѣрить въ прахъ“¹⁾; а потому онъ обратился къ буддизму, который особенно льститъ человѣческой гордости; такъ какъ онъ не знаетъ Бога, отрицаетъ всякій авторитетъ и приписываетъ достиженіе послѣдней цѣли бытія собственнымъ силамъ человѣка, безъ всякой сторонней, не исключая и божественной, силы, содѣйствія и участія.

Увлеченіе успѣхами покоренія внѣшней природы, кромѣ этого, способствовало крайне одностороннему направленію современной жизни. Забота о внѣшнемъ благополучіи, о приобрѣтеніи внѣшнихъ удобствъ наполняетъ собою все существованіе cadaго истиннаго сына настоящаго вѣка²⁾. Такое исключительно чувственное, узко-эгоистическое отношеніе къ окружающему міру возбуждаетъ въ современномъ человѣкѣ чрезмѣрную жажду чувственныхъ удовольствій, стремленіе къ легкой наживѣ, которая доставляла бы средства для удовлетворенія этой жажды; отсюда получаетъ цѣну только беззаботная жизнь, чуждая постояннаго и упорнаго труда. А такъ какъ духовныя силы развиваются и укрѣпляются только упражненіемъ, только постояннымъ трудомъ³⁾, то, при отсутствіи та-

¹⁾ С., Вагнеръ. Вопросы жизни. Москва. 1899. Стр. 60.

²⁾ Замѣчательно, что даже возникшее въ послѣднее время въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ стремленіе къ занятію вопросами религіозно-нравственнаго характера, выходящее изъ отрицанія матеріалистическаго міроозрѣнія, какъ не удовлетворяющаго духовныхъ потребностей человѣка, само вполнѣ не отрѣшилось отъ общаго духа того же матеріализма: общество желаетъ, чтобы христіанство не направляло человѣка къ небу, а занялось исключительно устройствомъ его земнаго благополучія. (Новый Шуть, Февраль. 1903 г. Записки религіозно-философскихъ собраній, стр. 111). Какъ это далеко отъ завета Христа Спасителя, который повелѣлъ прежде всего стремиться къ устройству царства Божія въ своей душѣ, общалъ въ этомъ случаѣ земное благополучіе, какъ естественное послѣдствіе такого стремленія и какъ даръ милости Отца Небеснаго!

³⁾ Друммондъ. Естественный законъ въ духовномъ мірѣ. Москва, 1898, стр. 80.

кого упражненія, является духовная дряблость, упадокъ энергій, недостатокъ терпѣнія, разумной инициативы; высшіе жизненные интересы становятся недоступными. Вся духовная жизнь дѣлается крайне монотонною, однообразною, бѣдною своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Между тѣмъ, чувственыя удовольствія, волнуя и какъ бы опьяняя предающаго имъ человека, постоянно раздражая и возбуждая его нервную систему и не доставляя никакой пищи его душѣ, оставляютъ въ этой послѣдней ужасное чувство пустоты и безсодержательно. Эта ничемъ не наполняемая пустота вызываетъ мучительную скуку и тоску. Человѣку болѣе ничего не остается ждать отъ жизни: онъ уже испыталъ всѣ возможныя для него удовольствія, вполнѣ пресытился ими; повтореніе ихъ не можетъ безъ конца возбуждать его и каждый разъ вызывать въ немъ пріятное чувство. Онъ уже получилъ отъ жизни все, что хотѣлъ; а другой цѣли, другого смысла и значенія жизнь для него не имѣетъ: высшія блага жизни остаются чуждыми для него, потому что они достигаются только путемъ усилій, трудовъ и терпѣнія ¹⁾. Къ тому же, во вѣшной дѣятельности нерѣдко встрѣчаются препятствія и неудачи; въ жизни постигаютъ человѣка различныя потери и бѣдствія. А у человѣка не оказывается силъ для борьбы со всѣми этими непріятными явленіями или для терпѣливаго и бодрого ихъ перенесенія. Вслѣдствіе этого обнаруживается тяжелое, угнетенное настроеніе духа; человѣкъ уже пресытился жизнью, усталъ жить; самая жизнь рисуется для него мрачными красками, кажется ему безцѣльною, полною постоянныхъ страданій, тяжелымъ непосильнымъ бременемъ, напрасно наложеннымъ на жалкаго человека. Единственнымъ утѣшеніемъ для него остается надежда на полное прекращеніе опостылѣвшей ему жизни, когда „вѣчный сонъ безъ грезъ освободитъ насъ отъ кошмара жизни“ ²⁾. Для такого духовно одряхлѣвшаго человѣка буддизмъ является особенно привлекательнымъ, потому что онъ проводитъ крайне мрачный взглядъ на жизнь, которая представляется ему однимъ непрерывнымъ страданіемъ, одною сплошною язвою, постоянно

¹⁾ Гильти. Воспитаніе души, воли и характера. Спб. 1899, стр. 81.

²⁾ С. Вагнеръ. Вопросы жизни. Москва, 1899, стр. 59.

терзающею бѣднаго человѣка, и освобожденіе отъ такой жизни онъ указываетъ въ полномъ ея прекращеніи.

Вслѣдствіе односторонняго направленія современной жизни, она уклонилась отъ высочайшихъ завѣтовъ Божественнаго Искупителя; для своего исправленія и обновленія, она нуждается въ искреннемъ обращеніи къ этимъ завѣтамъ, въ полномъ усвоеніи ихъ современнымъ человѣчествомъ. Но Божественный Образъ Христа Спасителя, высочайшій идеаль совершеннѣйшей духовной чистоты и святости, кажется слишкомъ далекимъ и чуждымъ для порочной души надменнаго современнаго человѣка. Его помраченныя духовныя очи не видятъ этого святаго Образа въ Его Божественномъ величіи, дышащаго любовью и кротостью, призывающаго къ Себѣ для успокоенія всѣхъ трудящихся на земномъ поприщѣ и обремененныхъ тягостями и невзгодами своей трудовой жизни. А потому и всѣ эти завѣты, какъ исходящіе отъ столь далекаго для современнаго человѣка Существа, кажутся ему чуждыми, навязанными извнѣ и совсѣмъ непригодными для жизни. Для него гораздо дороже личность основателя буддизма: она ему кажется близкою, родною... Вѣдь прославляемый Будда не есть сверхъестественная личность, требующая отъ своихъ послѣдователей вѣры въ ея божественность, — что такъ смущаетъ просвѣщеныхъ современниковъ въ Лицѣ Иисуса Христа, — нѣтъ, это простой смертный человѣкъ, совершившій тотъ же самый жизненный путь, который проходятъ и современные страдальцы. Вѣдь и онъ жилъ въ богатствѣ и роскоши, предавался всевозможнымъ удовольствіямъ, о которыхъ современному человѣку, пожалуй, не приходится и мечтать; онъ испилъ до дна всю чашу этихъ удовольствій, пресытился ими, пресытился самою жизнью; и сталъ искать исхода изъ этой жизни, пока не нашелъ его въ постепенномъ уничтоженіи всякихъ душевныхъ движеній, въ угашеніи самой жизни. Точно такимъ же путемъ надѣется и современный человѣкъ избавиться отъ всѣхъ золъ своей жизни и достигнуть нирваны, полной, по его мнѣнію, мира, покоя и радости, и въ этой надеждѣ видитъ для себя высшее утѣшеніе, какого онъ не могъ найти у Спасителя міра. И онъ обращаетъ свой взоръ на далекую Индію, откуда

раздалось въщее слово, которое, онъ увѣренъ, измѣнить весь строй нашей современной жизни.

Увлекаясь буддизмомъ, возторгаясь мнимою возвышенностью его ученя, его будто бы глубочайшимъ внутреннимъ смысломъ, современные поборники буддизма весьма часто, быть можетъ, сами того не замѣчая, смѣшиваютъ его съ тѣми идеями, которыя возвѣщены и раскрыты въ христіанствѣ и которыя сдѣлались обычнымъ достояніемъ христіанскихъ народовъ. Но эти изслѣдователи усматриваютъ ихъ въ такихъ буддійскихъ изрѣченіяхъ, которыя на самомъ дѣлѣ весьма далеки отъ нихъ или же по своей неясности, неопредѣленности и запутанности, по крайней мѣрѣ, не могутъ быть признаны выраженіемъ истины, сходными съ полными смысла и жизни изрѣченіями Христа Спасителя¹⁾. Такое сближеніе буддійскаго ученія съ христіанскимъ, по содержанию и изложенію невольно смущаетъ читателей, знакомыхъ съ буддизмомъ только по этимъ сочиненіямъ, располагаетъ ихъ къ буддизму и такимъ образомъ увеличиваетъ число его современныхъ поклонниковъ или почитателей.

На читателей, которые не занимаются подробнымъ изученіемъ буддизма, а знакомятся съ нимъ отрывочно и случайно, можетъ оказывать вліяніе манера нѣкоторыхъ писателей выражать свои личныя мнѣнія и предположенія другихъ лицъ по тому или другому вопросу, касающемуся буддизма, въ такой формѣ и такимъ тономъ, какъ будто рѣчь идетъ о несомнѣнной истинѣ или о твердо обоснованномъ положеніи, принятомъ въ наукѣ, хотя на дѣлѣ этотъ вопросъ еще далекъ отъ окончательнаго рѣшенія; а приводимое мнѣніе можно разсматривать лишь, какъ простую догадку, иногда не имѣющую даже и незначительной степени вѣроятности. Несвѣдущій читатель встрѣтитъ нѣсколько такихъ фразъ, иногда даже какъ будто брошенныхъ мимоходомъ, чтобы онѣ сильнѣе произвели впечатлѣніе;—и повѣритъ, что затрагиваемый вопросъ уже рѣшенъ въ указанномъ смыслѣ современной наукой. Конечно, иной разъ, ничуть не сомнѣваясь въ научной состоятельности мнѣнія по данному вопросу, и самъ онъ безъ колебанія усвоитъ

1) Таковы, напримѣръ, сочиненія: Э. Арнольда „Святъ Азія“ и Каруса „Евангеліе Будды“.

это мнѣніе; вѣдь не захочется же теперешнему образованному человѣку оказаться отставшимъ отъ другихъ въ своихъ познаніяхъ, незнакомымъ съ послѣднимъ научнымъ рѣшеніемъ современныхъ вопросовъ. Такой упрекъ въ отсталости, въ умственномъ невѣжествѣ, кажется, страшнѣе всего для нынѣшняго интеллигента...

Къ прискорбію, приходится упомянуть и о томъ, что одною изъ главныхъ причинъ современнаго увлеченія буддизмомъ служитъ почти полное незнакомство большинства образованныхъ людей съ ученіемъ святой Церкви Христовой, къ которой они себя причисляютъ ¹⁾. Цѣлая система научныхъ доводовъ, которыми христіанство защищаетъ истинность и разумность своихъ основныхъ положеній, источники христіанскаго ученія, ихъ происхожденіе, доказательства ихъ исторической достовѣрности, объясненіе ихъ содержанія, принятія св. Церковью, вся исторія Церкви, представляющая послѣдовательное раскрытіе, уясненіе и усвоеніе человѣчествомъ величайшаго дѣла искупленія, совершеннаго Спасителемъ міра,—всѣ эти обширныя области знанія остаются неизвѣстными большинству образованныхъ людей. Если бы каждый образованный христіанинъ считалъ для себя священною обязанностью имѣть, хотя краткія, но точныя и правильныя свѣдѣнія по каждому изъ этихъ вопросовъ, касающихся исповѣдуемой имъ вѣры, то многія вѣрныя теоріи объ отношеніи христіанства къ буддизму и о превосходствѣ предъ нимъ этого послѣдняго, по своему выходѣ въ свѣтъ, встрѣтили бы вполне заслуженное ими всеобщее порицаніе и презрѣніе. А при отсутствіи подобныхъ знаній, читателю невозможно бываетъ и судить, насколько спрavedливъ и основателенъ проводимый взглядъ на христіанство, особенно если теоріи придается видъ научнаго трактата съ историческими доводами, логическими выводами и многочисленными цитатами, нерѣдко даже ссылками на христіанскія канониче-

¹⁾ У насъ обычно сѣтовали на невѣжество народнаго массы, которая, къ сожалѣнію, бываетъ весьма часто вполне справедлива; но и выдающія себя за образованныхъ, передовыхъ людей, нерѣдко оказываются совершенно не свѣдущими въ исповѣдуемой ими религіи. Народъ, по крайпей мѣрѣ, силею не знаеиъ, но вѣроу; а эти печальныя народныя, при своемъ невѣдѣніи, далеко не всегда могутъ похвалиться глубиною, искренностью и твердостью своей вѣры.

скія священныя книги и творенія выдающихся отцовъ и учителей Церкви.

Когда, въ силу всѣхъ указанныхъ выше причинъ, увлеченіе буддизмомъ развилось до значительной степени, сдѣлалось виднымъ явленіемъ времени, въ своемъ родѣ, модою, многіе присоединяются къ этому увлеченію исключительно потому, что оно современно. Ихъ увлеченіе объясняется не болѣе или менѣе основательнымъ знакомствомъ съ буддизмомъ, а лишь ихъ собственнымъ легкомысліемъ. Такіе люди проводятъ жизнь, совсѣмъ не давая себѣ отчета въ томъ, какова цѣль и каковъ смыслъ этой жизни, не имѣя никакихъ принциповъ, никакихъ убѣжденій, заботясь исключительно о томъ, чтобы не отстать отъ передовыхъ, хотя съ чужого голоса могутъ толковать о предметѣ поверхностно, безъ твердыхъ убѣжденій. Для нихъ необходимы новости, какія бы заставляли ихъ волноваться, нарушали бы однообразіе ихъ будничной, безцвѣтной, скудной своимъ содержаніемъ жизни; поэтому они всегда жаждутъ чего-нибудь новаго и набрасываются на это новое, лишь бы оно всколыхнуло неподвижную поверхность ихъ душевнаго омута. Познакомившись съ этой новинкой, часто схвативъ ее на лету, они носятся съ нею, какъ будто она имѣетъ для нихъ важное жизненное значеніе. При безцвѣтной и пустой жизни, въ ихъ душѣ нѣтъ выработаннаго устойчиваго содержанія, которымъ бы опредѣлялось значеніе для нихъ того или другаго явленія; а потому у нихъ нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ серьезныхъ интересовъ. Одною изъ такихъ новинокъ для нихъ и является буддизмъ, тенденціозно прославляемый теперь нѣкоторыми, какъ одно изъ высшихъ и совершеннѣйшихъ ученій, и они набрасываются на эту новинку... Пройдетъ время, измѣнится мода, и они снова скоро и легко присоединятся къ новому теченію мысли, быть можетъ, даже противоположному тому, какимъ теперь увлекаются... ¹⁾

Сильное увлеченіе буддизмомъ на Западѣ Европы, какъ и всякая вообще мода, находитъ себѣ сочувственный откликъ и въ нашемъ отечествѣ. Сравнительно еще немного лѣтъ назадъ,

¹⁾ Таково, напримѣръ, сочиненіе Lillie: Buddhism in Christendom.

у насъ существовало весьма небольшое количество сочиненій о буддизмѣ и его основателѣ; всѣ эти произведенія принадлежали преимущественно или ученымъ изслѣдователямъ буддизма, или же нашимъ миссіонерамъ среди послѣдователей буддизма, населяющихъ нѣкоторыя мѣстности нашего отечества, и сосѣднія съ нимъ страны ¹⁾. На замѣтное возрастаніе у насъ въ настоящее время интереса къ буддизму указываетъ постепенно увеличивающееся количество сочиненій, касающихся буддизма, и значительное ихъ распространеніе ²⁾. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій стараются представить буддизмъ въ самомъ привлекательномъ видѣ, очевидно, съ желаніемъ, иногда даже не скрываемымъ, расположить къ нему читателей и уничтожить предъ нимъ исповѣдуемую нами религію, и такимъ образомъ свѣютъ плевелы въ душѣ своихъ читателей, хотя, быть можетъ, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, еще не такъ смѣло и рѣшительно, какъ это дѣлается на Западѣ Европы ³⁾.

1) Такъ до восьмидесятихъ годовъ появились труды профессоровъ: Васильева—„Буддизмъ, его догматы, исторія и литература“ ч. I. III. 1857—1869. „Религія востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г.). „О нѣкоторыхъ книгахъ, относящихся къ исторіи буддизма, въ библиотекѣ Казанскаго Университета“ (Учен. Зап. Имп. Акад. Наукъ 1855), Мипаева—рядъ статей, помѣщенныхъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1871, 1872, 1874, 1876, 1878 и 1879 г.г. и въ отдѣльномъ изданіи: „Прагматика-Сутра, буддійскій служебникъ“ 1869. „Очерки Цейлона и Индіи“ 1878 г. Позднѣева: „Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи“. 1877 г. Магистерская диссертация А. Гусева: „Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству“. 1874. Архіеп. Никола: „Буддизмъ, разсматриваемый по отношенію къ послѣдователямъ его обитающимъ въ Сибирѣ“. 1868 г. Гером. Палладіи: „Жизнеописаніе Будды“ (въ „Трудахъ членовъ Пекинскаго миссіонерскаго общества“). Кроме этихъ сочиненій, за этотъ періодъ появилось нѣсколько статей въ журналахъ (Отечеств. Записки 1843 г. Разсвѣтъ 1860 г. Истор. Вѣст. 1879. Журн. Мин. Нар. Просв. 1857. Правосл. Собѣд. 1864, 1873, 1874 г.г. Донскія Епарх. Вѣд. 1871, 1872, 1875 г.г. Христ. Чтен. 1878 и др.) и въ сочиненіяхъ по всеобщей исторіи, исторіи культуры и философіи. Въ „Грамматикѣ монгольскаго языка“ Шмидта (перев. съ нѣм. Сиб. 1882 г.) помѣщены два довольно большихъ отрывка изъ сказаній о Буддѣ (143—184 стр.).

2) Проникъ списокъ всѣхъ книгъ и статей, касающихся буддизма, былъ бы слишкомъ великъ, потому что такія сочиненія появляются теперь очень часто. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій выдержали уже нѣсколько изданій.

3) У насъ почти еще нѣтъ подобнаго направленія научныхъ спеціальныхъ изслѣдованій о буддизмѣ; но уже не мало статей и брошюръ, оригинальныхъ и

Проникновеніе въ русское общество современныхъ западно-европейскихъ воззрѣній на буддизмъ вызвало настоящее изслѣдованіе. Цѣль этого изслѣдованія критико-апологетическая: съ одной стороны, критически изслѣдовать и оцѣнить теоріи, устанавливающія сходство христіанства съ буддизмомъ и объясняющія его происхожденіе изъ этого послѣдняго, какъ изъ своего первоисточника; съ другой,—доказать полную независимость христіанства отъ буддизма и его превосходство предъ этимъ послѣднимъ, какъ единой Божественной истины предъ человѣческимъ произведеніемъ, а въ заключеніе—опредѣлить дѣйствительное отношеніе христіанства къ буддизму и вообще къ язычеству. Побужденіемъ къ этому труду служитъ искреннее желаніе автора посильно содѣйствовать укрѣпленію истины Христовой въ душахъ соотечественниковъ, смущаемыхъ современными врагами Креста Христова, часто скрывающимися въ своихъ нападкахъ подъ личиной безпристрастныхъ научныхъ изслѣдователей. Наше изслѣдованіе, можетъ быть, не чуждо многихъ недостатковъ, ненамѣренныхъ погрѣшностей, но все же думается, что, на основаніи сказаннаго въ этомъ трудѣ, можно правильно судить, насколько справедливо современное восхваленіе буддизма, бывшаго до сихъ поръ религіею только полудикихъ азіатскихъ народовъ, и униженіе предъ нимъ христіанства, вдохнувшего новую жизнь въ одряхлѣвшій языческій міръ и указавшаго человѣчеству путь въ безконечное царство свѣта, жизни и блаженства!

И. Краснитскій.

(Продолженіе будетъ).

переводныхъ, популярнаго характера, представляющихъ буддизмъ въ привлекательномъ видѣ. Подобныя популярныя произведенія особенно успѣшно содѣйствуютъ распространенію буддистскихъ идей и возбужденію сочувствія къ нимъ; такъ какъ они постепенно подкупаютъ читателей въ пользу этихъ идей, который, иногда незамѣтно для самого себя, усвоить ихъ и сродняется съ ними, какъ съ самыми обычными и общераспространенными.

ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРКОВНАГО ОБРЯДА ВЪ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА.

(Окончаніе *).

При всемъ сходствѣ обряда съ обыкновенными произведеніями поэзіи и искусства, первый однакожь много, а иногда и существенно отличается отъ послѣдняго и по цѣли, и по предмету, и по своимъ особеннымъ свойствамъ. Искусство имѣетъ цѣль свою въ себѣ самомъ, т. е. въ созданіи такихъ формъ, которыя всего болѣе отвѣчаютъ выраженнымъ ими идеямъ, какъ бы даже сливаются съ ними, и которыя такимъ образомъ являются прекрасными. Недаромъ существуетъ выраженіе, опредѣляющее цѣль чистаго искусства: искусство для искусства. Цѣль же церковнаго обряда состоитъ въ выраженіи нашего внутренняго богопочитанія, а слѣдовательно цѣль обряда не въ обрядѣ самомъ, а въ нашемъ религіозномъ чувствѣ, выраженіемъ котораго онъ служитъ.

Также можетъ быть показано различіе между обрядомъ и обыкновенными произведеніями чистаго искусства и по отношенію къ предмету того и другихъ. Хотя и можетъ казаться, что предметъ обряда и искусства есть одинъ и тотъ же, именно—прекрасное, проявляющееся въ видимой природѣ и человѣкѣ, однакожь мы увидимъ, что и въ этомъ отношеніи между обрядомъ и искусствомъ есть существенная разница. Предметъ искусства есть прекрасное и доброе, какъ оно проявляется и наблюдается въ жизни и исторіи человѣка, въ его

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1904 г. № 14.

стремленіяхъ и дѣяніяхъ и въ видимой природѣ,—слѣдовательно, прекрасное, но не свободное отъ нѣкоторыхъ тѣней, помрачающихъ обликъ его,—доброе—но въ борьбѣ со зломъ и неправдою мірскою, въ концѣ концовъ торжествующее надъ зломъ, но и испытывающее удары его на себѣ и иногда какъ бы подавляемое зломъ; словомъ, это свѣтъ въ борьбѣ съ тьмою, но непобѣдившій еще тьмы и даже какъ бы не могущій нанести ей полной побѣды. Притомъ же пониманіе прекраснаго, служащаго предметомъ искусства, у каждаго поэта есть чисто личное, субъективное, а потому оно есть, во-первыхъ, различное и по отношенію къ степени прекраснаго и къ самому существу его, а, во-вторыхъ, оно не можетъ быть свободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, составляющихъ неизбежный удѣлъ человѣка. Не говоря уже о разнообразіи вкусовъ, какъ различныхъ степеней пониманія формы прекраснаго, обратимъ вниманіе на различныя степени пониманія самаго существа прекраснаго: не видимъ ли мы, что прекрасное само въ себѣ одними изъ поэтовъ понимается въ смыслѣ личного бытія, другими оно понимается въ смыслѣ какой-то безличной силы, невольно, но безсознательно стремящейся къ гармоніи въ явленіи и къ осуществленію ея; наконецъ, не видимъ ли мы, что нѣкоторые изъ художниковъ и поэтовъ мыслію и чувствомъ своимъ останавливаются на прекрасныхъ предметахъ и явленіяхъ этого міра, признавая ихъ за самое существо прекраснаго, признавая форму красоты за самую красоту. А эта недостаточность пониманія существа прекраснаго не должна ли такъ или иначе воздѣйствовать на поэтическія произведенія, отражающія въ себѣ прекрасное,—такъ или иначе затемнять чистый образъ прекраснаго?

Не то нужно сказать о церковномъ обрядѣ въ этомъ отношеніи. Предметомъ церковнаго обряда служитъ прекрасное и доброе во всей безпредѣльной своей чистотѣ, ясности и опредѣленности, во всей безпредѣльной свободѣ отъ всякихъ ограниченій и недостатковъ; въ какой оно открылось въ сверхъестественномъ божественномъ откровеніи, въ дивныхъ дѣлахъ домостроительства нашего спасенія. Къ тому же самое пониманіе этого прекраснаго и добраго, изображеннаго намъ въ божественномъ обрядѣ, должно быть чистымъ и свободнымъ отъ всякихъ помраченій и недостатковъ, составляющихъ удѣлъ человѣка.

ственномъ откровеніи, въ церковной жизни является свободнымъ отъ субъективности пониманія, потому что въ церковномъ ученіи данъ образецъ, дана норма этого пониманія. Само собою разумѣется, что эта высота, ясность и притомъ объективность пониманія прекраснаго не можетъ не отражаться на произведеніяхъ чисто церковнаго искусства.

Указанными нами различіями въ цѣли и предметѣ церковныхъ обрядовъ и произведеній чистаго искусства обуславливается различіе въ существенныхъ свойствахъ того и другого. Прекрасное въ произведеніяхъ искусства всегда носитъ на себѣ характеръ земнаго величія и земной красоты, а поэтому оно является красотой, нелишенною нѣкоторой доли страстности, а вмѣстѣ и грѣховности. Обрядъ же, какъ отраженіе красоты небесной, божественной, долженъ быть запечатлѣнъ характеромъ самой чистой художественности и красоты. Ничто страстное, ничто грѣховное, помрачающее образъ прекраснаго, не имѣетъ мѣста въ обрядовыхъ церковныхъ дѣйствіяхъ. Поэтому обрядъ является самымъ чистымъ зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ небесное и божественное.

Нельзя въ настоящемъ случаѣ не указать на символизмъ въ обрядовыхъ церковныхъ дѣйствіяхъ. Причина этой стороны обрядовыхъ дѣйствій обуславливается именно тѣмъ, что въ нихъ выражается такая высокая идея, воплощается такая безпредѣльная красота, для которой въ дѣйствительности не можетъ быть найдена вполне соответствующая или, какъ говорятъ, адекватная форма и ее по необходимости приходится выражать въ какихъ либо символическихъ дѣйствіяхъ и образахъ, т. е. такихъ, которые намекаютъ или указываютъ на идею, но не выражаютъ ея.

Наконецъ, какъ на отличіе церковнаго обряда отъ произведеній чистаго искусства, должно быть указано на то, что всякое произведеніе искусства въ большей или меньшей степени субъективно, т. е. отражаетъ на себѣ личныя черты художника. Хотя и указываютъ достоинство великихъ произведеній поэзіи и искусства въ томъ, что они отличаются общечеловѣческимъ характеромъ и хотя и говорятъ, что тѣмъ выше произведевіе, чѣмъ оно менѣе выражаетъ личное настроеніе:

поэта или художника, однако-жь полная свобода отъ этой субъективности для обыкновенныхъ произведеній искусства не мыслима. Рафаель далъ своимъ произведеніямъ такія черты, которыя рѣзко отличаютъ ихъ отъ произведеній; напр., Корреджіо; творенія Шекспира также имѣютъ свои отличительныя черты, которыя весьма ощутительно отличаютъ ихъ отъ твореній, напр., Байрона и т. д., и произведенія каждаго поэта, каждаго художника отражаютъ на себѣ личныя черты поэта или художника, отличающія ихъ отъ произведеній другихъ поэтовъ и художниковъ. Церковныя же обрядовыя дѣйствія тѣмъ именно и отличаются, что они являются совершенно свободными отъ всякаго субъективизма, свободными отъ выраженія личныхъ свойствъ и чертъ творцевъ ихъ. Въ доказательство этого можно указать на то, что какъ ни свято чтить церковь своихъ выдающихся дѣятелей, какъ ни крѣпко хранить она память о всѣхъ выдающихся носителяхъ ея идеи, однако-жь въ ней утратилась память о творцахъ многихъ изъ обрядовыхъ церковныхъ дѣйствій, многихъ молитвъ, многихъ пѣснопѣній: какъ будто эти дѣйствія въ церковной практикѣ возникли сами собой. Что же это значитъ? Почему церковь такъ, повидимому, невнимательно и даже неблаговоительно отнеслась къ памяти этихъ своихъ дѣятелей? Причина такого забвенія заключается въ томъ, что всякое церковное дѣйствіе, всякій церковный обрядъ, всякая молитва и пѣснь есть выраженіе не частныхъ, личныхъ вѣрованій того или другого лица, но чувствованій и вѣрованій всей церкви; поэтому личность, давшая выраженіе этимъ чувствованіямъ, не была отмѣчаема особеннымъ образомъ и проходила какъ бы незамѣченною, произведеніе же ея—обрядовое дѣйствіе принималось и усваивалось какъ прекрасное выраженіе общей вѣры церкви и ея чувствованій.

Слѣдуетъ, наконецъ, обратить вниманіе на слѣдующую сторону церковнаго обряда. Хотя по натурѣ своей обрядъ, какъ мы видѣли, не только не отрицаетъ, но, напротивъ усваиваетъ себѣ все прекрасное, которое даетъ творческая способность челоуѣческаго духа и въ области архитектуры, и въ области музыки, живописи, ваянія и т. д., хотя совершенною обряда въ

извѣстной мѣрѣ не чужды богатство и великолѣпіе, насколько эти послѣднія могутъ содѣйствовать болѣе рельефному выраженію идеи его, а ихъ содѣйствіе здѣсь несомнѣнно; хотя поэтому въ христіанствѣ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ его жизни и живетъ глубокая потребность строить великолѣпные храмы для совершенія общественнаго богослуженія, украшать ихъ самою художественною живописью, ваяніемъ, скульптурою, сопровождать совершеніе обряда мелодичнымъ гармоничнымъ пѣніемъ: однако-жь все это не входитъ въ существо обряда и не можетъ быть считаемо безусловно необходимымъ для него. Все перечисленное нами: прекрасная архитектура храмовъ, художественность ихъ украшенія, прекрасное пѣніе, богатство обстановки—все это служитъ, конечно, къ украшенію и даже къ увеличенію силы его впечатлѣнія, однакожь мы должны признать, что возможна полная сила дѣйственности церковнаго обряда и при самой убогой обстановкѣ совершенія его, но при истинно-сердечномъ и глубоко вѣрующемъ участіи въ немъ какъ лицъ священнослужащихъ, такъ и присутствующихъ. Возможно даже обратное отношеніе, именно возможно, что все служащее къ украшенію обряда богатство и великолѣпіе послужитъ не на пользу, а въ ущербъ дѣйственности церковнаго обряда, самое совершеніе его превратится въ бездушную помпу, когда все вниманіе при совершеніи обряда обращается на внѣшнее дѣйствіе его, внутреннее же значеніе обряда совсѣмъ игнорируется, и обрядъ, такимъ образомъ, остается безъ собственнаго значенія. Напротивъ возможно, что совершеніе обряда при самой скудной обстановкѣ, но при сердечномъ и задушевномъ отношеніи къ нему можетъ произвести на присутствующихъ самое глубокое религіозное дѣйствіе. Но особенно достойно примѣчанія при этомъ то, что скудное по внѣшности, но задушевное и сердечное исполненіе обряда можетъ дать истинно-эстетическое наслажденіе. Это обуславливается, конечно, тѣмъ, что скудныя въ настоящемъ случаѣ средства, находящіяся въ распоряженіи совершителей обряда, восполняются богатствомъ внутренняго содержанія и внутренней красоты, и это внутреннее богатство жизни и красоты ея,

отражаясь на внѣшнихъ дѣйствіяхъ обряда, восполняетъ недостатокъ, а иногда даже бѣдность матеріальной обстановки.

Таковы психологическія основанія обряда, какъ внѣшняго выраженія нашего внутренняго богопочтенія.

Если психологическими особенностями человѣка, какъ мы видѣли, обуславливается и полагается необходимость церковнаго обряда, какъ внѣшняго выраженія нашихъ духовныхъ вѣрованій и чувствованій; то свойствами же природы нашей обуславливается и одно изъ существенныхъ свойствъ церковнаго обряда—его *общественность*.

Общественность обряда состоитъ въ томъ, что онъ, по самому началу своему предназначенный для общественнаго выраженія нашихъ религіозныхъ вѣрованій и чувствованій, самымъ дѣйствіемъ своимъ призываетъ къ участию въ немъ, т. е. къ выраженію своихъ чувствъ всѣхъ и cadaго присутствующихъ въ храмѣ и, такимъ образомъ, всѣхъ ихъ соединяетъ союзомъ любви, общенія и единенія между собою, и обосновываетъ въ душахъ ихъ единство вѣры, единство стремленій и чувствованій. Въ силу этого своего свойства обрядъ требуетъ, чтобы при совершеніи его присутствовало не одно, а нѣсколько лицъ; ибо при одноличномъ совершеніи обряда не осуществляется одна изъ цѣлей его и игнорируется одна изъ существенныхъ задачъ его—единеніе вѣрующихъ между собою, а вмѣстѣ съ этимъ обрядъ утрачиваетъ свой собственный смыслъ и свое собственное значеніе. Представимъ себѣ обрядъ при единоличномъ исполненіи его и участіи въ немъ, такое исполненіе обряда будетъ равняться благовѣсту къ утрени въ опустѣломъ монастырѣ, или произнесенію проповѣди въ безлюдной пустынѣ. Къ удовлетворенію единичнаго религіознаго чувства должна служить молитва, сопровождаемая извѣстными символическими дѣйствіями. Совершеніе обряда мыслимо только въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, т. е. въ церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ, ибо самое совершеніе обряда, предназначено для того, чтобы выразить союзъ вѣрующихъ и скрѣпить этотъ союзъ узами единства вѣры, чувствованій и стремленій. Притомъ обрядъ, въ силу указаннаго нами свойства, не только требуетъ присутствія при немъ нѣсколькихъ лицъ, но еще

требуетъ самаго живого и непосредственнаго участія въ совершеніи его всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ лицъ. По идеѣ обряда, всѣ присутствующіе въ храмѣ должны представлять собою одинъ хоръ, въ которомъ каждый участвуетъ своимъ голосомъ и который управляется однимъ лицомъ—священносовершителемъ обряда. Представимъ какой либо примѣръ, наглядно подтверждающій дѣйствительность участія присутствующихъ въ храмѣ христіанъ въ дѣйстви церковнаго обряда. Возьмемъ одно изъ обрядовыхъ дѣйствій божественной литургіи—малый выходъ. Когда священнослужашіе, предшествуемые свѣтильникомъ, выходятъ изъ алтаря сѣверными вратами съ евангеліемъ, которое несетъ поднятыми къверху руками впереди идущій діаконъ, символически изображая тѣмъ выступленіе Христа на общественную проповѣдь; когда, затѣмъ, послѣ возгласа діакона: премудрость, прости! указывающаго на глубокий внутренній смыслъ этого внѣшняго дѣйствія, клиръ отъ лица присутствующихъ поетъ: приидите, поклонимся и припадемъ ко Христу..., а всѣ присутствующіе въ храмѣ, внутренне выражая свое единомысліе и сочувствіе съ клиромъ, дѣйствительно припадаютъ и поклоняются Христу; то этимъ выражается та очевидная мысль, что дѣйствіе обряда, совершаемое въ церкви, есть дѣйствіе всѣхъ присутствующихъ при немъ и что воспѣваемая при настоящемъ дѣйстви пѣснь: приидите, поклонимся... должна представлять собою выраженіе гармоніи голосовъ и чувствъ всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ. Дѣйствительно, въ древней церкви это участіе выражалось самымъ осязательнымъ образомъ: ибо тогда въ церковномъ пѣніи принимали участіе всѣ присутствующіе въ храмѣ. У насъ въ настоящее время, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, нѣтъ общаго пѣнія; отмысли этого древняго и въ высшей степени церковнаго обычая могли способствовать многія причины: и все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени возрастающая сложность христіанскаго общественнаго богослуженія, и все болѣе и болѣе развивавшаяся потребность стройнаго и гармоническаго пѣнія, и уменьшеніе съ теченіемъ времени живости вѣры первоначальныхъ временъ; но тѣмъ не менѣе первоначальная идея участія всѣхъ вѣрующихъ въ дѣйстви

обрядовъ остается одна и та же, ибо клиръ или хоръ наученныхъ пѣвцовъ является выразителемъ не своихъ въ частности чувствъ, но всѣхъ присутствующихъ при богослуженіи православныхъ христіанъ. Всѣ эти указанныя черты церковнаго обряда и составляютъ *общественность*.

Общественность усвоется обряду не носильственно или какъ-нибудь искусственно, но, какъ мы уже сказали, она является самымъ естественнымъ отраженіемъ свойства природы человѣка. Человѣкъ по природѣ своей есть существо общественное, носящее въ самой природѣ своей влеченіе къ жизни общественной, поэтому вся дѣятельность человѣка и особенно благородная самоотверженная дѣятельность всегда носить на себѣ характеръ общественности. Глубочайшее основаніе такого характера дѣятельности человѣка лежитъ въ природѣ его сердца, которое считается исходникомъ жизни и дѣятельности. Чувство по природѣ своей, съ одной стороны, сообщительно, а съ другой—участливо. Исполненныя какого-либо глубокаго чувства радости или печали, мы непременно хотимъ подѣлиться съ другими въ своихъ чувствахъ. Мы хотимъ, чтобы другіе приняли участіе въ нашей радости и сорадованіемъ сдѣлали бы нашу радость еще полнѣе, приняли бы участіе въ нашей печали и своимъ участіемъ—сострадавіемъ облегчили бы нашу печаль; равнымъ образомъ, подъ вліяніемъ сочувствія или состраданія мы принимаемъ участіе въ радости и горѣ другихъ. Радость и счастье другихъ, особенно близкихъ намъ, вызываютъ въ насъ чувство сорадованія, тогда какъ горе и слезы другихъ невольно вызываютъ въ насъ состраданіе и даже слезы участія; притомъ мы можемъ такъ же тяжело и глубоко чувствовать горе другихъ, какъ и свое. Таково свойство психологическихъ фактовъ. Священное Писаніе объясняетъ намъ причину этихъ фактовъ въ сродствѣ и единствѣ природы—какъ духовной, такъ и тѣлесной—всѣхъ людей. Оно говоритъ намъ, что какъ ни различны между собою и по развитію, и по внѣшнему положенію, и даже по внѣшнему виду различные представители человѣческаго рода, однакожь всѣ они имѣютъ самое близкое родство между собою какъ духовное,—ибо всѣ они произошли отъ единаго дыханія божественнаго, такъ и

тѣлесное,—ибо всѣ они произошли отъ единой крови. Таковыя психологическія и метафизическія основанія указаннаго нами свойства церковнаго обряда; изъ самаго указанія этихъ основаній выясняется какъ, съ одной стороны, существенная принадлежность церковному обряду этого свойства, такъ, съ другой стороны, важное въ церковной жизни этой стороны обряда значеніе. На самомъ дѣлѣ, если по природѣ своей и вмѣстѣ по Господню установленію люди должны имѣть внутреннее общеніе и единеніе между собою, если христіане должны представлять изъ себя церковь; то долженъ существовать видимый органъ этого единенія и общенія вѣрующихъ между собою, а таковымъ органомъ можетъ служить и дѣйствительно служить *церковный обрядъ*. Итакъ, обрядъ есть органъ религиозно-нравственныхъ отношеній людей между собою,—въ этомъ состоитъ его общественное, а вмѣстѣ и церковное значеніе.

.. Со стороны указаннаго нами свойства *общественности* обрядъ является имѣющимъ сходство съ христіанскою нравственною дѣятельностію, также отличающеюся характеромъ общественности. Какъ чрезъ участіе въ обрядовыхъ церковныхъ дѣйствіяхъ, такъ и въ нравственной дѣятельности человѣкъ выступаетъ изъ своей единичности и эгоистической замкнутости и явлется какъ общественная личность, какъ живой членъ общества: ибо какъ въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ, такъ и въ общественной дѣятельности человѣкъ вступаетъ въ общеніе и живой союзъ съ другими, подобными ему и со всею церковію; притомъ, какъ въ обрядѣ, такъ и въ нравственной дѣятельности исходною точкою отправленія стремленій человѣка является любовь къ Богу и ближнимъ, а конечною цѣлію этихъ стремленій—прославленіе Бога.

Но при нѣкоторомъ сходствѣ обрядъ и нравственная дѣятельность существенно различаются между собою, какъ два совершенно особая и самостоятельныя проявленія внутренней жизни и дѣятельности человѣка, какъ такія дѣйствія, въ которыхъ находятъ питаніе и осуществленіе для себя совершенно особая стремленія и стороны духа человѣческаго, и они взаимно незамѣнимы, т. е. ни обрядъ не можетъ устранить собою необходимость нравственной дѣятельности, ни эта послѣдняя не

можетъ сдѣлать ненужнымъ обрядъ. Обрядъ имѣетъ свою цѣлю удовлетворить нашему стремленію къ міру горнему, идеальному и поставить насъ въ дѣйствительную и притомъ осязаемую связь съ этимъ міромъ; въ обрядѣ человѣкъ хочетъ лицомъ къ лицу стать съ Богомъ, какъ нашимъ Творцемъ, Промыслителемъ, Испытателемъ и Освятителемъ, насколько это достижимо для человѣка въ настоящей жизни, хочетъ чрезъ посредство чувственного возвыситься и приблизиться къ высшему и совершеннѣйшему міру; поэтому въ обрядѣ, какъ внѣшней и видимой сторонѣ богослуженія, находятъ выраженіе и осуществленіе для себя прежде всего непосредственныя стремленія человѣка къ Богу, т. е., съ одной стороны, стремленія къ общенію съ Нимъ, угожденію Ему, а съ другой—стремленія къ обновленію и освященію нашей грѣховной природы. Какъ тварное и притомъ грѣховное существо, человѣкъ стремится, съ одной стороны, умиловитъ Бога, прославить Его и возблагодарить, а съ другой—получить обновленіе и освященіе своей немощной природы,—и всѣмъ этимъ стремленіямъ онъ находитъ возможное на землѣ удовлетвореніе и выраженіе въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ богослуженія.

Существенно другая задача христіанской нравственной дѣятельности. Въ нравственной дѣятельности человѣкъ стремится къ воплощенію и осуществленію въ его собственной жизни и жизни его окружающихъ идеала, даннаго въ религіи, а слѣдовательно и въ обрядѣ, какъ внѣшнемъ выраженіи ея. Поэтому въ нравственной дѣятельности человѣкъ обращается отъ небеснаго и идеальнаго къ земному и мірскому, погружается въ область земныхъ безконечныхъ печалей и заботъ, которыя онъ долженъ оставлять и забывать въ часы богослуженія, но которыя составляютъ неизбѣжный удѣлъ жизни человѣка; онъ ставовится лицомъ къ лицу съ жизнью такъ, какъ она есть съ ея радостями и печалями, съ ея добромъ и зломъ, съ ея правдою и неправдою,—конечно, не для того, чтобы погрязнуть въ этомъ круговоротѣ жизненныхъ явленій, но для того, чтобы въ этомъ безпорядочномъ хаосѣ свѣта и тьмы, правды и неправды, добра и зла водворить нравственный порядокъ, содѣйствовать побѣжденію зла и неправды, доставленію тор-

жества правдѣ и добру,—словомъ, содѣйствовать осуществленію идеала въ человѣческой жизни и исторіи.

Продолжая далѣе сравненія обряда съ нравственною дѣятельностію, мы можемъ, для показанія различія того и другой указать на то, что собственнымъ психологическимъ органомъ обряда служитъ способность представленія, тогда какъ органомъ дѣятельности является воля; что обрядъ питаетъ и развиваетъ въ насъ попреимуществу чувство любви къ Богу; онъ опредѣляетъ его, проявляетъ и возвышаетъ до степени чувствованія и какъ бы даже ощущенія Бога, тогда какъ дѣятельность развиваетъ попреимуществу любовь къ ближнимъ, возвышая ее до степени полного самоотверженія и полного забвенія своихъ интересовъ въ пользу другихъ; что, наконецъ, церковная обрядность способствуетъ развитію созерцательности, мистицизма, тогда какъ дѣятельность способствуетъ развитію характеровъ, создавая своимъ вліяніемъ непоколебимыхъ защитниковъ вѣры; самоотверженныхъ дѣятелей на поприщѣ жизни церковной и политической.

Въ виду указаннаго нами существа обряда и его особенныхъ свойствъ, отличающихъ его отъ нравственной дѣятельности, мы должны сказать, что глубоко заблуждаются тѣ, которые унижаютъ обрядъ предъ нравственною дѣятельностію и которые говорятъ, что обрядомъ, какъ самимъ въ себѣ дѣйствіемъ мало полезнымъ, можно совсѣмъ пожертвовать для общественной дѣятельности, что во всякомъ случаѣ, будто-бы, расчетливѣе и полезнѣе время и средства, употребляемыя на исполненіе обряда, употреблять на общественную дѣятельность того или другого рода, которая приноситъ пользу и самому дѣятелю и увеличиваетъ сумму общаго блага. Но такія мнѣнія мы должны назвать узкими и даже пагубными для нашей нравственной дѣятельности. Нравственная дѣятельность сама въ себѣ не можетъ быть признана самодовлѣющею: она прежде всего имѣетъ нужду въ идеалѣ, который бы освѣщалъ путь ей и указывалъ бы направленіе ей; далѣе для нравственной дѣятельности, чтобы она была истинно христіанскою дѣятельностію и чтобы она постепенно развивалась и возрастала, необходима внутренняя сверхъестественная помощь; но тотъ и

другую, т. е. идеаль и сверхъестественную помощь, человекъ можетъ получить только изъ религіи, внѣшнимъ выраженіемъ которой является обрядъ. Поэтому мы хотя и отличаемъ обрядъ отъ нравственной дѣятельности, однакожь утверждаемъ со всею рѣшительностію, что для самой нравственной дѣятельности обрядъ имѣетъ незамѣнимое значеніе, служа проводникомъ необходимыхъ для нея внутреннихъ сверхъестественныхъ силъ и указуя въ дѣйствіяхъ своихъ въ самыхъ конкретныхъ чертахъ нравственный идеаль. Если мы оторвемъ нравственную дѣятельность отъ культа, уединимъ ее отъ обряда: то мы лишимъ ее ясности ея идеала, мы превратимъ ее въ философскую нравственность, въ нравственность долга, дѣятельность саму въ себѣ холодную, лишенную чувства и собственно не имѣющею для себя опредѣленнаго плана и цѣли.

Но главный недостатокъ разбираемаго нами мнѣнія состоитъ въ томъ, что отвергающіе значеніе обряда въ пользу нравственной дѣятельности забываютъ слѣдующее обстоятельство: въ нравственной дѣятельности, хотя мы въ ней и исполняемъ законъ Божій, мы непосредственнаго отношенія къ Богу не имѣемъ, мы въ ней имѣемъ отношеніе собственно къ людямъ и къ землѣ; но если мы вѣруемъ, что сотворившій насъ Богъ есть личное существо, то мы должны признать потребность и даже необходимость непосредственныхъ обязанностей и отношеній къ Богу, которыя бы служили прямымъ выраженіемъ нашей преданности, любви и благодарности къ Богу. Было бы страннымъ и противоестественнымъ, еслибы человекъ, исходя изъ понятія о Богѣ, какъ существѣ личномъ, *недалече отъ единого коюждо насъ сущимъ* (Дѣян. 17, 27), по своей безконечной благодати вникающемъ во всѣ бѣдствія и нужды наши и назирающемъ за всѣми обстоятельствами жизни нашей, изъ какихъ то мелкихъ расчетовъ, обнаруживающихъ слабость и неопредѣленность нашей вѣры, сталъ бы отказываться отъ непосредственнаго выраженія своихъ чувствъ, наполняющихъ его сердце, ссылаясь на то, что Богъ, въ своей безконечной славѣ сущій, не имѣетъ нужды въ нашемъ служеніи и прославленіи, тогда какъ меньшая наша братія имѣетъ постоянную и не-

скончаемую нужду въ нашемъ пособіи и нашей помощи: ибо она вѣчно и алчетъ и жаждетъ, страдаетъ отъ болѣзни и т. д.

Евангельская исторія представляетъ намъ, съ одной стороны, примѣръ такой неразумной расчетливости на счетъ непосредственнаго нашего служенія Богу, а съ другой—порицаніе этой расчетливости. Евангелистъ Матеей повѣтствуетъ, что когда одна женщина, во время пребыванія Іисуса Христа въ домѣ Симона прокаженнаго, стала возливать на голову Его драгоцѣнное миро и когда ученики, подѣ влияніемъ навѣтовъ Іуды, въ послѣдствіи предателя, соблазняясь этою, какъ имъ казалось, непроеводительною тратою, говорили: *чесо риди гибель сія бысть? Можаше бо сіе миро продано быти на мнозѣ и датися нищимъ*; то Іисусъ Христосъ, уразумѣвая тайныя мысли своихъ учениковъ, укорилъ ихъ маловѣріе и ихъ узкую расчетливость и восхвалилъ великою похвалою нерасчетливый поступокъ женщины. Онъ назвалъ это пожертвованіе сосудомъ драгоцѣннаго мира: добрымъ дѣломъ для Него и указалъ на то, что этотъ поступокъ любящей женщины будетъ имѣть историческое значеніе, потому что до тѣхъ поръ, пока существуетъ церковь, онъ будетъ служить примѣромъ, достойнымъ подражанія: *Разумѣвъ же Іисусъ рече имъ: что труждаете жену? дѣло бо добро содѣла о Мнѣ. Всегда бо нищія имате съ собою: Мене же не всегда имате. Возліавши бо сія миро сіе на тѣло Мое, на погребеніе: Мнѣ сотвори. Аминь глаголю вамъ: идѣже аще проповѣдано будетъ евангеліе сіе во вѣмъ мѣрѣ, речется и еже сотвори сія въ память ея* (Мѣ. 26, 8—13). Само собою разумѣется, что Христосъ не унижаетъ этими словами нравственной христіанской дѣятельности; ибо въ противномъ случаѣ какъ же можно было бы согласить съ этими словами другія слова Его: *сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы. Больше сея любве никтоже имать, да кто дуту свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 12—13), или слова Его о совершенствѣ: *аще хочещи совершенъ быти, иди, продажь имѣніе твое и даждь нищимъ и имѣти имаша сокровище на небеси: и гряди въ слѣдъ Мене* (Мѣ 19, 21); или, наконецъ, слова Его о существѣ закона: *въ сію обою заповѣдію весь законъ и пророци висятъ* (Мѣ. 22, 40), т. е. въ

заповѣди о любви къ Богу и ближнимъ. Въ приведенныхъ выше словахъ Спаситель хотѣлъ только указать, что лежащія на насъ обязанности не исчерпываются дѣлами любви къ нашимъ ближнимъ и что ради обязанностей нашихъ къ ближнимъ, не смотря на всю безусловную ихъ важность, мы не должны забывать нашихъ обязанностей къ Богу, какъ обязанностей первѣйшихъ и главнѣйшихъ.

Изъ сказаннаго о существѣ и психологическихъ основахъ церковнаго обряда слѣдуетъ, что онъ долженъ имѣть самое глубокое дидактическое (учительное) и воспитательное значеніе. Это значеніе обряда обуславливается тѣмъ, что каждый обрядъ, какъ мы видѣли выше, служа средствомъ выраженія нашихъ чувствъ Богу, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ какой-либо догматической истины; и что въ цѣлой суммѣ церковныхъ обрядовъ воплощена вся совокупность нашихъ религіозныхъ вѣрованій, слѣдовательно, вся исторія домостроительства нашего спасенія и вся догматика. Поэтому, присутствуя при богослуженіи и разумно вникая въ совершающія предъ нами дѣйствія, мы какъ въ школѣ имѣемъ возможность знакомиться съ выдающимися откровеніями благодати и величія божественнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ поучаться церковнымъ догматамъ и Христовымъ заповѣдямъ. Притомъ школа эта есть самая лучшая, самая жизненная, и наученіе въ ней имѣетъ свои несравнимыя преимущества, потому что какъ сообщаемыя намъ въ этой школѣ событія, такъ и преподаваемыя ею догматическія и нравственныя ученія предлагаются въ самой живой, самой наглядной, а слѣдовательно дѣйствующей на всѣ наши чувства формѣ. Само въ себѣ догматическое и нравственное ученіе, какъ ученіе научное, всегда и необходимо носить на себѣ характеръ отвлеченный, слѣдовательно, въ известной мѣрѣ оторванный отъ живой дѣйствительности: оно говоритъ намъ о предметахъ, такъ сказать, отсутствующихъ; въ обрядовыхъ же дѣйствіяхъ мы становимся какъ бы лицомъ къ лицу съ самими этими предметами. Поэтому обрядъ рельефнѣе представляетъ намъ самый предметъ и непосредственнѣе приближаетъ насъ къ предмету, чѣмъ научное и въ собственномъ смыслѣ школьное знаніе. Къ тому же и научное знаніе и

школьное преподаваніе чаще всего страдаютъ преобладаніемъ сухой разсудочности, т. е. и знаніе и преподаваніе принимаютъ на себя сухой, узко разсудочный характеръ, вслѣдствіе чего самое преподаваніе можетъ оставаться безъ всякаго вліянія на наше сердце, тогда какъ обрядовыя дѣйствія, представляющія и выражающія намъ тѣ же самыя событія и ученія въ конкретныхъ и живыхъ образахъ, всегда и прежде всего дѣйствуютъ на наше сердце, такимъ образомъ способствуютъ истинно религіозному, т. е. сердечному, усвоенію этихъ ученій.

Но дидактическое значеніе обрядовыхъ церковныхъ дѣйствій, истекающее изъ ихъ драматическаго характера, еще болѣе возвышается и подкрѣпляется таинственнымъ содержаніемъ обрядовъ, мистическимъ характеромъ ихъ. Церковь вѣруетъ, что если каждый церковный обрядъ, кромѣ внѣшней стороны, можетъ имѣть невидимую сторону, то обрядовыя дѣйствія таинствъ являются какъ прямыя орудія, сообщающія намъ невидимую божественную благодать. Эта-то сторона обрядовъ и вѣра въ дѣйствительность ея усвояютъ обряду самое глубокое воспитательное и учительное значеніе. Если при научномъ изученіи догматовъ мы находимся въ сторонѣ отъ изучаемыхъ предметовъ, ибо научное знаніе не перестаетъ быть знаніемъ и при этомъ условіи, то въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ мы становимся лицомъ къ лицу съ самыми предметами нашего знанія, мы какъ бы осязаемъ ихъ, мы какъ бы прикасаемся къ самой святинѣ, освящаемся, обновляемся и укрѣпляемся ими, а чрезъ это фактически и несомнѣнно убѣждаемся въ дѣйствительномъ бытіи ихъ. Большая также доля учительнаго и воспитательнаго значенія обрядовъ обуславливается тѣмъ историческимъ элементомъ, который вводится въ кругъ нашего богослуженія, именно тою стороною сего, послѣдняго, что въ послѣдовательномъ годовомъ кругѣ нашего богослуженія, съ одной стороны, воспроизводится рядъ историческихъ событій, открывающихъ намъ безконечную полноту благодати, премудрости и правды Бога, немощность и грѣховность человѣческой природы, а съ другой—воспоминается непрерывно идущій рядъ выдающихся дѣятелей на нивѣ церкви Господней: патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ,

исповѣдниковъ, непоколебимая вѣра и удивительные подвиги которыхъ во имя правды и добра могутъ дѣйствовать всею силою обаянія примѣра.

Наконецъ, научающее, а главнымъ образомъ воспитывающее значеніе церковной обрядности обуславливается всею ея совокупностію, всѣмъ строемъ и распорядкомъ ея. Если мы мыслимъ обнимемъ всю совокупность церковныхъ обрядовыхъ дѣйствій и прослѣдимъ въ общихъ чертахъ распорядокъ ихъ; то мы найдемъ, что въ самой этой совокупности, въ самомъ этомъ распорядкѣ церковныхъ обрядовъ лежитъ неисчерпаемая глубина и полнота наученія и назиданія. Начнемъ съ того момента, какъ утромъ въ какой-либо праздничный день раздается первый ударъ церковнаго колокола, призывающій насъ въ храмъ для общественнаго богослуженія. Прежде всего прислушаемся къ этимъ неспѣшнымъ величественнымъ звукамъ. Это не бездушные звуки фабричнаго колокола, связывающіе людей или на работу или на обѣдъ; это не торопливые звуки вокзальнаго колокола, возвѣщающіе о наступленіи времени отхода поѣзда; это, наконецъ, и не дробь военнаго барабана, служащая сигналомъ команды, это величественный, душу возвышающій и умиляющій, благовѣсть, напоминающій намъ о нашей священнѣйшей обязанности прославленія, благодаренія и умиловленія Бога. Послѣдуемъ же влеченію добраго чувства, возбужденнаго въ насъ церковнымъ благовѣстомъ, и пойдемъ по зову его въ церковь. Вотъ мы уже подходимъ къ храму; но остановимся на минуту, взглянемся въ него повнимательнѣе и различимъ выдающіяся черты его. Самый внѣшній видъ его говоритъ намъ, что это не простой домъ, въ которомъ совершается такая же обыденная жизнь, которая совершается въ каждомъ домѣ, жизнь, исполненная земныхъ интересовъ, жизнь земныхъ радостей, земныхъ печалей и заботъ, но что это зданіе имѣетъ свое особое назначеніе. Онъ (храмъ), построенъ по особому плану, въ основу котораго, положена или идея креста, какъ орудія нашего спасенія, или идея корабля, указывающая на то, что только въ церкви, какъ корабль, можно безопасно плыть среди волненій этого моря житейскаго, а эта выдающаяся высота зданія, его готи-

ческій стиль, его высоко поднимающіяся главы, его уходящія въ небо позлаченные кресты свидѣтельствуютъ о томъ, что предъ нами зданіе, построенное для того, чтобы служить школою для насъ, поучающею насъ восходить и дѣйствительно ведущаго насъ отъ земли на небо, словомъ, предъ нами домъ Божій, домъ молитвы. Обратимъ также вниманіе на то, что входъ въ храмъ устроенъ съ западной стороны, алтарная же часть храма обращена на востокъ. Это не случайное расположеніе частей храма. Этимъ расположеніемъ символически указывается на то, что чрезъ церковь мы отъ запада идемъ къ востоку, т. е. къ Солнцу правды, Господу Богу нашему. Когда мы только входимъ въ храмъ, когда мы переступаемъ только порогъ храма, насъ невольно охватываетъ такое чувство, котораго мы не испытываемъ среди обыденной жизни—чувство религіознаго благоговѣнія и священнаго трепета. Это чувство возникаетъ въ насъ отъ представленія, что, переступая порогъ храма, мы какъ бы вступаемъ въ новый невещной міръ, мы вступаемъ въ жилище Божіе, на святую гору Его (Ис. XIV, 1). Взойдемте въ храмъ и рассмотримъ внимательно внутренность его. Какъ все окружающее насъ тутъ особенно, какъ свято, какъ возвышенно, какъ поучительно и назидательно. Вотъ прямо предъ нами иконостасъ, отдѣляющій алтарь отъ средней части храма и вмѣщающій въ себѣ множество священныхъ изображеній. Посмотрите на эти изображенія. Вотъ въ самомъ нижнемъ ярусѣ иконостаса по правую сторону его стоитъ изображеніе Спасителя. Какой божественно-человѣчный образъ! съ какою безконечною любовію смотритъ на васъ ликъ Его, приглашая къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ! Вотъ по лѣвую сторону царскихъ вратъ дивно-прекрасный образъ Пресвятой Дѣвы Богородицы. Съ какою истинно-материнскою любовію смотритъ ликъ ея на всѣхъ прибѣгающихъ къ ней, какое глубокое состраданіе свѣтится въ глазахъ ея, ибо ей самой прошелъ въ душу мечъ страданій. Но посмотрите затѣмъ на изображенія, поставленныя во второмъ и третьемъ ярусахъ иконостаса. Сколько чудныхъ ангельскихъ и человѣческихъ образовъ представляютъ они намъ! Они представляютъ намъ образы патриарховъ, про-

роковъ, апостоловъ и другихъ святыхъ. Всмотритесь въ каждый изъ этихъ образовъ: какое нравственное величїе, какую самоотверженную любовь, какую крѣпкую вѣру представляетъ въ себѣ каждая изъ этихъ личностей! Осмотритесь и кругомъ—васъ всюду окружаютъ изображенія священныхъ лицъ и священныхъ событій; вы какъ бы перенеслись въ новый небесный мїръ и стоите окруженные этими небожителями. Поднимите взоръ вашъ къ верху и посмотрите на этотъ распростирающійся надъ головою вашею сводообразный куполь: какъ онъ напоминаетъ собою сводъ небесный, который въ духовномъ смыслѣ представляется мѣстомъ обитанія Бога. На сводѣ купола изображенъ ветхій деньми Богъ, Отецъ. Какъ величественъ этотъ образъ и какъ знаменательно это изображеніе Господа Саваога, несущагося по своду небесному, указывающее на неусыпное божественное промышленіе о мїрѣ, вызванномъ изъ ничтожества. Посмотрите на царскія врата; онѣ открываютъ вамъ видъ въ Св. Святыхъ христіанскаго храма—алтарь и на самую великую святыню алтаря—престолъ, на которомъ невидимо присутствуетъ самъ Господь славы и на которомъ во время совершенія Евхаристіи Спаситель нашъ присутствуетъ невидимо, но дѣйствительно не только своимъ божествомъ, но и своею плотію и кровію. Какое чудное и какое поразительное для очей нашей вѣры зрѣлище!

Но вотъ возгласомъ діакона и благословеніемъ священника начинается богослуженіе. Впечатлѣніе, произведенное на насъ обстановкою храма, еще болѣе усиливается дѣйствіемъ начавшагося богослуженія. Оно совершается особо избранными и посвященными лицами, облеченными для совершенія его въ особыя священныя облаченія. Оно слагается изъ благоговѣйнаго чтенія слова Божія, молитвословій и пѣснословій Трипостасному Богу, Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ и святымъ; исполненныхъ часто самаго глубокаго богословія и самой высшей поэтичности и живой красоты, изъ стройнаго мелодическаго и умилятельнаго пѣснопѣнія, изъ множества другихъ символическихъ и обрядовыхъ дѣйствій, служащихъ выраженіемъ нашихъ стремленій къ непосредственному общенію съ Богомъ.

Если мы теперь соединимъ все сказанное въ одно цѣлое— всю эту церковную обстановку, всѣ эти обрядовыя дѣйствія, это пѣніе, это чтеніе, то мы и поймемъ причину того особаго чувства—религіознаго благоговѣнія и священнаго трепета, которое мы испытываемъ, когда съ вѣрою и истиннымъ расположеніемъ стоимъ въ храмѣ. Стоя въ храмѣ Божіемъ, мы невольно представляемъ себя какъ бы дѣйствительно стоящими въ жилищѣ самого Бога, мы чувствуемъ близость Божества, чувствуемъ вѣяніе божественной благодати. Это чувствованіе горняго міра можетъ усиливаться по мѣрѣ того, какъ предъ нами развивается дѣйствіе богослуженія, ибо по мѣрѣ того, какъ совершается богослуженіе и по той мѣрѣ, какъ раскрываются предъ нами тайны бытія Бога и міра, тайны нашего спасенія, по той мѣрѣ мы какъ бы приближаемся къ Богу, а Богъ приближается къ намъ, и когда, наконецъ, богослуженіе достигаетъ высшаго своего предѣла во время предложенія и предложенія даровъ, тогда чувство наше, оживляемое вкушеніемъ видимыхъ знаковъ хлѣба и вина, можетъ возвыситься до степени самаго блаженнаго чувства нашего общенія и единенія съ Богомъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

Впрочемъ, какъ бы ни была велика учительная и воспитательная сила церковныхъ обрядовыхъ дѣйствій, мы должны однакожь сказать, что собственное существо и главная цѣль обрядовыхъ дѣйствій состоитъ не въ наученіи и назиданіи,— это дѣло проповѣди, а въ удовлетвореніи нашего религіознаго чувства, нашихъ религіозныхъ стремленій къ общенію и единенію съ Богомъ и горнимъ міромъ. Мы видѣли, что начало и источникъ обряда лежатъ въ чувствѣ, чувству же главнымъ образомъ долженъ давать и дѣйствительно даетъ удовлетвореніе церковный обрядъ. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе на то, какія движенія пробуждаютъ въ нашемъ духѣ совершающіяся предъ нами обрядовыя дѣйствія, или, другими словами, какимъ сторонамъ нашего духа даютъ они удовлетвореніе. Какія, напр., движенія пробуждаетъ въ нашемъ духѣ перенесеніе святыхъ даровъ съ жертвенника на святой престолъ во время литургіи преждеосвященныхъ да-

ровъ, сопровождаемое пѣніемъ: *нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ, се бо входитъ Царь славы, се жертва тайная совершенна доносится* и знаменующее собою славное шествіе Спасителя нашего послѣ Его страданій на престолъ славы, или какія движенія пробуждаетъ въ насъ изнесеніе во время вечерни въ великую пятницу изъ алтаря плащаницы и положеніе ея на гробницу; духовно знаменующее собою снятіе со креста пречистаго тѣла Господа и положеніе его во гробъ? Или, наконецъ, какимъ сторонамъ и стремленіямъ нашего духа даетъ удовлетвореніе обрядовое дѣйствіе, совершаемое предъ началомъ утрени Свѣтлаго Христова Воскресенія, когда въ первый разъ раздается пѣніе: *Христосъ воскресъ...*, сперва при затворенныхъ западныхъ дверяхъ, какъ бы издали, а потомъ, по отверстіи вратъ, пѣвцами, входящими въ храмъ? Если мы прислушаемся внимательно къ внутреннимъ движеніямъ своего духа, то мы найдемъ, что всѣ эти дѣйствія не даютъ удовлетворенія нашей любознательности, не даютъ также удовлетворенія и нашему стремленію къ выполненію нравственнаго долга, ибо тутъ нѣтъ мѣста для дѣятельности воли; не имѣютъ они также и того спеціальнаго назначенія, чтобы пробуждать философствующую мысль, испытывающую дѣятельность нашего ума, и пробуждать въ насъ энергію воли къ неослабному и рѣшительному исполненію нравственнаго закона. Указанныя нами, равно какъ и всѣ другія обрядовыя дѣйствія имѣютъ непосредственное отношеніе собственно къ области сердца—къ чувству. Они пробуждаютъ и даютъ удовлетвореніе собственно религіозному чувству: такъ, изъ указанныхъ нами обрядовыхъ дѣйствій, перенесеніе св. даровъ пробуждаетъ въ насъ чувство благоговѣнія и священнаго трепета предъ величайшею и непостижимѣйшею святынею; изнесеніе плащаницы пробуждаетъ въ насъ чувство нашего ничтожества и грѣховности, а также, умиленія и изумленія предъ величайшею тайною божественной любви; дѣйствіе предъ началомъ утрени на Святое Воскресеніе пробуждаетъ въ насъ чувство духовной радости о торжествѣ правды надъ неправдою, добра надъ зломъ, жизни надъ смертію. Правда, въ концѣ жовцевъ, эти дѣйствія могутъ пробуждать и духъ философ-

окаго изслѣдованія, равно какъ могутъ пробуждать въ насъ энергію воли для послѣдующаго исполненія нравственнаго закона; но это уже послѣдующее и посредственное дѣйствіе обряда—дѣйствіе, пробуждаемое не прямо обрядомъ, но чувствомъ, пробужденнымъ чрезъ обрядъ. Чувство изумленія и удивленія пробуждаетъ въ насъ духъ размышленія и философскаго изслѣдованія о поразившемъ насъ предметѣ, тогда какъ чувство любви, чувство радости пробуждаетъ въ насъ энергію воли къ осуществленію любви въ нашей жизни, а также къ послѣдованію за побѣдителемъ неправды и зла Спасителемъ нашимъ.

Вообще послѣднимъ своимъ замѣчаніемъ мы не становимся въ противорѣчіе съ прежде сказаннымъ о дидактическомъ и воспитательномъ значеніи обряда и не отрицаемъ того, что утверждали, т. е. учительнаго значенія обряда. Мы хотимъ сказать только, что обрядъ, хотя и можетъ имѣть глубоко-воспитательное значеніе, однакоже онъ не проповѣдь и замѣнить ея онъ не можетъ,—что наученіе и воспитаніе не первая цѣль обряда и притомъ значеніе это онъ можетъ имѣть только въ томъ случаѣ, когда ему будетъ сопутствовать проповѣдь и наученіе въ собственномъ смыслѣ. Когда обрядъ сопровождается наученіемъ, въ той или другой формѣ научнымъ образованіемъ, тогда онъ исполняетъ это послѣднее, дѣлая нагляднымъ, жизненнымъ, и самъ поэтому является имѣющимъ глубоко воспитывающее значеніе; когда же, напротивъ, обрядъ не сопровождается образованіемъ и наученіемъ, когда онъ отъ проповѣди отрывается и является существующимъ независимо отъ нея, тогда происходитъ верѣдко суевѣрное поклоненіе обряду, служеніе не духу, который животворитъ, но буквѣ, которая убиваетъ (2 Кор. 3, 6); примѣръ каковаго поклоненія и служенія, служенія въ существѣ неразумнаго и нехристіанскаго, мы видимъ въ нашихъ раскольникахъ.

Ив. Перовъ.

ЦЕРКОВНЫЯ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

(18 іюня 1884 года—18 іюня 1904 года).

(Озоччаніе *).

Каковъ же составъ учащихся въ настоящее время?

Всѣхъ законоучителей въ церковныхъ школахъ въ 1902 году состояло 38548 человекъ, въ томъ числѣ 27269 священниковъ, 1758 діаконѣвъ, 390 псаломщиковъ и 9131 свѣтскихъ лицъ. Учащихъ къ тому же времени насчитывалось 49730 человекъ, въ томъ числѣ 668 священниковъ, 3973 діакона, 3228 псаломщиковъ, 22488 свѣтскихъ учителей и 16373 учительницы. Кромѣ того 4363 человекъ занимались преподаваніемъ одного только пѣнія въ церковныхъ школахъ.

Изъ 41861 свѣтскихъ учащихся состояли на службѣ въ церковной школѣ: 8722 чел. менѣе одного года, 7577—одинъ годъ, 6631—два года, 4923—три года, 3659—четыре года, 2557—пять лѣтъ, 1819—шесть лѣтъ, 1344—семь лѣтъ, 1076—восемь лѣтъ, 749—девять лѣтъ, 2804—десять и болѣе лѣтъ.

Большая часть учащихся въ церковныхъ школахъ—люди несемейные. Изъ общаго числа учителей насчитывалось жепатыхъ всего 5799 (26%) и вдовыхъ 202 (1%). Изъ учительницъ было замужнихъ 949 (6%) и вдовъ 591 (4%). Изъ числа семейныхъ учителей и учительницъ имѣли дѣтей 4111 (68% общаго числа семейныхъ и вдовыхъ), 921 учительница (60% общаго числа замужнихъ и вдовыхъ). Дѣтей въ возрастѣ

См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1904 г. № 14, стр. 127.

до 21 года, непристроенныхъ, у учителей и учительницъ по Европейской Россіи и Кавказу было 6024 муж. пола и 6092 женскаго пола.

Приведенныя цифры сами собою наводятъ на размышленія.

Излишне говорить, что заботы всѣхъ школьныхъ дѣятелей сосредоточивались на учащихся, какъ будущихъ членахъ общества, семьи, церкви и государства. Въ ряду общихъ мѣръ воспитанія мы отмѣтимъ лишь паломничества, рождественскія елки и школьные праздники, какъ особыя явленія школьной жизни, по преимуществу свойственныя церковно-приходскимъ школамъ. Оживляя школьную жизнь и внося въ нее особый духъ жизни, всѣ эти явленія имѣютъ глубокое воспитательное значеніе. Что касается „Кириллова дня 11 мая“, то онъ давно уже сдѣлался тѣмъ общешкольнымъ праздникомъ, когда во всей Россіи высоко подымается священная хоругвь просвѣщенія и когда имена св. первоучителей Словенскихъ и творцовъ азбуки чтутся всѣмъ русскимъ народомъ, сохранившимъ великое наследіе братьевъ Славянъ.

Въ послѣднее время повсюду стали обращать вниманіе и на здоровье учащихся въ церковныхъ школахъ, принимая къ сему разнаго рода мѣры: устроятся повсюду удобныя школьныя зданія, устраиваются при школахъ общежитія, ночлежныя пріюты, дѣти-школьники снабжаются горячимъ приваркомъ, теплою одеждою и обувью. Школъ съ общежитіями къ началу 1902 года состояло 1509. Всѣхъ дѣтей, пользовавшихся общежитіемъ, было въ 1901 г. 42000 человекъ.

Въ 1896 году церковная школа настолько окрѣпла и распространилась и настолько прониклась сознаниемъ исполненнаго долга, что выступила на всенародный судъ, принявъ участіе во Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ съ цѣлю подѣлиться со всѣми результатами своего педагогическаго опыта. Картина выставки получилась весьма впечатлительная. Отовсюду здѣсь повѣяло крѣпостью силъ, вездѣ чуялся здоровый духъ жизни одушевляющій, ободряющій, укрѣпляющій. Это былъ духъ вѣры, надежды и любви, обнаружившейся въ тру-

дахъ православнаго духовенства. Всѣмъ стало ясно, что школы церковныя не „миѳическія“ и „воображаемыя“, что дѣло народнаго образованія ставится духовенствомъ прочно, неизменно, основательно и что духовенство вполнѣ оправдываетъ возложенное на него Монаршее довѣріе.

За свою зѣрвичную дѣятельность, обнаруженную въ такой короткій промежутокъ времени, духовенство удостоилось отъ комитета выставки многихъ похвалъ и наградъ.

Не прошло и пяти лѣтъ, какъ церковная школа снова экспонируется, но уже не въ Россіи, а на Парижской выставкѣ 1900 г., на глазахъ всего человѣчества. Появленіе церковныхъ школъ на всемірномъ состязаніи—фактъ замѣчательный. Юная, шестнадцатилѣтняя школа безбоязненно идетъ на всемірный судъ и притомъ въ то время, когда антицерковное направленіе особенно рѣзко начало сказываться въ странѣ атеизма и всякаго невѣрія, когда въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы Церковь совершенно была отстранена отъ участія въ дѣлѣ народнаго образованія и когда значительная часть нашего образованнаго общества, страшась мнимаго клерикализма, при видѣ необычайнаго роста церковно-приходскихъ школъ, не могла слышать даже имени ихъ. И что же? Церковная школа вышла съ торжествомъ изъ этого испытанія, показавъ всему міру, какая школа нужна народу для воспитанія его въ духѣ религіи. Высшая награда (Grand Prix), присужденная за эту выставку церковной школѣ, явилась достойной оцѣнкой ея.

Наконецъ, въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго 1904 года Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ въ третій разъ принялъ участіе въ Международной Научно-Промышленной выставкѣ „Дѣтскій Міръ“, открытой въ Петербургѣ. Это была выставка двадцатилѣтняго опыта и дѣятельности церковныхъ школъ. Пройдя серьезныя испытанія на двухъ предыдущихъ выставкахъ, церковная школа предстала на судъ „Дѣтскаго Міра“ чуждою отмѣченныхъ прежде недостатковъ. Успѣхъ выставки былъ выдающійся. Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ за прекрасную постановку школьнато

дѣла получилъ высшую награду (почетный дипломъ), разныя учрежденія и лица получили: 8 золотыхъ медалей, 12 серебряныхъ, 73 бронзовыхъ и 100 похвальныхъ листовъ.

Такой успѣхъ и общее признаніе высокихъ достоинствъ со стороны опытныхъ специалистовъ школьнаго дѣла является отряднымъ и утѣшительнымъ фактомъ для духовенства и всѣхъ вообще школьныхъ дѣятелей.

По примѣру указанныхъ всероссійскихъ выставокъ устраивались выставки школьнаго дѣла и въ другихъ мѣстахъ. Упоминаемъ о двухъ изъ нихъ, бывшихъ въ г.г. Славянскѣ Харьковской епархіи и г. Харьковѣ. Обѣ выставки получили полное одобреніе со стороны представителей мѣстныхъ земствъ, а послѣдняя сверхъ того удостоена серебряной медали. Такая оцѣнка дѣятелями земства церковно-школьнаго дѣла—фактъ поучительный и назидательный.

Понятно, послѣ этого, почему и Высочайшія Особы всегда и неизмѣнно обнаруживали свое покровительство, поддержку и сочувствіе церковнымъ школамъ. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, которыя были направлены къ ея возрожденію и укрѣпленію силою закона и матеріальныхъ средствъ казны; укажемъ лишь на ту высокую честь и то сердечное участіе, какія неоднократно проявляли они къ ней. Такъ въ 1896 году Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица посѣщаютъ церковно-школьный отдѣлъ на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ новгородѣ. 27 ноября прошлаго года Ея Императорское величество Императрица Марія Ѳеодоровна изволила осячастливить своимъ посѣщеніемъ церковно-школьный отдѣлъ Международной выставки „Дѣтскій Міръ“. Лѣтопись церковной школы отмѣчаетъ также нѣсколько случаевъ посѣщенія Высочайшими Особами и отдѣльныхъ школъ. Церковная школа нашла приютъ себѣ во дворцѣ Царицы-Матери.

13 іюня 1904 года исполнилось двадцать лѣтъ со времени возстановленія церковно-приходскихъ школъ волею въ Божѣ почившаго Царя-Миротворца.

Двадцатилѣтній періодъ возстановленной среди смуть и колебаній времени церковной школы, призванной измѣнить самое направленіе и укоренившійся духъ народнаго образованія, составляетъ довольно значительный періодъ испытанія, дающій полное право сказать рѣшительное слово о великомъ значеніи и важности церковной школы, ея достоинствахъ, ея жизнеспособности и ея историческомъ призваніи въ будущемъ. И это слово уже сказано, этотъ судъ надъ нею свершился.

Духовенство вышло побѣдителемъ. Оно снова доказало свое естественное призваніе къ учительству, оно возстановило свои права. Враждебный голосъ печати затихъ, общественное мнѣніе въ лицѣ лучшихъ его представителей на сторонѣ церковной школы. Только тенденціозные и явно враждебные церкви и духовенству органы печати умалчиваютъ о великихъ успѣхахъ, достигнутыхъ духовенствомъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Большинство земствъ, усердно трудящихся на нивѣ народнаго образованія, увидѣло въ духовенствѣ своего достойнѣйшаго соратника и протянуло къ нему руку помощи, прося верѣдко забрать подъ покровъ церкви и всѣ созданныя ими школы. Нежелательный сословный антагонизмъ, злобная критика, враждебная полемика мало по малу стали уступать мѣсто-справедливому обсужденію общаго народнаго дѣла. Вопросъ о сосредоточеніи школъ въ одномъ какомъ либо вѣдомствѣ оставленъ правительствомъ открытымъ на долгое время. А тѣмъ временемъ разрабатывается вопросъ о единеніи школъ въ духѣ и направленіи и сама жизнь уже многого достигла въ этомъ отношеніи: идеалы церковной и земской школы практически почти отождествляются какъ въ формѣ учебныхъ программъ и задачъ христіанскаго воспитанія, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Всѣ сознали, что нашему отечеству нужно имѣть школу истинно-народную, школу воспитанія дѣтей народа нашего въ духѣ вѣры, отечественныхъ преданій и патріотическихъ чувствъ. Пусть скорѣе исчезнетъ всякое дѣленіе начальныхъ школъ въ виду общей и всѣми ясно сознанный задачи. Всѣмъ хватить дѣла: народная нива еще не-

вполнѣ воздѣлана, поле просвѣщенія необъятно. Будемъ трудиться по мѣрѣ силъ, но при взаимной поддержкѣ. Лишь при общихъ усиліяхъ возможно осуществить важное дѣло всеобщаго обученія. Праздныя разсужденія о всеобщемъ обученіи въ кабинетахъ и споры о преобладаніи ни къ чему не приведутъ. Дѣла, живого дѣла и души побольше!

Всѣ народы Великой Россіи жаждутъ ученія. Пусть же всѣ одушевляются и объединяются одними идеями образованія, несущими народу всѣ блага христіанской цивилизаціи.

В. Давыденко.

Новый курсъ психологіи проф. Московскаго Университета Л. М. Лопатина.

Исторія развитія психологическихъ учений невольно вызываетъ на сравненіе тотъ легендарный поединокъ на жизнь и на смерть двухъ рыцарей, изъ которыхъ одному щитъ казался золотымъ, а другой находилъ его серебрянымъ. Оба рыцаря были отчасти правы, и потому жестоко боролись за условную правду, такъ какъ щитъ на самомъ дѣлѣ одной стороною былъ золотой, а другою—серебряный. Ясно, что щитъ не былъ сдѣланъ ни изъ сплошнаго золота, ни изъ серебра. И если бы рыцари, хотя на минуту задумались надъ тѣмъ, почему это каждый изъ нихъ честно и отчаянно борется, и взглянули бы на щитъ со стороны противника, то борьба сама собою прекратилась бы.

Уже слишкомъ долго въ такомъ поединкѣ борются между собою психологическія школы матеріализма и спиритуализма. Въ то время какъ одни, отдавъ духъ въ руки метафизиковъ, а мозгъ—подъ ножъ анатомовъ и анализъ химиковъ, продолжаютъ горячо утверждать, что психическія явленія по роду не отличны отъ физическихъ, совершенно опуская изъ виду хотя бы ту простую вещь, что вѣдь нельзя нанести на бумагу ходъ мыслей, или взвѣсить, и измѣрить чувство,—спиритуалисты впадаютъ въ другую крайность: они слишкомъ пренебрежительно относятся къ психофизическимъ и психофизиологическимъ изслѣдованіямъ, и даютъ преувеличенную и невѣрную оцѣнку оч. многихъ фактовъ нашего внутренняго опыта, игнорируя ежеминутное и неоспоримое свидѣтельство опыта о тѣс-

вѣйшей связи и зависимости физическихъ и психическихъ явленій. Ясно, что коренная ошибка противниковъ заключалась въ непростительной тенденціи или разсматривать человека, какъ простую модификацію глыбы земной, или какъ субстанціальный духъ, адекватно себѣ раскрывающійся въ явленіяхъ. На самомъ же дѣлѣ человекъ не есть ни то и ни другое и — не простая сумма того и другого. Какъ вода есть не простое сложение водорода и кислорода, такъ и въ человекѣ физическій и психическій элементы даны въ нераздѣльномъ единствѣ личности, и потому всякое монистическое объясненіе его будетъ искаженіемъ дѣйствительности. Какъ отдѣльный отпрыскъ на полѣ борющихся теченій изъ школы кантовскаго критицизма образовалось новое направленіе эпифеноменизма. Несмотря на грандіозные труды и не малую заслугу для психологической науки по отдѣльнымъ вопросамъ, это направленіе страдаетъ колоссальными противорѣчіями и въ своемъ существѣ поражаетъ полнымъ отсутствіемъ критичности — это — психологія безъ души; изслѣдованіе явленій безъ субстрата. Въдъ сумма жемчужинъ сама по себѣ безъ нити, связующей ихъ въ единство замкнутой цѣли, еще не даетъ ожерелья, а эпифеноменисты видятъ ожерелье и тамъ, гдѣ жемчужины не нанизаны. Въ виду того, что сознаніе есть всегда сознаніе чего-нибудь, этой школой дѣлается такое предположеніе, что сознаніе представляетъ собою не творческую формацию психическихъ явленій, а какой-то необходимый агрегатъ ихъ, опредѣленный всемогущимъ дѣйствіемъ законовъ ассоціаціи. Такое толкованіе могло-бы совершенно законно существовать въ качествѣ научнаго толкованія сознанія, если-бы оно не стояло въ рѣшительномъ противорѣчій съ фактами единства сознанія и самосознанія. Въдъ, если допустить, что психическое явленіе не только выражается въ своемъ актѣ сознанія, но и само несетъ въ себѣ цѣлое сознаніе, тогда сознаній должно быть столько же, сколько психическихъ состояній, и такъ какъ каждое изъ этихъ явленій оказывается единственнымъ и подлиннымъ субъектомъ сознанія, то при такомъ допущеніи создаются два неразрѣшимыхъ противорѣчія: 1) какъ возможно сознаніе какого-бы то ни было психическаго явленія въ качествѣ объекта сознанія?

2) какъ возможно сознаніе самого сознанія какъ единого факта? Первый изъ этихъ вопросовъ поборниками механическаго объясненія обыкновенно обходится совершеннымъ молчаніемъ, второй же съ развязной наивностію прямо отрицается указаніемъ на двойственность личности. Но вѣдь двойственность личности нисколько не разрушаетъ единства сознанія. Этимъ фактомъ утверждается не двойное сознаніе, а только замѣна даннаго единства сознанія другимъ единствомъ. По какимъ причинамъ обрывается сознаніе, достовѣрно сказать едва-ли возможно. Почему въ человѣкѣ образуется непремѣнное единство сознанія—это можно рѣшить съ громадной вѣроятностію. Сознаніе принадлежитъ не организму и не частямъ организма, а лишь нѣкоторымъ состояніямъ организма—не рука имѣетъ свойство быть состояніемъ сознанія, а лишь ея состояніе. Значить, единство физическаго организма опредѣляетъ собою только опытную связь отдѣльныхъ психическихъ явленій, но эти явленія остаются сами по себѣ совершенно отдѣльными, и потому никакого единого сознанія образовать не могутъ. Даже, если допустить тождество ихъ содержанія, то и тогда не получится «единого» сознанія, потому что для этого единства требуется, помимо тождества содержанія, единство времени ихъ сознанія, т. е., требуется безусловное уничтоженіе ихъ дѣйствительной отдѣльности: напр., мое сегодняшнее представленіе известнаго дома есть такое же, какъ вчера, но не то же самое, вчерашнее представленіе исчезло безвозвратно; между тѣмъ то сознаніе, подъ формою котораго выражаются всѣ психическія явленія, и вчера и сегодня и во все время человеческой жизни остается однимъ и тѣмъ же. Ясно, что единственнымъ для душевной жизни оказывается только сознаніе и слѣдовательно фактическое единство душевной жизни выражается не взаимною связію отдѣльныхъ психическихъ явленій между собою, а лишь отношеніемъ ихъ къ одному и тому же сознанію. Но если бы сознаніе было только свойствомъ отдѣльнаго психическаго явленія, то оно не могло бы быть однимъ и тѣмъ же для всѣхъ явленій, и потому общее отношеніе къ нему было бы не возможно. Очевидно, для образованія единства сознанія требуется не представленіе психическихъ

явленій, какъ одинаково сознательныхъ, а *представленіе* самого *сознанія*, какъ одного и того же во всѣхъ психическихъ явленіяхъ—какъ единой психической дѣятельности. Если содержаніемъ сознанія служитъ не какое нибудь психическое явленіе, а самосознаніе, какъ психическая дѣятельность, то, значить, сознаніе можетъ отдѣляться отъ своихъ явленій и черезъ то можетъ быть однимъ и тѣмъ же для всѣхъ явленій. Въ этомъ отдѣленіи сознанія отъ своего явленія сознаніе является съ творческимъ характеромъ формаціи явленія. Поэтому, каждымъ актомъ самосознанія неизмѣнно утверждается, что психическія явленія не изъ себя самихъ выносятъ свое сознательное выраженіе, а именно сознаніемъ формируются въ качествѣ психическихъ явленій, такъ что эти явленія только и существуютъ въ сознаніи, какъ его дѣятельныя состоянія. Въ этомъ отношеніи сознанія къ психическимъ явленіямъ и осуществляется единство сознанія. Отсюда, единство сознанія опредѣляется отдѣленіемъ сознанія отъ его явленій, а это отдѣленіе, опредѣляется сознаніемъ самого же сознанія, какъ творческой дѣятельности. Фактическая достовѣрность этого положенія не подлежитъ никакому сомнѣнію, потому что человекъ никогда не сознаетъ себя, какъ то или другое впечатлѣніе, но всегда сознаетъ *себя самого*, какъ переживающаго извѣстное впечатлѣніе. Но такъ какъ изъ этого положенія открывается уже свободный путь для весьма серьезнаго сужденія о природѣ духа, то поборники механическаго взгляда на психическую жизнь вынуждаются на отчаянный шагъ: они фактъ единства сознанія объявляютъ простымъ призракомъ, иллюзіей, забывая, что вѣдь и призракъ-то нужно объяснить, какъ онъ возможенъ; а онъ и въ качествѣ призрака невозможенъ, если смотрѣть, на душевную жизнь, какъ на механически опредѣленный рядъ психическихъ явленій, потому что въ такомъ случаѣ возможно только сознаніе психическихъ явленій, а вовсе не сознаніе самого сознанія, какъ безусловнаго единства и какъ дѣйствительной причины психическихъ явленій. Хотя подобныя сужденія и не представляютъ чего либо черезъ край головоломнаго и ясно показываютъ никогда незаполнимыя пробѣлы фізіологическаго монизма и феномени-

стическихъ остроумій, однако нужно признать, что современная психологическая литература въ подавляющемъ большинствѣ примыкаетъ къ указаннымъ направленіямъ. И въ русскомъ обществѣ, въ виду проснувшейся жажды къ философскимъ вопросамъ, появилось не мало капитальныхъ переводныхъ трудовъ по психологіи, принадлежащихъ перу ученыхъ съ общеевропейскою извѣстностію. Занимаясь этими трудами, можно весьма многому научиться и получить глубоко цѣнныя свѣдѣнія включительно до многообразныхъ тонкостей, какъ напр.; локалізація тактильныхъ ощущеній, или о томъ, изъ какихъ фотохимическихъ процессовъ состоитъ свѣтовое ощущеніе; но пріобрѣтая полный и точный инвентарь того, что мы знаемъ въ области психологіи, мы въ результатѣ остаемся съ чувствомъ значительнаго неудовлетворенія, какъ по отношенію къ основнымъ вопросамъ о человѣкѣ, такъ и въ зависимости отъ того, что при различныхъ психологическихъ направленіяхъ, при склонности нѣкоторыхъ психологовъ къ простѣйшимъ фізіологическимъ схемамъ, взаимно исключаящимъ другъ друга, и къ тому же при страшномъ и нерѣдко неумѣстномъ скептицизмѣ ихъ въ читателѣ, въ особенности не специалистѣ, создается какой-то мучительный хаосъ. Образованіе такого хаоса есть необходимый результатъ указанныхъ условій. Какъ на яркій фактъ въ подтвержденіе этого нельзя не указать на имя знаменитаго американскаго ученаго, по достоинству чтимаго въ ученomъ мірѣ, Уильяма Джэмса. Въ его психологіи, о которой справедливо сказалъ Марилье, что она есть самое выдающееся произведеніе психологической литературы за послѣдніе 20 лѣтъ, въ ней то уже въ концѣ изслѣдованія мы наталкиваемся на замѣчательное сужденіе: «Здѣсь высказывались сомнѣнія, какъ говоритъ Джэмсъ, въ существованіи объектовъ нашихъ ощущеній, но никто не сомнѣвался въ существованіи самихъ мыслей и чувствъ. Были мыслители, отрицавшіе существованіе внѣшняго міра, но въ существованіи внутренняго міра никто не сомнѣвался. Что же касается имени, то я долженъ сознаться, что не вполне увѣренъ въ существованіи этого внутренняго процесса. Мнѣ кажется при этомъ, что душевная активность

является скорѣе постулируемымъ, чѣмъ непосредственно даннымъ чувственнымъ фактомъ; что наличность познающаго субъекта, воспринимающаго всю совокупность познаваемого, постулируется мною, а не дана прямо въ опытѣ¹⁾. Ясно, что подобная максима сомнѣнія ставитъ подъ вопросъ самое существованіе психологіи, какъ науки. И хотя это сужденіе и не мирится со всѣмъ ходомъ предшествующихъ мыслей Джэмса, но какъ фактъ, и при томъ вставленный въ конецъ книги, онъ, естественно, вноситъ нѣчто и даже не малое въ тотъ хаосъ въ головѣ ищущаго человѣка, о которомъ мы только что сказали. Чтобы разсвѣять этотъ хаосъ, чтобы ориентироваться во всей сложности психологическаго матеріала, необходимо дать всему надлежащее мѣсто, нужно оцѣнить въ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ разнообразныя психологическія направленія и методы ихъ изслѣдованія, и нужно ясно и точно установить отправную точку психологическаго изученія, которую не менѣе ясно опредѣлялись бы подлинныя права каждого изъ существующихъ типовъ психологическаго направленія въ изученіи законовъ и процессовъ душевной жизни. Вотъ это-то послѣднее, по нашему глубокому убѣжденію, во всей необходимой полнотѣ и ясности изложенія и дано проф. Лопатинымъ въ курсѣ его психологіи. Въ этомъ капитальная заслуга психологіи проф. Лопатина, и отсюда—наше искреннее пожеланіе ей широкаго распространенія въ средѣ русскаго образованнаго общества.

Покажемъ же, хотя въ общихъ и сжатыхъ чертахъ, сущность его психологическихъ изслѣдованій. Проф. Лопатинъ взглянулъ на шить именно съ обѣихъ сторонъ и понялъ человѣка не въ мистическомъ смыслѣ—какъ чистый духъ, или какъ высоко дифференцированное вещество, а какъ дѣйствительнаго человѣка въ его нераздѣльномъ единствѣ психофизическаго бытія. Онъ исходитъ изъ реальнаго факта о несомнѣнной зависимости психическихъ явленій отъ фізіологическихъ и подробно и точно констатировалъ такой же реальный фактъ о строго специфической природѣ психическихъ явленій, никогда не-

1) Переводъ И. Лапина 390 стр.

сводимыхъ на физическія или фізіологическія процессы. Отсюда, онъ вынужденъ былъ представить ясный и безпристрастный отчетъ о томъ, что сдѣлали монистическія направленія, въ чемъ ихъ несомнѣнная правда и законная приложимость, въ чемъ — необходимость примѣненія объективнаго метода, его несомнѣнныя заслуги въ психологіи, и его недостатки, а вмѣстѣ и условность, дающія положительное мѣсто въ психологіи и первенствующее значеніе методу самонаблюденія. Этотъ методъ покоится на психологической аксіомѣ первостепенной важности: о всемъ внѣшнемъ мы знаемъ черезъ призму нашего сознанія, нашъ же внутренній міръ есть единственнѣйшая реальность, данная намъ непосредственно. Всесторонне разсмотрѣвъ методъ самонаблюденія, какъ со стороны достоинствъ, такъ и недостатковъ, проф. Лопатинъ справедливо считаетъ его основнымъ методомъ психологіи, а экспериментальному придаетъ второстепенное значеніе, отнюдь конечно не умаляя значенія и заслугъ, достигнутыхъ въ психологіи путемъ эксперимента. Съ точки зрѣнія усвоеннаго взгляда на методъ самонаблюденія проф. Лопатинъ считаетъ основной задачей психолога „безпристрастное описаніе данныхъ душевной жизни“, каковой задачей и остается вѣрнымъ на всемъ протѣяженіи своего труда.

Всѣ роды зависимостей между производителями явленій и самими явленіями подводятся безъ остатка подъ четыре основныя типа функцій: 1) функція двигательная. „Онѣ состоятъ въ собственномъ движеніи функционирующаго органа, или вообще какого вибудь агента. О такихъ функціяхъ идетъ рѣчь, когда мы говоримъ, напр., что функція мускула есть сокращеніе. 2) Функція выдѣлительная. О такихъ функціяхъ мы говоримъ, когда, напр., утверждаемъ, что функція печени есть выдѣленіе желчи... Функція подобнаго рода мы имѣемъ тамъ, гдѣ изъ даннаго органа или агента выдѣляется часть входившаго въ него вещества. 3) Функція преломленія или видоизмѣняющаго пропусканія. Подъ ними мы разумѣемъ видоизмѣняющія воздѣйствія даннаго агента на процессы въ средѣ отъ него отличной. Такъ мы говоримъ, что функція призмы есть разложеніе бѣлаго луча на лучи спектральныя. 4) Функція освободительная. Такого рода функція мы имѣемъ тамъ, гдѣ

благодаря импульсу, исходящему изъ даннаго агента, въ подлежащей его дѣйствию средѣ освобождаются потенціальные запасы силы и переходятъ въ дѣятельное состояніе. Такъ можно сказать, что выстрѣлъ есть функція спущеннаго курка“.

Анализируя указанные типы функцій, проф. Лопатинъ говоритъ, что первые два типа функцій предполагаютъ объясненіе только строго монистическое: именно, въ этихъ типахъ вполне совпадаютъ между собою и то, чему функція принадлежитъ, и среда, въ которой она совершается. Вѣдь сокращенія нѣтъ внѣ мускула, и оно есть только извѣстное его состояніе. Но душевная жизнь отнюдь не можетъ быть отнесена къ тому или къ другому типу отмѣченныхъ зависимостей. Душевная жизнь не можетъ быть функціей выдѣлительной нашей нервной системы, потому что психическія явленія не имѣютъ свойствъ матеріальныхъ явленій и никогда на послѣднія не сводимы. (Вопросъ о специфической природѣ психическихъ явленій весьма подробно раскрытъ проф. Лопатинымъ во II гл. психологии). Она не можетъ быть и функціей выдѣлительной нашего мозга, потому что тогда наше сознаніе было бы особымъ веществомъ съ опредѣленными физическими и химическими качествами, которое выдѣляется мозгомъ и скопляется гдѣ нибудь около него, „а приравнивать жизнь сознанія движеніямъ въ этомъ неизвѣстномъ веществѣ, было бы никакъ не менѣе бессмысленно, чѣмъ отождествлять факты душевной жизни съ движеніями мозга“. Если безусловно непримѣнимы къ психическимъ явленіямъ первые два типа функцій, то нельзя ли, спрашиваетъ проф. Лопатинъ, мыслить отношеніе души къ тѣлесному организму и нервной системѣ по 3 и 4 типу функцій преломляющихъ и освободительныхъ? Основное свойство этихъ функцій двойственность независимыхъ другъ отъ друга началъ или факторовъ. Въ преломляющей функціи строго различаются: пропускающая среда (призма) и дѣятель, въ которомъ видоизмѣняемый процессъ совершается (колеблющійся эфиръ). Въ освободительной функціи — независимые факторы: возбудитель процесса и дѣятель, въ которомъ процессъ происходитъ. Вѣдь призма не порождаетъ свѣтового эфира и не есть эфиръ, или — курокъ не порождаетъ пороха, и самъ не есть порохъ. Слѣдовательно, въ этихъ типахъ объ-

ясненіе неизбежно выходитъ *дуалистическимъ*. И только по этимъ типамъ, отвѣчаетъ проф. Лопатинъ, и можно мыслить отношеніе психическихъ явленій къ организму и нервной системѣ, не опуская при этомъ изъ виду той разницы, что эфиръ и порохъ суть факторы матеріальные, и потому происходящіе въ нихъ процессы сводятся наукой къ различнымъ видамъ движенія, а психическіе факторы непространственны, и потому не могутъ быть сводимы къ движеніямъ. Уже отсюда видно, что проф. Лопатинъ рассматриваетъ человѣка въ его неразрывномъ единствѣ психофизическаго бытъя и понимаетъ человѣка дуалистически. Онъ совершенно справедливо рассуждаетъ, „что сущность и явленіе, въ чемъ бы мы ихъ не рассматривали, хотя и противопологаются нами съ отвѣчною логической точки зрѣнія, но въ своей дѣйствительности никогда не представляютъ двухъ раздѣльныхъ между собою вещей; напротивъ во всѣхъ реальныхъ процессахъ они не отдѣлимы другъ отъ друга“. Вѣдь вещество не существуетъ внѣ своего движенія, и движенія вѣтъ безъ вещества. Но если это такъ, то отсюда вытекаетъ положеніе громадной цѣнности: „тамъ, гдѣ какіе нибудь порядки явленій кореннымъ образомъ, по всѣмъ своимъ признакамъ различны между собою, тамъ и субстанціи, реализующія себя въ этихъ явленіяхъ, должны между собою различаться“. А разъ психическія явленія именно существенно отличаются отъ физическихъ, слѣдовательно „они не могутъ быть выраженіемъ и продуктомъ одной и той-же субстанціальной основы,—для ихъ возникновенія должно предположить, продолжаетъ проф. Лопатинъ, два разныхъ источника“. Но если наша душа и тѣло абсолютно различны между собою, если тѣло, какъ и всякое вещество, мы будемъ понимать лишь съ одними механическими свойствами, то какъ же возможно соотношеніе души и тѣла, почему я вижу не 785 колебавій билліонныхъ волнъ въ секунду, а фіолетовый цвѣтъ? Ясно, „что тутъ происходитъ переводъ внѣшнихъ процессовъ на какой-то внутренней субъективной языкъ“. Но кѣмъ же и гдѣ производится этотъ переводъ? „Вѣдь сами мы его не совершаемъ: мы даже и не наблюдаемъ никогда, какъ онъ дѣлается, наша сознательная жизнь начинается лишь тогда, когда онъ уже сдѣланъ“. Постановкой этого вопроса проф. Лопатинъ

подходить къ одной изъ сложнѣйшихъ проблемъ психологіи о взаимодействіи души и тѣла, которая въ картезіанской школѣ, какъ извѣстно, рѣшается лишь при помощи чуда. Рѣшеніе проблемы, предложенное проф. Лопатинымъ, по всѣмъ признакамъ представляется истиннымъ. Его цѣнность усиливается еще тѣмъ, что рѣшеніе явилось у него не результатомъ остроумной выдумки во что-бы то ни стало объяснить неизвѣстное, а точнымъ выводомъ изъ подлинныхъ фактовъ психической жизни. Именно, онъ подвергъ всестороннему анализу факты такъ называемой бессознательной психики, и оказалось, что въ этихъ явленіяхъ—несомнѣнна дѣятельность, которая хотя и проходитъ внѣ сознанія, но порождаетъ матеріалы для нашей сознательной жизни; при чемъ эти матеріалы для нашего сознанія являются въ формѣ готовыхъ данныхъ. Уже въ происхожденіи ощущенія бессознательной психикѣ принадлежитъ дѣятельная роль. Вѣдь мы ничего не ощутили-бы, „если-бы ощущеніе было дано внѣ связи и сравненія съ другими, но чтобы были возможны эти дѣйствія сопоставленія и сравненія, необходимо, чтобы какой-то таинственный процессъ породилъ то особое качество, которое позволяетъ данное ощущеніе отличать отъ другихъ. Но вѣдь эти процессы для насъ скрыты—предъ нами возникаетъ уже готовое ощущеніе въ весьма сложныхъ связяхъ и отношеніяхъ съ другими фактами душевной жизни“. „Поскольку таинственный создатель ощущенія активенъ, постольку роль нашего сознанія пассивна: вѣдь не въ нашей волѣ—не испытывать ощущеніе, разъ оно дано. Таковы же факты бессознательной дѣятельности проф. Лопатинъ отмѣчаетъ въ физическихъ чувствованіяхъ, въ явленіяхъ памяти, въ безотчетной дѣятельности воображенія, въ несознаваемыхъ умственныхъ процессахъ, въ явленіяхъ безотчетнаго оваренія. Во всѣхъ этихъ фактахъ бессознательная дѣятельность характеризуется тѣми же свойствами, какъ и въ ощущеніяхъ: въ сферѣ бессознательной эти факты мотивированы и связаны, вступая на поле нашего сознанія они кажутся намъ принудительными и остаются внѣ связи съ прочими состояніями сознанія, или, выражаясь терминологіей проф. Лопатина, таковыя факты входятъ въ сознаніе „съ обратной характеристикой“ и въ этомъ отличительномъ свойствѣ могутъ быть изъяснены путемъ

слѣдующаго сравненія: когда гипнотизеръ внушаетъ загипнотизированному субъекту, чтобы онъ совершилъ какое нибудь несообразное дѣйствіе, забывъ однако о томъ, что оно ему приказано, его перципіентъ при наступленіи момента приходитъ въ странное волненіе, безотчетно нудится совершить поступокъ, котораго, однако, сознательно совершенно не хочетъ и все же въ результатѣ его неизбежно совершаетъ, оправдывая себя предъ собою самимъ и другими всевозможными софизмами. Значитъ, „въ сознаніи гипнотизера обдуманнѣйшій и мотивированный планъ убѣдительнаго опыта и свободное рѣшеніе провести его; въ сознаніи перципіента непреодолимое побужденіе, которое кажется ему, безсмысленнымъ и которое онъ не знаетъ, какъ мотивировать“. По такой же именно схемѣ обратной характеристики и входятъ бессознательныя явленія въ сферу сознанія. Отсюда получается несомнѣнный выводъ чрезвычайной цѣнности: что процессы, которые кажутся намъ бессознательными, въ себѣ сознательны, только совершаются они не въ нашемъ сознательномъ Я. Слѣдовательно, если не во всѣхъ матеріальныхъ вещахъ вообще, то достоверно, что въ нашемъ организмѣ дана связанная множественность психическихъ центровъ. Очевидно, „въ физическихъ процессахъ мозга и нервной системы существуетъ какая-то очень сложная и при этомъ коллективная, распадающаяся на многія центры психическая изнанка, и наше сознающее Я находится съ этой изнанкой въ постоянномъ соотношеніи и взаимодействіи“. Такимъ образомъ, строго логическій выводъ изъ анализа подлинныхъ фактовъ бессознательной психической жизни одновременно и рѣшаетъ проблему о взаимодействіи души и тѣла и преобразуетъ ученіе о вещахъ. Вѣдь, если наше тѣло ощущается нами, какъ какое-то внутренне живое единое существо, то оно, кромѣ внѣшняго свойства протяженности, имѣетъ существованіе внутреннее или субъективное. Вѣдь, если въ глазахъ физика наше тѣло есть только сумма атомовъ, опредѣленныхъ въ движеніи законами механики, то такое представленіе будетъ несомнѣнно вѣрно, но не полно, потому что тогда тѣло, какъ сумма атомовъ, абсолютно безразлично относилось бы къ совершающимся въ немъ движеніямъ—благо или зло для организма были бы безсмыслицей; а между тѣмъ въ физическихъ, напр.,

чувствованіяхъ организмъ одни, какъ пріятныя, удерживаетъ, а другія, какъ непріятныя, стремится удалить, при чемъ этотъ элементъ стремленія данъ нашему сознанію принудительно—наше Я въ немъ не участвуетъ. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ наше тѣло; помимо внѣшнихъ свойствъ вещества, имѣетъ внутреннюю жизнь. Въ этомъ-то и выразилось преобразование ученія о веществѣ; а вмѣстѣ и рѣшена проблема о взаимодействіи души и тѣла. Такъ какъ съ точки зрѣнія этого взгляда душа дѣйствуетъ не на абсолютно противоположныя ей субстанціи, а на сродные психическіе центры; то, значитъ, рѣшеніе можетъ считаться настолько же яснымъ, насколько не возражаютъ противъ положенія что шаръ, ударившись о другой, сообщаетъ послѣднему движеніе.

Признаніе проф. Лопатинымъ коллективной основы душевной жизни отнюдь—не тоже что монистическая гипотеза Эрнста Геккеля, отождествляющая душевную жизнь съ суммою сознаній атомовъ, составляющихъ нашъ мозгъ. Проф. Лопатинъ въ обстоятельной критикѣ показалъ полную непригодность гипотезы Геккеля, потому что, по его справедливому сужденію, многія сознанія субстанціально раздѣленныхъ атомовъ никогда не дадутъ единого дѣятельнаго сознанія. Ближе всего возврѣвія проф. Лопатина подходятъ къ Лейбницу, но съ тѣмъ кореннымъ различіемъ, что монады Лейбница—непроницаемы и замкнуты, а у проф. Лопатина психическіе центры находятся во взаимодействіи и *служатъ условіемъ развитія личности—нашего Я.* Значитъ, по нему, единство сознанія вполне совмѣщается съ внутренней сложностію основы психической жизни, становятся понятными безчисленныя воздѣйствія бессознательной психики на сознательный ходъ нашихъ душевныхъ явленій, вполне ясна при этомъ взглядѣ и глубокая зависимость душевныхъ процессовъ отъ физиологическихъ отправленій мозга и, какъ мы выше отмѣтили, рѣшается проблема взаимодействія души и тѣла.

Но проф. Лопатинъ не довелъ бы своего дѣла построенія спиритуалистической психологіи до конца, если-бы не осилилъ сфинкса психологіи—не рассмотрѣлъ всесторонне вопроса о свободѣ человѣческой воли. И данное имъ рѣшеніе вопроса о свободѣ воли въ духѣ спиритуализма, по нашему мнѣнію, яв-

ляется самыми блестящими страницами и вообще его прекрасной психологіи. Къ несчастію и въ этомъ пунктѣ, какъ и во всемъ нашемъ обзорѣ, мы вынуждены дать характеристику въ возможно урѣзанной формѣ.

Постановкой вопроса: „переливается ли за грани чистой субъективности законъ психической жизни и оказываетъ ли видоизмѣняющее и направляющее воздѣйствіе на ходъ физическихъ событій въ сферѣ поступковъ человѣка“—проф. Лопатинъ невольно вынуждается подробно анализировать законъ сохраненія энергіи, который трактуется, какъ абсолютная норма всякаго бытія вообще и въ такомъ толкованіи дѣлаетъ невозможной навсегда даже самую постановку вопроса о свободѣ воли. Прежде всего, проф. Лопатинъ устанавливаетъ двойственность значенія закона сохраненія энергіи: 1) онъ—какъ теорема общей физики и 2) какъ эмпирическое обобщеніе, устанавливающее эквивалентность превращеній. А за тѣмъ показалъ, что наша психика вполне свободна отъ подчиненія этому закону, понимаемому и въ первомъ и во второмъ значеніи. Въ качествѣ теоремы общей физики законъ властвуетъ лишь въ сферѣ механическаго порядка, но душевная жизнь—не такова. Онъ утверждаетъ, что законъ сохранения энергии не применимъ къ психической жизни.

Общепризнанный фактъ, что малыя колебанія въ физическихъ раздраженіяхъ не измѣняютъ психическихъ явленій, ими вызываемыхъ, однимъ и тѣмъ же психическимъ явленіемъ соответствуютъ цѣлые ряды физическихъ эквивалентовъ въ извѣстныхъ границахъ. А это и значитъ, что отношеніемъ психической сферы къ физической управляетъ не законъ эквивалентности, а какой-то другой—болѣе общаго характера. Но разъяснить неприложимость къ явленіямъ душевной жизни закона сохраненія энергіи, не значитъ еще теоретически обосновать вопросъ о свободѣ воли. Проф. Лопатинъ и даетъ именно положительное обоснованіе на достовѣрныхъ фактахъ внутренняго опыта. Какъ извѣстно, англійская школа въ законахъ ассоціаціи идей видитъ единственный двигатель всѣхъ душевныхъ процессовъ. Какъ движенія небесныхъ свѣтилъ безъ остатка астрономомъ изъясняются изъ закона тяготѣнія, такую же роль въ ходѣ душевной жизни играютъ и законы ассоціаціи идей по взгляду этой школы (напр. А. Бэна). Слѣдовательно, фатализмъ слу-

жить неизбежнымъ постулатомъ этой школы. Проф. Лопатинъ на цѣлой массѣ разныхъ типовъ психическихъ фактовъ показываетъ преувеличенность оцѣнки законовъ ассоціаціи идей и устанавливаетъ ихъ подлинное значеніе. Имъ по нему принадлежитъ лишь *консервативная роль* въ жизни духа; во ряду со стремленіемъ души къ прочнымъ сочетаніямъ между пережитыми состояніями существуетъ въ душѣ и противоположное стремленіе, равносильное первому, *къ нарушенію раньше установленнаго связей, къ перераспределенію представлений*. На этомъ основывается возможность бѣглыхъ или текущихъ ассоціацій, *совершенно свободныхъ отъ законовъ смежности и сходства*. Здѣсь проф. Лопатинъ блестяще раскрываетъ величайшую важность текущихъ ассоціацій въ общемъ строѣ психической жизни: только при ихъ наличности для человѣка возможны идеи о будущемъ, о возможномъ, о всеобщихъ истинахъ, о нашихъ практическихъ цѣляхъ, и на нихъ лишь зиждутся такія эмоціи, какъ ожиданіе, страхъ и надежда. „Но текущій характеръ нашихъ идейныхъ сочетаній есть *порожденіе нашей собственной воли*. Мы сами вызываемъ пестрые ряды смѣняющихся представлений, и знаемъ объ этомъ, и знаемъ, зачѣмъ ихъ вызвали“. Слѣдовательно фактъ существованія таковыхъ идей равносильно утвержденію факта свободы человѣческаго мышленія; а такъ какъ наша практическая дѣятельность есть реализація того, что мы думаемъ, то свобода и въ нашихъ дѣйствіяхъ въ известной сферѣ есть такой же достовѣрный фактъ. Если мы къ этому добавимъ, что въ дѣятельной волѣ человѣка проф. Лопатинъ видитъ единственный ключъ къ обоснованію объективнаго существованія внѣшняго міра, то этимъ и закончимъ нашу характеристику его психологіи. Высказывать здѣсь вновь пожеланіе широкой популярности книгъ проф. Лопатина мы считаемъ излишнимъ; одно только можемъ добавить: если кто дѣйствительно сознаетъ себя ищущимъ психологическаго знанія и можетъ волноваться не во имя только интересовъ своего фізіологическаго существованія, тотъ изученіемъ книги проф. Лопатина сдѣлаетъ для своего духовнаго міра несомнѣнное и солидное приобрѣтеніе.

Александръ Чемодановъ.

Философскія воззрѣнія Б. Н. Чичерина (р. 1828 † 1904 г.) и нѣсколько словъ о значеніи дѣятельности Н. К. Михайловскаго (р. 1843 † 1904 г.), какъ позитивиста.

(Продолженіе *).

Дѣлая заключеніе о значеніи христіанства, какъ единственно истинной религіи, Чичеринъ находитъ что философія и исторія, умозрѣніе и опытъ одинаково подтверждаютъ истину христіанской вѣры. Умозрѣніе убѣждаетъ насъ, что только абсолютна жертва, принесенная воплощеннымъ Словомъ, разрѣшаетъ противорѣчіе между нравственнымъ сознаніемъ и нравственною жизнью, примиряетъ правосудіе съ милосердіемъ и раскрываетъ внутреннюю связь всего нравственнаго міра, котораго Слово состоитъ верховнымъ средоточіемъ и разумныя существа подчиненными членами. Опытъ, съ своей стороны, доказываетъ, что именно эта вѣра обновила нравственную жизнь человѣка и была поворотною точкою всемірной исторіи. Отсюда нашъ мыслитель дѣлаетъ справедливый выводъ, что и въ наше время, какъ и прежде, образованный человѣкъ можетъ носить въ себѣ вѣру во Христа Спасителя, въ твердомъ убѣжденіи, что она отвѣчаетъ не только голосу его сердца, но и требованіямъ его разума. Въ приложеніи къ нравственности, христіанское ученіе составляетъ послѣднее слово религіи. Черезъ христіанство же человѣчество возводится на новую высшую ступень нравственнаго совершенства. Если Божество нисходитъ къ человѣку, то этимъ самымъ дѣйствіемъ человѣкъ поднимается къ Божеству. Искушенный человѣкъ отрывается

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1904 г. № 14.

отъ естественныхъ своихъ опредѣленій и вводится, какъ членъ, въ высшій духовный міръ, противоположный міру естественному. Отсюда понятіе о нравственномъ возрожденіи, которое даруется христіанствомъ и дѣлается источникомъ новой нравственной жизни. Приобщаясь вѣрою къ жертвѣ Христовой, христіанинъ становится носителемъ той идеи, которая лежитъ въ основаніи христіанскаго міросозерцанія, идеи нравственной солидарности людей. Высшій долгъ его состоитъ въ томъ, чтобы въ жизни своей уподобиться Христу, жертвуя собою въ пользу ближнихъ. Изъ общенія со Словомъ онъ почерпаетъ для этого и высшую нравственную силу, основаніемъ которой служитъ надежда на Бога, отдавшаго себя въ жертву для его спасенія. Плодомъ же его нравственнаго возрожденія является любовь, которая побуждаетъ его на подвиги самоотверженія. Но христіанство указываетъ человѣку идеаль и въ другихъ областяхъ жизни; вмѣстѣ съ философіею, оно признаетъ въ человѣкѣ сочетаніе безконечнаго съ конечнымъ, а потому, указывая ему на высокое его назначеніе, оно внушаетъ ему и глубочайшее смиреніе, при видѣ присущаго конечному элемента несовершенства и несоотвѣтствія его тому нравственному идеалу, который онъ носитъ въ своей душѣ. Смиреніе, вмѣстѣ съ вѣрою, надеждою и любовью, составляетъ четвертую христіанскую добродѣтель, ту, которая обращена на самого человѣка. Высокое, не только нравственное, но и метафизическое значеніе этой добродѣтели заключается въ томъ, что именно смиряясь, человѣкъ возвышается, ибо смиреніе можетъ быть только плодомъ высшаго сознанія абсолютныхъ началъ, для которыхъ всякая частная форма представляется несоотвѣтствующимъ выраженіемъ. Признавая свое недостоинство, человѣкъ тѣмъ самымъ доказываетъ безконечное значеніе своей личности, какъ носящей въ себѣ высшее сознаніе Божественнаго. А съ другой стороны, онъ помнитъ и знаетъ, что въ конечномъ проявляется безконечное, а потому всякое движеніе человѣческой души, въ которомъ выражается связь ея съ высшимъ міромъ, возбуждаетъ въ немъ благоговѣйное сочувствіе, и самая человѣческая личность становится для него предметомъ безусловнаго уваже-

нія. Мы даже въ павшемъ человѣкѣ уважаемъ человѣка. Въ этомъ заключается источникъ всякаго права ¹⁾.

Дѣлая заключеніе къ выясненію вопроса о значеніи религіи и нравственности, нашъ мыслитель говоритъ, что въ нравственной области господствуетъ тотъ же діалектической законъ, который управляетъ всѣмъ мірозданіемъ. И здѣсь требуется діалектическое сочетаніе противоположныхъ началъ и разрѣшеніе вытекающихъ отсюда противорѣчій. Философія даетъ это разрѣшеніе въ формѣ чистой мысли, объясняя противоположныя свойства человѣческаго естества и ихъ взаимное отношеніе; но она можетъ только указать на жизненное разрѣшеніе, а не въ состояніи его произвести, ибо тутъ требуется соглашеніе мысли и жизни, а философія представляетъ одну только мысль. Жизненное разрѣшеніе нравственнаго вопроса можетъ дать единственно религія, путемъ живого взаимодѣйствія между Богомъ и человѣкомъ, взаимодѣйствія, которое выражается въ усвоеніи человѣкомъ безконечнаго акта Милосердія, сопряженнаго съ Правосудіемъ, т. е., вѣрою во Христа Бога, распятаго за грѣхи человѣческіе. Установивши вопросъ объ отношеніи религіи къ главнымъ областямъ и продуктамъ человѣческаго творчества: философіи, искусству и нравственности, Чичеринъ устанавливаетъ далѣе понятіе Церкви. Нашъ мыслитель имѣетъ въ виду Церковь преимущественно въ ея временномъ, земномъ осуществленіи, какъ внѣшній религіозно-нравственный союзъ, исходящій изъ самыхъ внутреннихъ основаній религіи, имѣющій Божественныя полномочія. Въ виду такого взгляда на церковь, нашъ мыслитель мало касается ея внутреннихъ свойствъ и главнымъ образомъ говоритъ о внѣшнемъ устройствѣ церковнаго союза и отношеніи его къ другимъ человѣческимъ союзамъ — къ семьѣ, гражданскому обществу и государству. Нашъ мыслитель такъ подходитъ къ понятію церкви. Нравственное начало само собою ведетъ къ единенію людей, ибо нравственность состоитъ именно въ дѣятельности на пользу ближнихъ. Высшее нравственное требованіе заключается въ любви. Во имя нравственности всѣ люди

¹⁾ 260 стр.

считаются братьями и состоятъ членами единого нравственнаго міра, связаннаго общимъ закономъ. Но для развитія въ человѣкѣ такого сознанія недостаточно одной личной совѣсти. Непосредственное чувство можетъ руководить человѣка въ его поступкахъ, но оно не въ состояніи сдѣлаться связующимъ началомъ союза. Для этого требуются общія объективныя убѣжденія. Философская мысль можетъ дать эти убѣжденія, но философія всегда составляетъ достояніе немногихъ, и сама подаетъ поводъ къ безчисленнымъ разногрічіямъ. Поэтому нравственные союзы, основанные на однихъ философскихъ началахъ, никогда не могли имѣть существеннаго значенія въ человѣческой жизни. Таково, напр., масонство. Одна религія заключаетъ въ себѣ нравственное начало, способное соединить массы. Въмѣстѣ съ тѣмъ, она одна расширяетъ нравственное общеніе въ союзъ, обнимающій собою весь нравственный міръ. Философія указываетъ на необходимость подобнаго общенія; религія же переводитъ это сознаніе въ живую связь между Богомъ и человѣкомъ. Нравственный союзъ людей является, вслѣдствіе того, только частью болѣе обширнаго міроваго союза. Въ такомъ союзѣ человѣкъ находитъ нравственную опору и руководство. Здѣсь прекращаются колебанія личной совѣсти, которая, будучи предоставлена исключительно себѣ самой, можетъ увлекаться разнородными побужденіями, или находится въ недоумѣніи при столкновеніи обязанностей. Въ Церкви же человѣкъ обрѣтаетъ нравственный кодексъ, устанавлиющій общія правила жизни, и живыхъ толкователей этого устава, облеченныхъ высшимъ авторитетомъ. Имѣть такую опору составляетъ потребность людей, и жизненный опытъ убѣждаетъ каждого человѣка въ необходимости имѣть эту опору убѣжденій. Предоставленный себѣ, безъ нравственной поддержки, человѣкъ рѣдко бываетъ въ состояніи протівостоять осаждающимъ его искушеніямъ. Онъ спотыкается и падаетъ на жизненномъ пути, и когда нравственная сила его сломлена, когда увѣренность въ своей безпорочности въ немъ исчезла, онъ слишкомъ уже поздно убѣждается, что и ему необходима опора, и что эту опору онъ можетъ найти только въ нравственномъ общеніи съ другими, въ томъ высшемъ союзѣ, который,

соединяя его съ ближними и съ Богомъ, даетъ ему и истекающую изъ этого общенія нравственную силу, способную поддержать его въ жизни. Чѣмъ выше въ человѣкѣ нравственное сознаніе, тѣмъ яснѣе онъ видитъ, что нравственность всего менѣе терпитъ одинокую мысль и одинокую дѣятельность. Нравственное начало выводитъ человѣка изъ личной области и дѣлаетъ его членомъ нравственнаго міра. Поэтому, истинное свое осуществленіе оно находитъ только въ союзѣ, соединяющемъ людей во имя общихъ нравственныхъ убѣжденій. А такимъ союзомъ и является Церковь; павшій человѣкъ находитъ въ церкви удовлетвореніе и другой, еще болѣе глубокой, нравственной потребности, именно, прощенія грѣховъ. Въ этомъ состоитъ высокое значеніе таинства исповѣди. Человѣкъ, мучимый сознаніемъ грѣха, чувствуетъ потребность очищенія, примиренія съ совѣстью. Но самъ онъ не въ состояніи этого сдѣлать; онъ не можетъ отпустить себя свои грѣхи. Не властны сдѣлать это и другіе; власть отпускать грѣхи принадлежитъ единственно Богу, и она можетъ проявляться только въ живомъ общеніи человѣка съ Богомъ. Но Богъ непосредственно не является человѣку. Какъ бы грѣшникъ ни возпросился молитвою къ своему Творцу, онъ все таки не знаетъ, отпущены ему грѣхи, или нѣтъ. Ему необходимъ посредникъ, представитель того нравственнаго союза, къ которому онъ принадлежитъ. Всякій союзъ имѣетъ власть надъ своими членами. Поэтому Церкви, какъ носительницѣ нравственнаго начала, присваивается высшая нравственная власть, которая, связывая людей съ Богомъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ органомъ Божественной воли. Только Церковь, черезъ своихъ представителей, имѣетъ право сказать человѣку: отпускаются тебѣ грѣхи твои; Только въ ней грѣшникъ можетъ найти примиреніе съ своею совѣстью. Такимъ образомъ, нравственное назначеніе Церкви, состоитъ въ томъ, что она является руководительницею человѣческой совѣсти¹⁾. Но это высшее руководство не исключаетъ свободы. Нравственность, говоритъ нашъ мыслитель, по существу своему не допускаетъ слѣпой покорности.

¹⁾ 285 стр.

Совѣсть дана человѣку, какъ внутренній свѣтъ, который всегда долженъ служить ему путеводителемъ въ жизни. Человѣкъ можетъ чувствовать его недостаточность и искать высшей опоры, но онъ не въ правѣ погасить въ себѣ этотъ свѣтильникъ. Высокое значеніе Церкви состоитъ не въ томъ; чтобы этотъ внутренній свѣтъ сдѣлался для человѣка излишнимъ, а въ томъ, чтобы этотъ внутренній свѣтъ разгорался ярче прежняго. Поэтому истиннымъ мѣриломъ животворнаго дѣйствія Церкви служить возвышеніе въ ея членахъ свободной нравственности.

Свободная совѣсть является, по нашему мыслителю, и лучшею сдержкою противъ злоупотребленій церковной власти. Въ католической Церкви мы видимъ примѣръ того, какъ Церковь можетъ воспользоваться своимъ нравственнымъ авторитетомъ для достиженія чисто свѣтскихъ цѣлей. И вотъ здѣсь является вопросъ, какъ же быть въ этомъ случаѣ, когда человѣку приходится выбирать между исполненіемъ требованій Церкви съ одной стороны, и требованіями совѣсти съ другой? Чичеринъ рѣшительно говоритъ, что какъ ни тяжело положеніе человѣка, который поставленъ между требованіями Церкви и требованіями совѣсти, однако колебаніе для него невозможно, какъ скоро совѣсть, подкрѣпленная разумомъ, ясно указываетъ ему его долгъ. Отречься отъ своей совѣсти человѣкъ никогда не имѣетъ права; это—нарушеніе первой изъ человѣческихъ обязанностей; и потому, очевидно, въ этомъ случаѣ человѣкъ можетъ пойти противъ церковнаго постановленія. Совершенно противоположно этому злу то состояніе Церкви, когда она теряетъ свою нравственную власть надъ обществомъ. Это явленіе составляетъ въ значительной степени неизбежное послѣдствіе аналитическихъ періодовъ развитія. Въ такіе периоды умы предаются открытію новыхъ путей знанія и увлекаются вѣяніемъ современныхъ ученій. Сопряженныя съ анализомъ одностороннія точки зрѣнія, нерѣдко влекутъ за собою отрицательное отношеніе къ Церкви. Если массы, для которыхъ религія составляетъ единственную духовную пищу, остаются ей вѣрны, то высшіе классы или совершенно отъ нея отпадаютъ, или становятся къ ней равнодушными. И чѣмъ болѣе распространяется въ нихъ свѣтское образованіе, тѣмъ болѣе

усиливается это зло. Отсюда, по нашему мыслителю, неизбежное раздвоение общества въ аналитическія эпохи. Между высшими классами и низшими образуется глубокая пропасть. То, что всего дороже для однихъ, другимъ представляется только жалкимъ предрасудкомъ. Естественно является вопросъ: что же остается дѣлать Церкви тамъ, гдѣ въ ней власть сильна, и она старается всѣми средствами удержать эту власть? Церковь при такихъ условіяхъ проникается моралью іезуитовъ, что и случилось съ католичествомъ. Такая Церковь сама кидается въ борьбу и вступаетъ въ союзъ съ свѣтскою властью для подавленія новыхъ ученій. Но всѣ эти мѣры возбуждаютъ въ образованномъ обществѣ только большую къ ней вражду; онѣ могутъ доставить ей временный успѣхъ, но въ итогъ онѣ только усиливаютъ разрывъ. Тамъ, напротивъ, гдѣ въ Церкви водворяется либеральное направленіе, она не только вступаетъ въ сдѣлку съ новыми началами, но усвоиваетъ ихъ себѣ. Ея ученіе и устройство преобразуется подъ вліяніемъ субъективнаго раціонализма. Такова была задача протестантской реформы. Церковь, при такихъ условіяхъ, можетъ стоять въ уровень съ современностью, но она теряетъ объективныя основы своего существованія, и сама вноситъ въ себя сѣмена разложенія. Идеальнымъ можно назвать то положеніе, когда Церковь, не кидаясь въ борьбу, и не стараясь, во чтобы то ни стало, удержать ускользящую отъ нея власть, сохраняетъ однако неприкосновенными свои вѣковыя преданія, и, раздавая духовную пищу массамъ, остается прибѣжищемъ всѣхъ страждущихъ и скорбящихъ, всѣхъ сокрушающихся о грѣхахъ и жаждущихъ духовнаго утоленія. Но для того, чтобы съ достоинствомъ выполнить эту задачу, Церковь должна понимать современныя требованія, соединяя съ непоколебимою твердостью снисхожденіе къ человѣческой слабости и взирая на приверженцевъ новаго направленія, не какъ на враговъ, посягающихъ на ея права, а какъ на разбредшее стадо, которое когда-нибудь должно возвратиться въ ея лоно¹⁾. Установивши понятіе Церкви и ея задачи, Чичеринъ далѣе переходитъ къ

¹⁾ 287 стр.

выясненію значенія протестанства, какъ церкви, претендующей считать себя высшей формою религіознаго союза. Нашъ мыслитель рѣшительно говоритъ, что протестантская Церковь не можетъ считаться высшею формою религіознаго союза. Протестантизмъ строитъ церковное зданіе на личномъ началѣ. Для него Церковь—не вѣковой, неизмѣнный союзъ, а договорное соединеніе единомышленниковъ. Но возникающія изъ такого воззрѣнія противорѣчія заставляютъ его съ первыхъ же шаговъ отступать отъ принятыхъ имъ основаній. На чисто личномъ договорномъ началѣ невозможно утвердить никакого прочнаго общества, ибо единомысліе быстро переходитъ въ разномысліе. Поэтому протестантизмъ самъ принужденъ положить предѣлъ вызванной имъ свободѣ личнаго разума. Онъ ставитъ Священное Писаніе, какъ краеугольный камень вѣры, отъ котораго нецелозовлительно отступать. Но здѣсь является вопросъ: во имя какого авторитета онъ полагаетъ эту границу? Для другихъ Церквей этотъ авторитетъ есть сама Церковь, какъ хранительница вѣковаго преданія, идущаго отъ самаго его Основателя; для протестантизма этотъ авторитетъ не существуетъ. Онъ отвергъ его, какъ зараженный человѣческимъ произволомъ, и на мѣсто его поставилъ личный разумъ.—начало чисто субъективное. Нашъ мыслитель справедливо замѣчаетъ, что никто не положить границы этому разуму, никто не скажетъ ему: не иди далѣе. Отсюда тѣ явленія, которыя представляетъ протестантская Церковь въ настоящее время. Лежащее въ ней противорѣчіе ведетъ къ тому, что она внутри себя раздирается на двѣ противоположныя партіи, между которыми невозможно примиреніе. Одни хотятъ установленія обязательной догмы, хотя бы въ самыхъ скудныхъ очертаніяхъ. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что установленіе какой бы то ни было догмы противорѣчитъ духу протестантизма, котораго основное начало есть свобода. Во имя раціонализма, они смѣло отрицаютъ Божественность Христа и все таки продолжаютъ считать себя христіанами. Нашъ мыслитель справедливо здѣсь замѣчаетъ, что съ чисто протестанской точки зрѣнія эти представители второй категоріи протестанства правы, ибо какъ скоро свобода признается основнымъ началомъ извѣстнаго вѣроисповѣданія,

такъ всякое ея ограниченіе является пссягательствомъ на самыя основы Церкви. Но, разумѣется, дѣлаетъ заключеніе нашъ мыслитель, на свободѣ не легко создать церковь. Въ протестантизмѣ не полная Церковь, а только міряне. Священникъ является здѣсь не органомъ Божества, облеченнымъ высшею властью, въ силу таинства, а только избраннымъ изъ среды мірянъ проповѣдникомъ. Поэтому, настоящее устройство такого рода Церквей—чисто демократическое. Начало свободы достигаетъ въ протестантизмѣ высшаго развитія, но въ ущербъ объективнымъ основамъ церковной жизни.

Подводя итогъ значенію протестантизма, Чичеринъ находитъ, что послѣднія формы, вытекающія изъ понятія о церкви, какъ договорномъ союзѣ, приличны только сектамъ и ведутъ къ образованію сектъ. Но нравственный союзъ, по своей идее, долженъ быть единымъ братскимъ союзомъ, обнимающимъ все человѣчество. Тогда какъ всемірное государство представляется не болѣе, какъ мечтою, противорѣчащею самому существованію политическаго тѣла, въ которомъ въ конкретной формѣ соединяются отвлеченно-общее начало и частное, нравственность и право, всемірная церковь напротивъ, выражала собою отвлеченно-общее начало въ его чистотѣ, является, по воззрѣнію нашего мыслителя, необходимымъ идеаломъ, вытекающимъ изъ самой природы нравственно-религіознаго союза. Но эта идея единой всемірной церкви могла появиться въ человѣческихъ обществахъ не вдругъ. Она развивалась въ нихъ по мѣрѣ развитія нравственнаго сознанія. Древніе языческіе религіозные союзы, такъ же какъ и самыя религіи, имѣли чисто народный характеръ. Но по мѣрѣ расширенія нравственно-религіознаго міросозерцанія расширялась и форма, въ которую оно изливалось. И уже въ язычествѣ были религіи, стремящіяся быть выше народности. Исламъ, еще болѣе буддизмъ, представляютъ типъ религій, стремящихся выдти изъ тѣсныхъ рамокъ народной жизни и получить общечеловѣческое значеніе. Но полное развитіе этой идеи принадлежитъ христіанству. Христіанство есть, по преимуществу, религія нравственности. Въ немъ нравственное начало достигаетъ высшаго совершенства. Христосъ умеръ за всѣхъ людей. Имъ всѣ призваны къ спасенію, и въ Немъ всѣ

сознаютъ себя братьями. Для христіанства: нѣсть Еллинъ, ни Иудей, ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, нѣсть варваръ, ни Скипъ, нѣсть рабъ, ни свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ" (Колосс. III, 11). Поэтому и церковь представляется здѣсь, какъ единый союзъ вѣры и любви, простирающійся на всечеловѣчество. Но нашъ мыслитель подчеркиваетъ ту мысль, что съ водвореніемъ христіанства эта идея еще весьма далека отъ полнаго своего осуществленія. Отвлеченно общее начало встрѣчаетъ препятствіе въ противоположномъ ему частномъ. Не только многіе народы, остановившіеся на низшей ступени развитія, не примкнули къ новой религіи, но и въ самой христіанской церкви, вслѣдствіе различія возрѣвній и преобладанія того, или другого общественнаго элемента, возникаютъ различія, которыя опять ведутъ къ разобщенію. Каждая церковь, стоя на своей особенной точкѣ зрѣнія, видитъ въ себѣ одной полноту истины, отвергая всѣ остальные. Но нашъ мыслитель находитъ, что если взглянуть на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія объективной науки, старающейся постигнуть внутренній смыслъ различныхъ общественныхъ явленій, то въ этомъ разнообразіи можно усмотрѣть высшее единство. При такомъ взглядѣ, всѣ различныя формы церковной жизни представляются, какъ выраженіе различныхъ сторонъ и элементовъ человѣческаго духа, въ предѣлахъ общаго религіознаго міросозерцанія. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою задачу и свое назначеніе. Однѣ болѣе соответствуютъ истинному существу церковнаго союза, другія менѣе, но въ своей совокупности, всѣ онѣ составляютъ разчлененіе единой христіанской идеи, которая при внутреннемъ тождествѣ, не исключаетъ разнообразія¹⁾. Чичеринъ находитъ, что такое возрѣвнѣе согласно и съ началомъ братства всѣхъ людей, во имя Христа Спасителя. Это начало осуждаетъ только исключительность и нетерпимость, но не различіе взглядовъ и потребностей. А такъ какъ оно составляетъ центръ всей нравственной жизни человѣка, который черезъ это становится выше всякихъ частныхъ отношеній, то вѣрующіе въ нравственное развитіе челове-

¹⁾ 276 стр.

скаго рода могутъ съ надеждою ожидать того, хотя, можетъ быть, и весьма отдаленнаго времени, когда всѣ христіанскія церкви, забывши всѣ свои распри, будутъ смотрѣть на себя, какъ на членовъ единаго духовнаго тѣла, съ единымъ невидимымъ главою—Христомъ.

Выяснивши смыслъ и значеніе отдѣльныхъ вѣроисповѣданій въ Церкви и надежду на то, что въ будущемъ и отдаленномъ времени, христіанская Церковь будетъ единою, Чичеринъ въ заключеніи излагаемой главы касается вопроса о свободѣ Церкви и совѣсти въ государствѣ. Нашъ мыслитель находитъ желанною взаимность и близость между Церковью и государствомъ. Здѣсь Чичеринъ приволитъ мысли, интересныя не только для своего, но и для нашего времени: Онъ говоритъ, что противники религіи видятъ въ торжествѣ свѣтскаго элемента надъ ненавистнымъ имъ церковнымъ элементомъ условіе прогресса. Но такое положеніе церкви, умаляя внутреннюю ея силу, слѣдовательно и возможность благотворнаго ея дѣйствія на умы, нисколько не соотвѣтствуютъ интересамъ свѣтскаго просвѣщенія, ибо и тутъ государство, видя въ церкви удобное орудіе для своихъ цѣлей, нерѣдко даетъ ей привилегированное положеніе, въ ущербъ свободѣ мысли и совѣсти; привилегированное положеніе церкви, къ которой принадлежитъ огромное большинство народа, не заключаетъ въ себѣ ничего, что противорѣчило бы истинно государственнымъ требованіямъ. Изреченіе, что государство должно быть безбожнымъ, т. е., должно одинаково относиться ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, составляетъ, по убѣжденію нашего мыслителя, преувеличеніе свѣтскаго начала.¹⁾ Государство, какъ представитель всѣхъ общественныхъ интересовъ, не можетъ не дать первенствующаго значенія тому интересу, который ближе всѣхъ къ народному сердцу. Но это привилегированное положеніе, — справедливо замѣчаетъ здѣсь Чичеринъ, не должно вести къ стѣсненію другихъ. Меньшинство имѣетъ также право на защиту своихъ интересовъ, и государство обязано удовлетворить законнымъ его желаніямъ. Дѣлая заключеніе по вопросу о сво-

¹⁾ 280 стр.

бодѣ совѣсти, Чичеринъ указываетъ, что свобода совѣсти есть неприкосновенное святилище чловѣческаго духа, котораго государство не въ правѣ касаться, а свобода мысли, даже при всѣхъ заблужденіяхъ, составляетъ необходимое условіе развитія. Отсюда нашъ мыслитель свободу церкви и свободу совѣсти считаетъ основными законами всякаго образованнаго общества. Безъ нихъ, по его убѣжденію, невозможна полнота жизни, отъ которой зависитъ и внутренняя крѣпость общественныхъ элементовъ. Только этимъ началомъ разрѣшаются взаимныя отношенія обоихъ союзовъ. Историческія условія могутъ вести то къ преобладанію государства надъ церковью, то церкви надъ государствомъ, но цѣлью должно быть живое и свободное ихъ взаимодействіе. Государство въ свѣтской области остается верховнымъ, но церковь, какъ нравственный союзъ, должна сохранять свою самостоятельность.

Въ послѣдней (VI) главѣ второй части своего сочиненія Чичеринъ разсматриваетъ вопросъ о происхожденіи различныхъ религій въ чловѣчествѣ и изслѣдуетъ тѣ ступени, которыя проходитъ религіозное сознаніе чловѣчества въ своемъ естественномъ развитіи. Раскрывая по этому вопросу собственные взгляды, нашъ мыслитель, вмѣстѣ съ тѣмъ, полутно разбираетъ воззрѣнія на этотъ вопросъ и другихъ ученыхъ и философовъ, между прочимъ и теорію извѣстнаго лингвиста Макса Мюллера о развитіи религіознаго представленія въ связи съ развитіемъ языка. Сущность взгляда самого Чичерина сводится къ тому, что всякая религія представляетъ въ извѣстной степени откровеніе Божества, соотвѣтственно степени развитія извѣстнаго народа, или чловѣчества въ данную эпоху; и такимъ образомъ, совокупность религій представляетъ послѣдовательный рядъ Божественныхъ откровеній, затмѣваемыхъ и искажаемыхъ при грубомъ развитіи религіознаго и нравственнаго чувства, но при всемъ томъ, имѣющихъ въ основѣ своей извѣстную долю религіозной истины. Съ этой точки зрѣнія и тѣ провозвѣстники различныхъ религій, которые дѣйствуютъ не по своекорыстнымъ разсчетамъ, а по искреннему увлеченію и одушевленію своей идеей, являются въ извѣстномъ смыслѣ органами Божественнаго откровенія. На этомъ основаніи всѣ

древнія языческія религіи, вмѣстѣ съ древними философскими ученіями, представляются Чичерину подготовительными ступенями къ христіанству, которое является въ исторіи, какъ высшее и полнѣйшее Божественное откровеніе, какъ завершеніе всѣхъ частныхъ откровеній. Но признавая христіанство завершеніемъ религіознаго и философскаго развитія древняго міра, Чичеринъ видитъ въ немъ не только естественный плодъ этого развитія, но и высшее непосредственное откровеніе воплотившагося Бога—Слова. Христіанство и составляетъ откровенную религію въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е., религію сверхъестественнаго откровенія, принесеннаго на землю воплощеннымъ Словомъ. *Такимъ образомъ, находитъ нашъ мыслитель, сама философія приводитъ насъ къ необходимости сверхъестественнаго откровенія, безъ котораго невозможно полное развитіе религіозной жизни въ человечествѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно и все, зависящее отъ этого развитія, движеніе исторіи* ¹⁾. Безъ сверхъестественнаго откровенія, по убѣжденію нашего мыслителя, не существовали бы и христіанскіе народы. Безъ христіанства невозможно понять и исторію. Изслѣдованіе исторіи человечества, опредѣленіе главныхъ законовъ развитія и составляетъ задачу послѣдней третьей части излагаемаго нами сочиненія Чичерина.

III.

Въ 3-й части „Науки и религіи“ Чичеринъ сперва разсматриваетъ исторію религій; но исторія религій не можетъ быть полна безъ исторіи философскихъ системъ. Между языческими религіями и христіанствомъ лежитъ все развитіе древней философіи, которая, разлагая первобытный синтезъ, приготовляла человечество къ новому откровенію. Поэтому изслѣдованіе религій невозможно безъ изученія философскихъ системъ. Это тѣмъ необходимѣе, что философія представляетъ въ отвлеченной формѣ то самое содержаніе, которое религія заключаетъ въ себѣ въ конкретномъ явленіи; а изученіе отвлеченнаго именно и даетъ пониманіе конкретнаго. Только совокупное

¹⁾ 288 стр.

ислѣдованіе обѣихъ областей можетъ, по нашему мыслителю, раскрыть намъ основной законъ всемірно-историческаго движенія, т. е., развитіе идеи абсолютнаго въ человѣческомъ духѣ, отъ котораго, въ свою очередь, зависитъ развитіе всѣхъ другихъ элементовъ человѣческой жизни ¹⁾).

Исторія движется идеями: это, по замѣчанію нашего мыслителя, несомнѣнно для всякаго, кто основательно ее изучалъ. Идеи же всѣ черпаютъ свою силу изъ идеи абсолютнаго. Слѣдовательно, если мы откроемъ законъ, который управляетъ развитіемъ послѣдней, мы поймемъ и все остальное. Чичеринъ находитъ излишнимъ объяснять всю безконечную важность подобнаго исслѣдованія—открытія основнаго закона историческаго развитія. Онъ находитъ, что для наукъ, касающихся человѣка, законъ историческаго развитія имѣетъ гораздо обширнѣйшее значеніе, чѣмъ законъ всемірнаго тяготѣнія въ области наукъ естественныхъ, такъ какъ тяготѣніе не объясняетъ намъ ни химическихъ соединеній, ни органическаго развитія; идеи же проникаютъ всѣ жизненныя сферы и управляютъ всѣми дѣйствіями человѣка. Поэтому исторія, въ философскомъ ея значеніи, составляетъ, по нашему мыслителю, верховную науку духовнаго міра; она даетъ намъ ключъ къ пониманію всего остальнаго. Всѣ высшія стороны природы человѣка, всѣ глубочайшія его стремленія, вѣрованія, взгляды, однимъ словомъ, все, что дѣлаетъ человѣка носителемъ абсолютнаго и чѣмъ опредѣляется вся его дѣятельность и его назначеніе въ мірѣ, получаетъ свое значеніе единственно въ исторіи и можетъ быть изучаемо только въ связи съ нею. Если духъ есть высшее въ мірозданіи, а высшее служитъ источникомъ пониманія низшаго, а не наоборотъ, то является возможность сказать, что исторія есть верховная наука во всей области человѣческаго вѣдѣнія. Въ исторіи же Чичеринъ надѣется найти фактическое оправданіе всѣхъ его выводовъ предшествующихъ главъ. Исторія, по нашему мыслителю, служитъ высшимъ выраженіемъ того, что онъ называетъ универсализмомъ, т. е., сочетаніемъ умозрѣнія съ

¹⁾ 294 стр.

опытомъ. Одно умозрѣніе въ состояніи раскрыть истинное значеніе, какъ философіи, такъ и религіи; опытъ, по существу своему ограниченный, неспособенъ привести насъ къ познанію безконечнаго. Но въ исторіи законы, выведенныя умозрѣніемъ, провѣряются опытомъ ¹⁾. Здѣсь мы можемъ фактически изучать развитіе идей. Если въ теоретическихъ выводахъ есть ошибка, она найдетъ здѣсь свое опроверженіе; если же, напротивъ, выводы умозрѣнія подтверждаются фактами, то мы имѣемъ здѣсь такое совпаденіе противоположныхъ путей человѣческаго знанія, которое одно способно придать полученнымъ результатамъ значеніе непоколебимой истины. Но здѣсь естественно можетъ являться вопросъ: можно ли, при современномъ состояніи науки, вывести общій законъ развитія человѣчества? Нашъ мыслитель отвѣчаетъ, что послѣдняя часть его сочиненія, изслѣдующая исторію человѣчества, имѣетъ цѣлью показать, что эта задача въ извѣстныхъ предѣлахъ разрѣшима и въ настоящее время.

Мы не будемъ подробно излагать третью часть „Науки и религіи“. Содержаніе этой части по преимуществу историческое; мы укажемъ лишь кратко ходъ мыслей Чичерина и сущность его взглядовъ, проводимыхъ въ этой части его работы. Въ первой главѣ 3-й части Чичеринъ излагаетъ важнѣйшія языческія религіи, не только болѣе извѣстныхъ семитическихъ и арійскихъ народовъ, но и менѣе извѣстныхъ—туранскихъ и американскихъ племенъ. Особенно подробно Чичеринъ разбираетъ вѣрованія различныхъ племенъ Новаго Свѣта. Итогъ, къ которому приходитъ нашъ мыслитель въ концѣ анализа древнихъ религій, сводится къ слѣдующему ²⁾: историческимъ процессомъ разложились только тѣ вѣрованія, которыя носили на себѣ индивидуалистическій характеръ, т. е., которыя, по существу своему, были обречены на разложеніе и составляли ступень, предшествующую анализу. Религіи же, основанныя на сознаніи вѣчныхъ міровыхъ началъ, сохранились непоколебимыми въ теченіи тысячелѣтій, притомъ не только въ общенародной, но и въ мѣстной формѣ. Религія

¹⁾ 295 стр.

²⁾ 384—385 стр.

Китай и Японіи, браманизмъ и буддизмъ, еврейство и исламъ, доселѣ стоятъ, какъ памятники того времени, когда человѣчество было погружено еще въ первоначальный синтезъ. Объясненіе этому лежитъ въ томъ, что формы, основанныя на сознаніи вѣчныхъ началъ, не подлежатъ разложенію. Подвигаясь впередъ на своемъ историческомъ поприщѣ, человѣчество оставляетъ ихъ позади себя, не только какъ памятники прошлаго, но и какъ неизсякаемый источникъ религіозной жизни. И когда оно, прошедши черезъ періодъ анализа, снова чувствуетъ потребность въ религіозномъ синтезѣ, оно изъ этой первобытной основы можетъ черпать начала для новыхъ, высшихъ вѣрованій. Но остановиться на этой ступени человѣчество не можетъ. Въ силу историческаго закона, натуралистическія религіи уступаютъ мѣсто новому развитію. За синтезомъ слѣдуетъ анализъ. Аналитическія эпохи характеризуются развитіемъ философіи, также, какъ сивтетическія господствомъ религіи. Общій законъ развитія философской мысли опредѣляется тѣми различными точками зрѣнія, на которыя становится человѣческой разумъ при познаніи вещей. Такихъ точекъ зрѣнія, или путей познанія, по Чичерину, можетъ быть три: умозрѣніе, опытъ, и сочетаніе того и другого. Сообразность этимъ развитіе философіи проходитъ черезъ три періода: раціонализмъ, реализмъ и универсализмъ. Но историческая послѣдовательность этихъ періодовъ можетъ быть различною, смотря по тому, гдѣ лежитъ исходная точка познающаго разума. Въ умозрѣніи разумъ начинается съ самого себя; познаніе движется здѣсь отъ субъекта къ объекту; поэтому оно должно начать съ раціонализма, затѣмъ перейти къ реализму и, наконецъ, придти къ сочетанію обоихъ, то есть, къ универсализму. Наоборотъ, если познаніе идетъ отъ объекта къ субъекту, оно, съ философской точки зрѣнія, должно начать съ универсализма, затѣмъ перейти къ реализму и, наконецъ, отъ послѣдняго возвыситься къ раціонализму. Подтвержденіе дѣйствительности такой смѣны системъ показываетъ исторія философіи. Человѣчество, по нашему мыслителю, прошло черезъ двѣ эпохи аналитическаго развитія: древнюю и новую. Древняя философія двигалась отъ объекта къ субъекту, исходя отъ

универсализма, проходя черезъ реализмъ, и кончая рационализмомъ; новая философія, напротивъ, идетъ отъ субъекта къ объекту, и потому проходитъ тѣ же ступени въ обратномъ порядкѣ. А такъ какъ объективное начало есть конкретное, а субъективное отвлеченно—общее, то первый порядокъ есть путь разложенія, второй—путь обратнаго сложенія понятій. Сообразно такому взгляду Чичеринъ и ведетъ свое изслѣдованіе древней греческой философіи, пачиная съ Пифагорейцевъ, Іонійцевъ, Элеатовъ и атомистовъ, переходя затѣмъ къ софистамъ, отъ нихъ къ золотой эпохѣ развитія греческой философіи: Сократу, Платону, Аристотелю. Затѣмъ изслѣдуетъ философскія воззрѣнія стоиковъ, эпикурейцевъ, александрійской философіи и наконецъ неоплатонизма. Неоплатонизмомъ кончается процессъ философской мысли древняго міра. Въ результатъ этого процесса является новый религіозный синтезъ. Совершивши весь свой путь, развивши всѣ свои опредѣленія на всѣхъ возможныхъ точкахъ зрѣнія, философская мысль снова возвращается къ Божеству, отъ котораго она отошла. И этотъ синтезъ, по воззрѣнію нашего мыслителя, является синтезомъ чисто спиритуалистическимъ, или нравственнымъ; и та религія, которая является здѣсь господствующимъ элементомъ, есть религія нравственнаго міра. Таково именно и есть христіанство. Главными существенными чертами христіанской догмы являются: ученіе о Троицѣ, воплощеніе Слова и искупленіе человѣчества. Но развитіе языческихъ религій и древней философіи, по словамъ Чичерина ¹⁾, можетъ убѣдить насъ, что троицность божественныхъ началъ: Силы, Разума и Духа—была истиною, съ самаго начала присущею человѣческому сознанію. Эта истина указываетъ на самыя законы его разума, въ которыхъ отражаются законы вселенной. Языческія религіи, не отдѣлявшія еще матеріальнаго элемента отъ духовнаго, присоединили къ этимъ тремъ началамъ четвертое земное, которому они давали форму женскаго Божества. Чичеринъ находитъ, что и христіанство, въ Лицѣ Божіей Матери и Святыхъ, воз-

¹⁾ 420 стр.

водитъ и это начало къ Богу, и дѣласть его предметомъ поклоненія; но оно даетъ ему второстепенное мѣсто, не признавая его, подобно тремъ первымъ, формою абсолютнаго бытія. Такимъ образомъ, христіанство стоитъ здѣсь на новой, высшей, въ сравненіи съ языческими религіями, точкѣ зрѣнія ¹⁾. Съ другой стороны, христіанство впервые раскрыло человѣчеству и истинное значеніе Слова, какъ центра нравственнаго міра. Въ натуралистическихъ религіяхъ, вслѣдствіе сліянія духовнаго элемента съ матеріальнымъ, могло вполне развиться понятіе о Силѣ; понятіе же о Словѣ, или же Разумѣ, какъ особомъ абсолютномъ началѣ, составляющемъ центръ самостоятельнаго міра, представлялось лишь въ смутныхъ очертаніяхъ. Только въ христіанствѣ человѣчество сдѣлалось способнымъ постигнуть значеніе Слова, какъ Бога, единосушнаго Отцу; здѣсь только могла раскрыться и вся глубина нравственнаго міросозерцанія, котораго высшее средоточіе составляетъ искупленіе человѣчества воплощеннымъ Словомъ. Опредѣляя значеніе и достоинство христіанства, съ точки зрѣнія его историческаго происхожденія, Чичеринъ и говоритъ, что христіанство есть чистая, и вмѣстѣ и совершеннѣйшая религія нравственнаго міра, въ которой полнота нравственной жизни немислима. Поэтому оно вѣчно, какъ вѣчны нравственныя начала. Оно можетъ быть восполнено новымъ откровеніемъ другихъ сторонъ божественной сущности, но оно никогда не можетъ быть замѣнено ничѣмъ другимъ. Какъ откровеніе Слова въ нравственномъ мірѣ, оно совершенно. Въ него, въ этой области, ничего не можетъ быть.

Переходя далѣе къ выясненію того историческаго факта, что христіанство представляется намъ не однимъ цѣлымъ, а подъ разнообразными формами, нашъ мыслитель говоритъ, что въ различныхъ формахъ христіанства выражается одно и то же міросозерцаніе ²⁾. Различія касаются болѣе церковнаго устройства, чѣмъ основныхъ догматовъ вѣры. Понятія о Божествѣ и объ искупленіи во всѣхъ церквахъ одинаковы. Съ

¹⁾ 421 и слѣд.

²⁾ Здѣсь въ общемъ Чичеринъ высказываетъ мысли, аналогичныя мыслямъ, изъясненнымъ въ V главѣ II части, послѣдующей вопросъ о церкви.

объективной точки зрѣнія, всѣ христіанскія церкви представляютъ развѣтвленія единой вселенской церкви, связанной вѣрою во Христа. И въ этомъ развѣтвленіи, по воззрѣнію нашего мыслителя, выражается опять тотъ же самый діалектичскій законъ, который господствуетъ во всѣхъ сферахъ чело-вѣческаго духа. Въ исторіи христіанской церкви выражается развитіе четырехъ основныхъ элементовъ всякаго чело-вѣческаго союза. Въ первоначальной, нераздѣльной церкви, управляющейся соборами, развивается начало закона; затѣмъ на-ступаетъ противоположеніе внѣшняго единства, представляемаго властью первосвященника, внутреннему единству, какъ идеальному сочетанію всѣхъ элементовъ; наконецъ, въ протестантизмѣ свобода становится краеугольнымъ камнемъ всего церковнаго зданія. Но и протестантизмомъ не кончается процессъ развитія чело-вѣческаго общества на почвѣ христіанства. Въ протестантизмѣ и осуществляется та сторона христіанской церкви, которая подлежитъ разложенію и вступаетъ въ новый процессъ. Западная Европа и является плодомъ и поприщемъ этого аналитическаго дви-женія. Выясняя далѣе смыслъ и надобность этого новаго ана-лиза, Чичеринъ говоритъ, что этотъ анализъ былъ необходимъ, какъ способъ на пути къ достиженію идеальнаго конечнаго синтеза. Надобно было снова сложить разложившіеся эле-менты, отъ абсолютнаго раздвоенія возвыситься къ коначному единству. Это высшее сочетаніе противоположностей, т. е., нравственныхъ началъ, развитыхъ христіанскою церковью, съ чисто свѣтскими началами, вытекавшими изъ средневѣковаго индивидуализма, составляетъ дальнѣйшее дѣло исторіи ¹⁾. Въ немъ проявляется существо Духа, ведущаго чело-вѣчество къ коначной его цѣли, къ полной гармоніи жизни. Но чтобы до-стигнуть истиннаго пониманія Духа, чело-вѣчество должно опять пройти черезъ подготовительный процессъ, т. е., черезъ новый періодъ аналитическаго развитія. Это и составляетъ задачу новой исторіи.

¹⁾ 424 стр.

Эпоха Возрожденія, въ которой средневѣковыя начала перешивались съ античными и являлось чаяніе новыхъ путей, служила приготовленіемъ къ новому періоду. Самостоятельное же движеніе философіи начинается съ той поры, когда Декартъ, подвергнувъ всестороннему сомнѣнію всю область человѣческаго вѣдѣнія, нашелъ для него твердую точку опоры внутри собственнаго сознанія субъекта. Путь, которому слѣдуетъ новая философія въ своемъ развитіи, совершенно противоположенъ тому, которымъ шло древнее мышленіе. Тамъ мысль двигалась отъ объекта къ субъекту; здѣсь наоборотъ, она идетъ отъ субъекта къ объекту. То былъ путь разложенія; послѣдній, напротивъ, есть путь сложенія. Новая философія беретъ умственную нить на той точкѣ, на которой оставила ее древность; но она какъ бы обращаетъ ее назадъ, постепенно соединяя то, что та раздѣляла. Точки зрѣнія, черезъ которыя она проходитъ въ этомъ движеніи, и здѣсь и тамъ одинаковы, ибо онѣ даются самыми законами разума: иныхъ точекъ зрѣнія, по Чичерину, быть и не можетъ быть. Но новое мышленіе, исходя отъ объекта, начинается съ того, чѣмъ кончилось древнее. Исходя отъ субъекта, оно сначала становится на точку зрѣнія раціонализма, и затѣмъ переходитъ къ реализму, чтобы возвыситься наконецъ къ универсализму. Далѣе Чичеринъ разбираетъ возрѣнія выдающихся мыслителей и философскихъ школъ новаго времени¹⁾. Дѣлая заключеніе къ обзору философскихъ ученій новаго времени, Чичеринъ говоритъ, что «циклъ опредѣленій материалистическаго реализма, также, какъ и спиритуалистическаго, завершился. Изъ четырехъ путей, которыми движется человѣческая мысль, въ новой философіи пройдены три: раціонализмъ шель субъективнымъ путемъ, отъ субстанціи къ идеѣ; спиритуали-

¹⁾ Именнo слѣдующихъ: Декарта, Жюльенса (Гейлинкса), Гоббеса, Мальбранша, Спинозу, Лейбница, Вольфа, Локка, Томазія, Кларка, Монтеסקье, Руссо, Беркли, Юма, Канта, Якоби, Фихте старшаго, Шеллэнга, Шопенгауэра, Краузе, Фриза, Гербарта, Гегеля, Вейсе, Фихте младшаго, Тределенбургга, Фехнера, Лотце, Гартмана, Ог. Койта, Милля, Дарвина, Герб. Спенсера, Бюхнера, Фохта, Маллешота и Дюринга.

стическій реализмъ обратно, отъ идеи къ субстанціи; наконецъ матеріалистическій реализмъ, пролагая новую дорогу, идетъ отъ формы къ матеріи, или отъ закона къ явленію. Остается, слѣдовательно; четвертый путь, отъ матеріи къ формѣ, или отъ явленія къ закону, но уже не на почвѣ реализма, а на почвѣ универсализма. Онъ составляетъ восполненіе объективнаго движенія мысли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и завершеніе всего процесса. И нашъ мыслитель, опираясь на исторію развитія философіи, съ увѣренностью говоритъ, что реализмъ окончилъ свой вѣкъ и принадлежитъ уже къ области прошлаго: отнынѣ же настаетъ періодъ универсализма ¹⁾.

Въ послѣдней главѣ, заключительной ко всей своей книгѣ, Чичеринъ формулируетъ историческіе законы развитія человечества. Онъ видитъ во всей исторіи человечества четыре періода, изъ нихъ два синтетическихъ а два аналитическихъ. Первый синтетическій періодъ, называемый также у нашего мыслителя періодомъ первоначальнаго единства, составляетъ эпоху развитія натуралистическихъ религій, сперва первобытныхъ (фетишизма, натурализма, анимизма, сабеизма), затѣмъ философскихъ (религій Туранцевъ, Семитовъ, Арійцевъ). Далѣе, за первымъ синтетическимъ періодомъ слѣдуетъ первый аналитическій періодъ, представляющій собою развитіе греческой философіи, въ такомъ хронологически—генетическомъ порядкѣ: пифагорейцы, іонійцы, элеаты, атомисты, софисты, Сократъ, Платонъ, Аристотель, Эпикурейцы, стоики, неоплатоники. Затѣмъ, за первымъ аналитическимъ періодомъ, слѣдуетъ второй синтетическій, или періодъ раздвоенія, въ такой послѣдовательности: 1) Единая Вселенская Соборная Церковь; 2) Церковь Восточная; 3) Церковь Западная (Католичество); 4) протестантизмъ. Наконецъ наступаетъ второй аналитическій періодъ, представляющій собою эпоху новой философіи, въ двухъ ея видахъ: 1) раціонализма: картезіанство, матеріализмъ 18 вѣка, спиритуализмъ (Лейбницъ) и пѣмецкая философія новаго времени и 2) реализма: матеріалистическій реализмъ и

¹⁾ 511 стр; ср. 87 стр. и вообще VI гл. 1-й части: „Познаніе вещей“, а также далѣе 517 стр.

спиритуалистическій реализмъ. Выясняя смыслъ этихъ историческихъ законовъ, Чичеринъ говоритъ, что всѣ законы развитія челоѳчества можно свести къ одному общему закону, который такъ формулируется; *„челоѳчество идетъ отъ раздвоенія къ конечному единству по тѣмъ же самымъ ступенямъ, по которымъ оно шло отъ первоначальнаго единства къ раздвоенію, только въ обратномъ порядкѣ“* ¹⁾.

Формулировавши законы историческаго развитія, Чичеринъ говоритъ, что всѣ эти законы вытекаютъ изъ самыхъ фактовъ. Это не умозрительное построеніе, которое, какъ внѣшняя рамка, налагается на исторію, а факты чисто опытаго происхожденія. И Чичеринъ находитъ, что историческіе факты дѣйствительно удостовѣряютъ насъ въ правильности сдѣланныхъ имъ умозрительныхъ выводовъ, и приводятъ къ тому желанному сочетанію умозрѣнія съ опытомъ, къ которому стремится челоѳческая наука. Опытъ даетъ отвѣты на поставленные философіей вопросы. Каждый изъ этихъ двухъ путей науки недостаточенъ: *философія безъ опыта пуста, а опытъ безъ философіи слѣпъ* ²⁾. Соединеніе же обоихъ путей озаряетъ яркимъ свѣтомъ всю безконечность мысли и бытія; и въ результатъ этого соединенія открывается передъ нашими взорами не темная область непознаваемаго, а свѣтлая область знанія и вѣры, раскрывающая всѣ загадочныя явленія религіи, философіи, нравственности и права.

Нашъ мыслитель убѣжденъ и въ томъ, что выведенный имъ законъ историческаго развитія поможетъ намъ раскрыть весь смыслъ исторіи и увидать въ ней вмѣсто хаоса случайныхъ событий стройный порядокъ, управляемый общою идеею. Вооруженные этимъ закономъ, мы можемъ точно опредѣлить, не только то, гдѣ мы стоимъ, но и куда мы идемъ. Основываясь на чисто научныхъ данныхъ, мы, по вашему мыслителю, можемъ съ такою же достовѣрностію предсказать всѣ будущія ступени челоѳческаго развитія, какъ астрономъ предсказываетъ солнечныя затмѣнія, ибо законъ историческаго развитія

¹⁾ 516 стр.

²⁾ Ib. (516 стр.).

имѣеть для человѣческаго духа не меньшее значеніе, чѣмъ законъ тяготѣнія для матеріальнаго міра. Опираясь на этотъ же законъ, Чичеринъ находитъ возможнымъ повторить съ полною увѣренностью, что періодъ реализма кончился, что настаетъ вѣкъ универсализма. Нашъ мыслитель указываетъ и путь, которому долженъ слѣдовать универсализмъ въ своемъ развитіи: это путь отъ явленія къ закону, или отъ матеріи къ формѣ. Принимая во вниманіе указанный характеръ пути къ универсализму, Чичеринъ находитъ возможнымъ предсказать ¹⁾, что въ ближайшемъ будущемъ мы увидимъ новую и послѣднюю попытку матеріализма построить на основаніи своихъ началъ общую міровую систему. Но такъ какъ эти начала радикально неспособны къ такому построенію, такъ какъ они одинаково противорѣчатъ и умозрѣнію и опыту, то матеріализмъ, по убѣжденію нашего мыслителя, окончателно рушится и уступитъ мѣсто развитію другихъ, высшихъ началъ бытія. Точно также въ другой области политической, которая слѣдуетъ тому же закону, Чичеринъ считаетъ возможнымъ предсказать, что въ ближайшемъ будущемъ на Западѣ восторжествуетъ демократія не социальная, которая, по глубокому убѣжденію нашего мыслителя, принадлежитъ къ области утопій, а либеральная, которая одна имѣеть въ себѣ условія существованія. Но и либеральная демократія, вслѣдствіе внутренней своей нестойкости, должна будетъ, по предсказанію Чичерина, уступить мѣсто высшимъ политическимъ формамъ, основаннымъ на естественномъ преобладаніи классовъ, занятыхъ умственнымъ трудомъ, надъ классами, преданными матеріальной работѣ. Свобода не исчезнетъ, но она должна сочетаться съ высшими требованіями общественной жизни. Нашъ мыслитель высказываетъ и то убѣжденіе, что предстоящій періодъ универсализма, приведетъ человѣчество къ новому религіозному синтезу, который, помые, раскроетъ намъ существо Духа, сводящаго противоположности къ конечному единству. Это будетъ завершеніемъ всего человѣче-

1) 517 стр.

скаго развитія ¹⁾. Отсюда нашъ мыслитель дѣлаетъ, въ заключеніе своей книги, то указаніе, что религія, какъ связь Бога съ человѣкомъ, представляетъ собою начало и конецъ исторіи: и въ началѣ и въ концѣ, сочетаніе всѣхъ жизненныхъ элементовъ въ общее систематическое міросозерцаніе составляетъ дѣло религіи. Человѣчество исходитъ отъ Бога и снова возвращается къ Богу: Религіозный синтезъ и занимаетъ середину историческаго пути, связывая исходящую точку съ конечною цѣлью, и являясь связью двухъ другихъ синтезовъ, изъ коихъ одинъ, первоначальный синтезъ, есть откровеніе Силы; ²⁾ средній—откровеніе Слова; послѣдній же, восполняя остальное, долженъ быть откровеніемъ Духа, все собою завершающаго. Первый есть откровеніе Бога въ природѣ, второй откровеніе Бога въ нравственномъ мірѣ, третій, наконецъ,—откровеніе Бога въ исторіи, которая движется Духомъ Божиимъ къ конечному совершенству. Такимъ образомъ, дѣлаетъ заключеніе нашъ мыслитель, исторія, какъ положительная наука, сама приводитъ насъ къ Богу. Близорукій взоръ, утремленный на однѣ частности, не видитъ въ ней ничего, кромѣ частныхъ; но глубокій умъ, вникая въ смыслъ и связь явленій, открываетъ въ нихъ дѣйствіе высшихъ началъ. Въ исторіи земное сочетается съ небеснымъ; въ конечномъ осуществляется безконечное. Абсолютное само становится явленіемъ и развивается въ сознаніи человѣка: Поэтому, на каждой ступени историческаго движенія мы встрѣчаемъ Божество. Богъ есть начало, середина и конецъ исторіи, также какъ Онъ—начало середина и конецъ всего сущаго ³⁾ „яко изъ Того, Тѣмъ и къ Тому всяческая“. (Рим. XI, 36). Этимъ великимъ, многозначительнымъ словомъ ап. Павла Чичеринъ и кончаетъ свое глубокомысленное сочиненіе.

IV.

Изложенное нами произведеніе Чичерина: „Наука и религія“ занимаетъ исключительное положеніе среди другихъ произведеній этого мыслителя: написанное имъ уже въ зрѣлые годы

¹⁾ 518 стр.

²⁾ 519 стр.

(на 52 году жизни), послѣ цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ, это сочиненіе занимаетъ центральное положеніе среди всѣхъ другихъ работъ Чичерина, являясь какъ бы заключеніемъ къ предшествующимъ работамъ и вѣчкамъ для будущихъ работъ. Во всѣхъ послѣдующихъ философскихъ работахъ Чичерина мы уже мало найдемъ новаго для уясненія собственныхъ взглядовъ Чичерина, и потому намъ вѣтъ основаній подробно излагать содержаніе этихъ работъ, тѣмъ болѣе, что двѣ изъ этихъ работъ („Мистицизмъ въ наукѣ“ и „О началахъ этики“), представляющія собою критику теоретическихъ и этическихъ возрѣній Соловьева, уже были изложены нами на страницахъ „Вѣры и Разума“ въ статьѣ о В. Соловьевѣ ¹⁾: „Русскій Оригенъ XIX вѣка“. Что же касается двухъ другихъ работъ: „Положительная философія и единство науки“ и „Основанія логики и метафизики“, то мы изложимъ изъ нихъ лишь главныя, руководящія мысли. Основнымъ, кореннымъ философскимъ возрѣніемъ, проникающимъ сочиненіе Чичерина: „Положительная философія и единство науки“ ²⁾ является то же самое, что въ „Наукѣ и религіи“, т. е., гегельянство. Съ точки зрѣнія принциповъ гегельянства Чичеринъ и даетъ самую сильную и рѣзкую критику положительной философіи, преимущественно въ той ея формѣ, которую она получила у своего основателя Огюста Конта. Разумѣется, и въ этомъ своемъ сочиненіи Чичеринъ относится такъ же отрицательно къ позитивизму и такъ же почтительно къ метафизикѣ, какъ и въ „Наукѣ и религіи“.

И здѣсь Чичеринъ указываетъ, что метафизика составляетъ высшую область человѣческаго знанія, и одна она въ состояніи внести въ науку желанное единство. Метафизика, съ точки зрѣнія метода, стоитъ на одной почвѣ съ математикою: она такъ же, какъ послѣдняя, идетъ чисто дедуктивнымъ путемъ, по законамъ логической необходимости, и представляетъ

¹⁾ См. „Вѣра и Разумъ“ за 1902 г. особенно №№ 15 и 28.

²⁾ „Положительная философія и единство науки“ сперва печаталось въ „Вопросахъ филос. и психол.“ съ IX по XIII ян., а затѣмъ вышло отдѣльнымъ изданіемъ въ Москвѣ въ 1892 г.

собою развитіе истинныхъ способовъ пониманія явленій. И въ этомъ сочиненіи Чичеринъ указываетъ исключительную важность діалектическаго закона, который, управляя метафизическимъ процессомъ, господствуетъ во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія. Метафизика выражаетъ этотъ законъ во всей его рациональности и во всей ея чистотѣ, и потому она одна способна служить объединяющимъ началомъ всѣхъ наукъ. Опытъ раскрываетъ намъ смѣну явленій, но истина, которая есть вѣчное начало, лежитъ не въ измѣняющихся явленіяхъ, а въ пребывающихъ сущностяхъ. Явленія служатъ только указаніями на лежація въ основѣ ихъ сущности, которыя и составляютъ истинный предметъ знанія; отсюда естественно и слѣдуетъ выводъ, что метафизическія понятія составляютъ существеннѣйшую часть человѣческаго знанія. Орудіе же познанія—разумъ—имѣетъ свою систему опредѣленій, на основаніи которыхъ онъ дѣйствуетъ; раскрытіе и изслѣдованіе смысла и значенія этихъ опредѣленій, приведеніе ихъ въ систему, изученіе ихъ отношеній къ опытнымъ началамъ—и составляетъ прямо задачу системы метафизики. Примѣры такихъ системъ Чичеринъ и указываетъ въ метафизикѣ Аристотеля, онтологіи Вольфа и особенно въ логикѣ Гегеля. Последняя философская система (Гегеля) и представляетъ собою самую полную и законченную систему метафизическихъ опредѣленій—систему, которая, по убѣжденію нашего мыслителя, должна лечь въ основу дальнѣйшихъ работъ по метафизикѣ. Но для того, чтобы логика Гегеля получила характеръ положительной науки, надобно, чтобы она была разработана на подобіе математики. Это и должно составить ближайшую задачу философіи, и нашъ мыслитель находитъ, что не можетъ быть философа, достойнаго этого имени, который бы могъ ее обойти.

Что же касается значенія положительной философіи, то нашъ мыслитель рѣшительно говоритъ, что на почвѣ положительной философіи объединеніе знаній невозможно. Для этого нужно возвыситься отъ частнаго къ общему, отъ явленій къ сущностямъ. Это и есть тотъ поворотъ, который по Чичерину

предстоитъ современной наукѣ, и который одинъ можетъ вывести человѣчество на новый путь, болѣе широкой, чѣмъ тотъ, на какомъ стоитъ теперь человѣчество. Законъ историческаго развитія показываетъ, что господство положительной философіи характеризуетъ среднюю ступень умственнаго развитія,—ту ступень, на которой частное преобладаетъ надъ общимъ. И здѣсь нашъ мыслитель сравниваетъ умственное состояніе современнаго общества съ аналогичными явленіями изъ міра животнаго. Среди животныхъ мы встрѣчаемъ одностороннее преобладаніе извѣстныхъ функцій, которое и ведетъ къ развитію именно этихъ функцій и атрофированію другихъ; такъ имѣются животныя, у которыхъ, вслѣдствіе избытка питанія, атрофируются другія высшія отправления. Совершенно аналогичный избытокъ питанія Чичеринъ усматриваетъ и въ современномъ умственномъ состояніи человѣчества: результатъ и въ отношеніи человѣчества получается тотъ же: атрофія высшихъ способностей. Поясняя свою мысль, Чичеринъ далѣе и говоритъ, что господство реализма дало человѣческой мысли громадный фактическій матеріалъ, но этотъ матеріалъ остается неперевареннымъ. Неизбѣжнымъ же послѣдствіемъ такого состоянія является путаница понятій, отрицаніе высшихъ сферъ человѣческаго духа, неспособность совладать съ самыми существенными вопросами; наконецъ пониженіе общаго умственнаго уровня, выразившееся особенно въ тѣхъ наукахъ, которыя стоятъ въ ближайшей зависимости отъ метафизики (психологіи, исторіи, правовѣдѣнія и вообще въ наукахъ, изслѣдующихъ спеціальныя явленія человѣческаго духа. Выясняя подробнѣе причину подобнаго печальнаго явленія—пониженія умственнаго уровня человѣчества, въ зависимости отъ господства позитивизма,—Чичеринъ проводитъ ту мысль, что положительная философія и не можетъ имѣть успѣха: въ силу уже того одного, что она руководится только опытомъ, а опытъ безъ метафизики слѣпъ¹⁾). Правда, нашъ мыслитель приводитъ въ качествѣ другой половины своего тезиса и то, что и мета-

1) Ср. „Наука в религіи“ 516 стр.

физика безъ опыта пуста; но, зная общій взглядъ Чичерина на значеніе метафизики, мы не имѣемъ нужды доказывать, что исключительное значеніе въ дѣлѣ познанія Чичеринъ придаетъ именно метафизикѣ. Такова сущность взглядовъ, проводимыхъ Чичеринымъ въ сочиненіи: „Положительная философія и единство науки“. Мы видимъ, что здѣсь новыхъ, оригинальныхъ взглядовъ, въ сравненіи со взглядами, проводимыми въ „Наукѣ и религіи“, нѣтъ. Основная мысль—о значеніи діалектическаго метода, а чрезъ него и съ нимъ—и метафизики, та же самая, что и въ „Наукѣ и религіи“. Но эта же мысль является основною и въ послѣдующей крупной работѣ Чичерина по философіи, въ его „Основаніяхъ логики и метафизики“ (1894 г.). „Этому своему сочиненію Чичеринъ придавалъ большое значеніе: онъ смотрѣлъ на него, какъ на итогъ всей своей философской работы, и посвятилъ его „молодымъ русскимъ философамъ, какъ наслѣдіе поколѣній, занимавшихся философіей въ нашемъ отечествѣ“. Но и въ этой работѣ Чичерина мы опять не найдемъ никакихъ новыхъ взглядовъ, по сравненію съ „Наукой и религіей“. Воззрѣнія Чичерина на источникъ познанія, на значеніе діалектическаго метода и метафизики въ гносеологіи; его отрицательный взглядъ на положительную философію, его воззрѣніе на ходъ европейской мысли въ послѣднее время, особенно въ XIX вѣкѣ, — рѣшительно тѣ же самыя, что въ „Наукѣ и религіи“ и въ „Положительной философіи и единствѣ науки“. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно привести тѣ руководящія мысли, которыя высказываетъ Чичеринъ въ своемъ предисловіи. Выясняя поводъ къ появленію своего изслѣдованія, Чичеринъ указываетъ этотъ поводъ въ усиленіи интереса и симпатій къ метафизикѣ среди современнаго общества, именно во вторую половину XIX вѣка. „Первая половина этого вѣка, по словамъ нашего мыслителя¹⁾, — отличалась такимъ увлеченіемъ метафизическими началами, подобное которому едва ли можно найти въ исторіи мысли. Система возникла за системою, одна глубже и величественнѣе другой.

¹⁾ См. Основанія Логики и метафизика. Изд. 1894 г. Предисловіе стр. I—II.

Казалось, мысль проникла во всё тайны бытія и все свела къ высшему, вытекающему изъ разума единству. И вдругъ, на этой высотѣ произошелъ поворотъ. Мысль пришла въ обратное движеніе. Метафизика была отвергнута, какъ негодный хламъ; единственнымъ источникомъ познанія признанъ былъ опытъ. Легкомысленные поклонники настоящей минуты могли считать исключительный эмпиризмъ послѣднимъ словомъ науки и видѣть въ метафизикѣ отжившую точку зрѣнія, окончательно сданную въ архивъ, но для болѣе глубокаго и основательнаго взгляда это было не болѣе, какъ временное увлеченіе, за которымъ должна была послѣдовать новая реакція. И точно, эта реакція теперь наступаетъ. Чистый эмпиризмъ далъ все, что онъ могъ дать. Оказалось, что не только онъ не способенъ свести къ единству противоположныя явленія мысли и матеріальнаго бытія, не только въ области внутренняго опыта онъ приводитъ къ полному извращенію явленій и послѣдовательно къ отрицанію самой логики, но даже въ той сферѣ, гдѣ онъ празднуетъ величайшія свои побѣды, въ области матеріальныхъ явленій, онъ самъ не можетъ обходиться безъ метафизическихъ началъ, и, вмѣсто отрицанія, приводитъ къ ихъ подтвержденію. Понятія о матеріи, о силѣ, объ атомахъ, о потенціальномъ и дѣятельномъ состояніи, о законѣ, какъ властвующей въ мірѣ необходимости, суть понятія метафизическія, и опытная наука не только ихъ не отвергаетъ, а напротивъ, — полагаетъ ихъ въ основаніе всѣхъ своихъ выводовъ. При такихъ результатахъ, не мудрено, что мыслители различныхъ народностей и направленій начинаютъ обращаться къ метафизикѣ, ожидая отъ нея высшаго объединенія человѣческаго знанія. Это — знаменіе времени; въ немъ выражается сознаніе недостаточности односторонней точки зрѣнія и требованіе исхода. До сихъ поръ, однако, это сознаніе остается однимъ чаяніемъ. Для того, чтобы оно стало научнымъ началомъ, надобно, чтобы сама метафизика сдѣлалась положительною наукою, имѣющею свои вполне достовѣрныя основанія и свои совершенно твердые пути. Недостаточно говорить о необходимости метафизики; надобно представить ее, какъ неотразимый

фактъ". Уже изъ приведенныхъ взглядовъ Чичерина на историческій процессъ философіи въ XIX вѣкѣ можно видѣть то, что мысль Чичерина и въ „Основаніяхъ логики и метафизики“ стояла на тѣхъ же устояхъ, на которыхъ она стояла и въ предыдущихъ философскихъ работахъ. Поэтому, мы, чтобы не повторяться, опускаемъ изложеніе частныхъ воззрѣній Чичерина, приводимыхъ имъ въ „Основаніяхъ логики и метафизики“. Укажемъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ на тотъ способъ, которымъ нашъ мыслитель надѣется выполнить свою задачу—представить метафизику, какъ „неотразимый фактъ“. Предъ Чичеринымъ естественно являлся вопросъ: какъ же разрабатывать метафизику? Вопросъ этотъ онъ и разрѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что нельзя и приниматься за разработку метафизики, не утвердивъ предварительно логики на непреложныхъ началахъ. Метафизика представляетъ развитіе логическихъ опредѣленій на основаніи логическихъ законовъ: она вся держится на логикѣ. Отсюда является необходимость обосновать логику¹⁾; и эта необходимость тѣмъ сильнѣе представляется нашему мыслителю, что логика, хотя формально не отвергается, какъ метафизика, по, по существу своему, она отрицается всею школою чистыхъ эмпириковъ. На самомъ дѣлѣ,—справедливо замѣчаетъ Чичеринъ, когда положеніе, что двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собою, выводится изъ привычки, приобретаемой ежедневнымъ опытомъ, то что же остается для логической дѣятельности? Разумъ не только перестаетъ быть дѣятельною силой и превращается въ чистую доску; онъ становится просто пучемъ. Въшшія впечатлѣнія, получившія фиктивную самостоятельность подъ заманчивымъ произвѣщемъ факта, таинственнымъ образомъ сходятся и расходятся въ пустой средѣ, именуемой человѣческою мыслью, и производятъ безсмысленныя сочетанія, которыя, въ силу привычки, укореняются и воспроизводятся въ

1) Удѣляя въ своемъ послѣднемъ философскомъ сочиненіи большее вниманіе обоснованію логики, какъ науки, и въ частности анализу законовъ мышленія, Чичеринъ очевидно руководился указаніями критиковъ, особенно проф. Диницкаго (см. Тр. К. Д. А. 1880 г. 8 кн.).

другихъ подобныхъ же случаяхъ. При такомъ полномъ отрицаніи всякаго разумнаго начала, т. е. начала, вытекающаго изъ разума, какъ такового, происходитъ то, что всѣ логическія дѣйствія получаютъ совершенно превратный видъ... Эмпирическая логика, отвергающая всякій умозрительный элементъ, въ сущности есть отрицаніе логики; иными словами, это, — по рѣшительному выраженію Чичерина, — „теорія глупости“¹⁾. Давши такую рѣзкую характеристику опытной логики, и указавши на то, что въ нѣмецкой философіи пробивается тенденція придать логикѣ значеніе естественной науки, основанной на фактахъ, а эта тенденція ведетъ къ извращенію истиннаго характера логики и въ своихъ результатахъ, вмѣсто ясности въ мысляхъ, водворяетъ египетскую тьму, намъ мыслить дѣлаетъ выводъ о необходимости перестроить логику заново. И сдѣлать эту перестройку Чичерину представляется тѣмъ болѣе нетруднымъ, что логика сама въ себѣ заключаетъ начала, въ которыхъ нельзя сомнѣваться, и которыя извѣстны давнымъ давно: начала и приемы мысли даны намъ непосредственнымъ самосознаніемъ; для логическихъ изслѣдованій и нужно только взглянуть яснымъ и непредубѣжденнымъ взоромъ на то, что мы дѣлаемъ, не внося сюда постороннихъ соображеній и не сбиваясь съ толку ложными теоріями. Такимъ образомъ мы видимъ, что и здѣсь Чичеринъ самосознаніе считаетъ единственнымъ источникомъ для выработки теоріи логики. Исходя изъ самосознанія, какъ источника познанія, Чичеринъ въ излагаемомъ трудѣ даетъ намъ типъ обыкновенной умозрительной логики, почти тождественной по своему содержанію и плану съ тѣми логиками, которыя носятъ общее названіе формальныхъ.

Обоснованіемъ и изслѣдованіемъ принциповъ логики Чичеринъ занимается въ первой части своего труда²⁾, во второй же части³⁾ онъ обосновываетъ принципы метафизики. Основною его мыслью здѣсь является мысль о тождествѣ законовъ разума и внѣшняго міра; тождество же это доказывается,

1) Основанія логики и метафизики 3 и 4 стр.

2) Съ 12 по 216 стр.

3) Съ 217 по 367 стр.

прежде всего и болѣе всего, реальными отношеніями субъекта къ внѣшнему міру; субъектъ не можетъ находиться въ реальномъ взаимодействіи съ внѣшнимъ міромъ иначе, какъ подъ условіемъ совпаденія внутреннихъ и внѣшнихъ законовъ. Это совпаденіе является необходимымъ условіемъ всякаго взаимодействия, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, является основою для построенія метафизики, а чрезъ нее и всей философской системы нашего мыслителя, сообразно съ тѣми же метафизическими приемами, какъ и въ „Наукѣ и религіи“.

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Августа № 15. 1904 года.

Содержаніе. Высочайшій Манифестъ.—Отъ Харьковскаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи. Епархіальныя извѣщенія.—Журналъ Общаго Собранія Вѣлопольскаго Братства ревнителей вѣры и церкви православной во имя Цр. Богородицы.—Отчетъ Вѣлопольскаго Братства Пресвятыя Богородицы за 1903 годъ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1902—1903 учебный годъ (окончаніе)—Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ Эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1903 годъ.

I.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

о разрѣшеніи отъ бремени Ея Императорскаго Величества.
Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны Сыномъ,
нареченнымъ Алексѣемъ.

БОЖІЕЙ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ: Въ 30-й день сего іюля любезнѣйшая Супруга Наша, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ Сына, нареченнаго Алексѣемъ. Приемля сіе радостное событіе какъ ознаменованіе благодати Божіей на Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возносимъ вмѣстѣ съ вѣрными Нашими подданными горячія молитвы ко Всевышнему о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Нашего перво-

роднаго Сына, призываемаго быть Наслѣдникомъ Богомъ врученной Намъ Державы и великаго нашего служенія.

Манифестомъ отъ 29 іюня 1899 года призвали Мы любезнаго Брата Нашего, Великаго Князя Михаила Александровича, къ наслѣдованію Намъ, до рожденія у Насъ Сына. Отнынѣ, въ силу основныхъ Государственныхъ законовъ Имперіи, Сыну Нашему Алексѣю принадлежитъ высокое званіе и титулъ Наслѣдника Цесаревича, со всѣми сопряженными съ нимъ правами.

Данъ въ Петербургѣ въ 30-ый день іюля въ мѣсяцъ отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четвертое, царствованія же Нашего въ десятое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Отъ Харьковскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества.

Для веденія народныхъ чтеній и виѣбогослужебныхъ соборіаній

О Святой Землѣ.

Харьковскій Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества рекомендуетъ духовенству и епархіи слѣдующія брошюры:

1. Бесѣды о Св. Землѣ. 30 бесѣдъ, въ 3 выпускахъ, съ 28 рисунками въ текстѣ (бесѣды даютъ весьма цѣнный матеріалъ для всесторонняго ознакомленія съ прошедшимъ и настоящимъ Св. Земли, ея Святынями, Русскимъ паломничествомъ и современнымъ состояніемъ Православія въ Палестинѣ). Цѣна каждаго выпуска 25 коп.

2. Іерусалимъ и его Святыни. В. В. Соколовскаго ц. 15 коп.

3. Просвѣтительная дѣятельность Палестинскаго Общества въ Сирии и Палестинѣ. В. С. Ильинскаго ц. 15 коп.

Стоимость вышепоименованныхъ брошюръ, выѣстъ съ пересылкою, одинъ рубль.

Требованія слѣдуетъ адресовать: въ Канцелярію ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества, С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., д. 36.

Заказы могутъ быть исполнены съ наложеннымъ платежомъ.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Харьковская Духовная Консисторія обращаетъ вниманіе духовенства на разъясненіе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода, пррпечатанное въ Церк. Вѣд. № 31, 1904 г. по вопросу объ оплатѣ гербовымъ сборомъ (въ 60 коп.) прошеній о выдачѣ отпускныхъ билетовъ.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи Василій *Ладеиковъ* опредѣленъ 31 іюля н. г. на священническое мѣсто при церкви села Ясеноваго, Лебединскаго уѣзда.

д) Діакопъ-псаломщикъ Свято-Духовской церкви при Сумской Александровской гимназіи Θεоктистъ *Видутенко* опредѣленъ 27 іюля н. г. на діаконское мѣсто при церкви слоб. Смольницовой, Старобѣльскаго уѣзда.

в) Учитель образцовой школы при Харьковской духовной семинаріи, діакопъ Никита *Касьянокъ* опредѣленъ 31 іюля н. г. на діаконское мѣсто при Тихоновской церкви, слоб. Нижней Сыроватки, Сумскаго уѣзда.

г) Окончившій курсъ Рязанской Духовной Семинаріи Николай *Нижитинъ* опредѣленъ 24 іюля псаломщикомъ къ церкви сл. Воюдовска, Старобѣльскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ церкви сл. Новой Гуты, Черниговской епархіи Александръ *Ряджинъ* опредѣленъ 24 іюля н. г. на псаломщическое мѣсто при церкви с. Кляжиного, Валковскаго уѣзда.

е) Мѣщанинъ Аванасій *Лонцевъ* опредѣленъ 30 іюля н. г. псаломщика къ Соборной Троицкой церкви, города Зміева.

ж) Сынъ псаломщика Андрей *Поповъ* допущенъ 4 августа н. г. къ исправленію должности псаломщика при церкви села Ясенка, Ахтырскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

а) Діаконъ Богодуховской Соборной Успенской церкви Симеопъ *Исиченко* перемѣщенъ 23 іюля н. г. на діаконское мѣсто при Покровской церкви слоб. Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.

б) Псаломщикъ церкви сл. Шпотаной, Старобѣльскаго уѣзда, Феодоръ *Жуковскій* перемѣщенъ 26 іюля н. г. на псаломщицкое мѣсто при Вознесенской церкви сл. Кабанья, Купянскаго уѣзда.

в) Псаломщикъ церкви с. Рясного, Богодуховскаго уѣзда, Косьма *Хижняковъ* перемѣщенъ 27 іюля н. г. на псаломщицкое мѣсто при Богодуховской Покровской церкви.

г) Псаломщикъ церкви сл. Старой Водолаги, Валковскаго уѣзда, Антоній *Черволицкій* перемѣщенъ 29 іюля н. г. на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Печпиль, Ахтырскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ церкви с. Печпиль, Ахтырскаго уѣзда, Семенъ *Сеняонизъ* перемѣщенъ 29 іюля на псаломщицкое мѣсто при церкви сл. Старой Водолаги, Валковскаго уѣзда.

е) Псаломщикъ церкви с. Кургана, Лебодинскаго уѣзда, Симеопъ *Полтавцевъ* перемѣщенъ 5 августа н. г. на псаломщицкое мѣсто при Сошествіевской церкви, сл. Сватоной-Лучки, Купянскаго уѣзда.

3. Объ утвержденіи церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви села Ограднаго, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 7 августа н. г. старостою дворянинъ Николай *Шведовъ*.

б) Къ церкви сл. Боровеньки, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 24 іюля н. г. старостою крестьянинъ Иванъ *Шило*.

в) Къ церкви с. Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 26 іюля н. г. старостою кр. Семенъ *Мальцовъ*.

г) Къ церкви с. Кальченкова, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 27 іюля н. г. старостою крестьянинъ Семенъ *Заболотный*.

д) Къ церкви сл. Торской, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 30 іюня н. г. старостою крестьянинъ Махаилъ *Дуракинъ*.

е) Къ Купянской Николаевской церкви утвержденъ 29 іюля н. г. старостою мѣщанинъ Константинъ *Чемернинъ*.

4. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

Священникъ церкви сл. Мочибилловой, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 1 августа н. г. законоучителемъ Мочибилловскаго народнаго училища.

5. О смерти духовенства.

а) Діаконъ Троицкой церкви, сл. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Терпиловскій* умеръ 2 августа 1904 г.

б) Псаломщикъ Николаевской церкви, села Крисина, Богодуховскаго уѣзда Дмитрій *Труфановъ* умеръ 22 іюля н. г.

в) И. д. псаломщика Борисо-Глѣбской церкви села Ясовка, Ахтырскаго уѣзда, Стефанъ *Поповъ* умеръ 26 іюля н. г.

6. Объ увольненіи за штатъ.

а) Діаконъ Николаевской церкви, сл. Алексѣевки, Старобѣльскаго уѣзда, Тавріанъ *Поповъ* уволенъ за штатъ 30 іюля н. г.

б) Псаломщикъ Вознесенской церкви сл. Кабаны, Купянскаго уѣзда, Григорій *Жуковский* уволенъ за штатъ 26 іюля 1904 г.

7. Вакантныя мѣста.

а) Соищенническія:

При Архангело Михайловской церкви, гор. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.

б) Діаконскія:

При Петро-Павловской церкви, с. Шаровой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Соборной Успенской церкви, города Богодухова.

— Рождество-Богородичной церкви, сл. Каплуновки, Богодуховск. уѣзда.

— Георгіевской церкви, сл. Барвелковой, Изюмскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, сл. Алексѣевки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, сл. Новой-Водолаги, Валковскаго уѣзда.

— Троицкой церкви, сл. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда.

в) Псаломщицкія:

При Арх.-Михайловской церкви, гор. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда.

— Вознесенской церкви, сл. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда.

— Петро-Павловской церкви, с. Отрады, Зміевскаго уѣзда.

— Пятницкой церкви, села Бранцовки, Ахтырскаго уѣзда.

— Покровской церкви, сл. Алешни, Лебединскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, с. Богодаровой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Троицкой церкви, с. Нижняго Бурлучка, Волчанскаго уѣзда.

— Успенской церкви, с. Шейковки, Купянскаго уѣзда.

— Вознесенской церкви, слоб. Шпотиной, Старобѣльскаго уѣзда.

— Свято-Духовской церкви, при Сумской Гимназій.

— Николаевской церкви, с. Ряснаго, Богодуховскаго уѣзда.

— Николаевской церкви с. Крисина, Богодуховскаго уѣзда.

— Христорождественской церкви, с. Бороваго, Зміевскаго уѣзда.

— Архангело-Михайловской церкви с. Кургана, Лебединскаго уѣзда.

— Іоанно-Предтечевской церкви, с. Ивановскаго (Тихоцкаго) Изюм. уѣзда.

ЖУРНАЛЪ

Общаго Собранія Вѣлопольскаго Братства ревнителѣй вѣры и церкви православной во имя Пр. Богородицы.

№ 135. 1904 года февраля 5 дня. Прибыло въ собраніе въ 12 ч. дня въ количество 15 человекъ, окончили засѣданіе въ 2 ч. дня.

Согласно § 30 устава Братства 5 февраля н. г. состоялось Общее Собраніе Братства

I. По заведенному порядку торжество это началось наканунѣ всенощнымъ бдѣніемъ, совершеннымъ мѣстнымъ о. благочиннымъ, протоіереемъ А. Чугаевымъ, соборнѣ, въ сослуженіи о. о. членовъ Братства въ центральной гор. Вѣлополья церкви Рождество Богородичной. Здѣсь же въ самый день собранія была совершена пми божественная литургія. вмѣсто причастнаго стиха священникомъ І. Захарьевымъ было сказано приличное случаю слово „о церковномъ учительствѣ“, которое произвело глубокое впечатлѣніе на многочисленныхъ богомольцевъ храма. Послѣ литургіи совершенно было молебное пѣніе съ канономъ Пресвятой Богородицѣ, Небесной покровительницѣ Братства. Въ этомъ служеніи принимали участіе все о. о. члены Братства, съѣхавшіеся по сему случаю въ гор. Вѣлополье, во главѣ съ о. предсѣдателемъ совѣта протоіереемъ А. Грузовымъ. За богослуженіемъ этого дня пѣли два хора: хоръ мѣстной церкви и хоръ дѣтей-учениковъ Вѣлопольскихъ церковно приходскихъ школъ. Все ученики послѣднихъ во главѣ съ своими учителями присутствовали при богослуженіи этого дня. Какъ имъ, такъ и всеѣмъ находившимся въ храмѣ, по окончаніи богослуженія, отъ Братства роздано было 1000 листовъ и брошюръ духовно-нравственнаго содержанія.

II. Общее собраніе Братства происходило въ зданіи Пророко-Ильинской церковно-приходской школы. Собраніе было открыто въ 12 час. дня пѣніемъ стихиръ „Днесъ благодать Св. Духа насъ собра“. Прежде всего предсѣдателемъ собранія были прочтены полученныя къ сему дню совѣтомъ Братства благопожеланія почетныхъ членовъ Братства: отъ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго—слѣдующаго содержанія: „Божіе благословеніе на продолженіе братской дѣятельности“. Отъ Преосвященнаго Петра Епископа Смоленскаго и Дорогобужскаго. „Отъ души призываю Божіе благословеніе на

полезную дѣятельность Бѣлопольскаго Богородичнаго Братства, предсѣдателя онаго и членовъ". Затѣмъ были прочитаны: отчетъ совѣта Братства за истекшій годъ, актъ ревизіоннаго комитета и подробный отчетъ казначея Братства по иконо-книжной торговлѣ.

III. О. Предсѣдатель Братства, протоіерей А. Грузовъ, въ краткомъ очеркѣ, на основаніи прочтенныхъ отчетовъ истекшаго года, очертилъ дѣятельность Братства, причины успѣшнаго его развитія и особенно отмѣтилъ долгодѣтельную, многоплодную и безмездную дѣятельность казначея Братства священника Іоанна Ведринскаго, какъ по завѣдыванію иконо-книжной торговли, такъ и по коммиссіонной продажѣ восковыхъ свѣчей церквамъ мѣстнаго округа, что одно даетъ Братству до 250 руб. въ годъ.

Общее собраніе постановило единогласно: выразить отъ лица собранія глубокую благодарность о. І. Ведринскому за отличную усердную и плодотворную дѣятельность въ теченіе девяти лѣтъ на пользу Братства.

IV. Членами ревизіоннаго комитета за выбытіемъ Г. Рѣшетникова избраны о. Ксенофонтъ Имарионовъ и надзиратель гор. Бѣлополя Г. Бѣляевъ.

V. По предложенію общаго собранія о. Іоаннъ Захарьевъ сдѣлалъ устный докладъ о настоящемъ состояніи штунды въ сл. Павловкахъ. По мнѣнію достопочтеннаго о. Іоанна, общее настроеніе сектантовъ примирительное, болѣе 60 душъ воссоединились за послѣднее время съ православною церковью. Храмы посѣщаются прихожанами усердно, чему много содѣйствуютъ церковныя хоры поддерживаемыя средствами Братства. Отношеніе сектантовъ къ мѣстному духовенству доброжелательное. Особенно событія послѣднихъ дней на Востокѣ видимо благопріятствуютъ сближенію сектантовъ съ православными. Есть между сектантами лица, поговаривающія объ общемъ всенародномъ моленіи о дарованіи всероссійскому воинству побѣды надъ супостатомъ.

VI. Настоящій журналъ общаго собранія Братства, вмѣстѣ съ прилагаемыми при немъ отчетами совѣта за истекшій годъ постановлено, согласно § 33 устава Братства, представить на благоустройство и утвержденіе Его Высокопреосвященства и по воспослѣдованіи такового напечатать въ Епархіальномъ листкѣ "Вѣра и Разумъ".

Истор. вѣстникъ-онъ земновѣстникъ 7-го

Отчетъ Бѣлопольскаго Братства Пресвятыя Богородицы за 1903 годъ.

Въ отчетномъ году Бѣлопольское Братство ревнителей вѣры и церкви православной понесло двѣ важныя утраты. За назначеніемъ на митрополичью кафедру въ городъ Кіевъ Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Братство лишилось въ лицѣ его не только высокаго покровителя, но и истиннаго ревнителя въ нуждахъ Братства. Остался онъ лишь въ званіи пожизненнаго почетнаго члена для Братства, обеспечивши за собой это званіе, согласно уставу Братства, сто—рублевымъ взносомъ.

Но велика милость Божія: за сею кратковременною скорбію послѣдовало и великое утѣшеніе, когда извѣстно стало, что преемникомъ благостнаго архипастыря, волею Божіею и изволеніемъ нашего великаго Государа Императора, назначенъ Высокопреосвященный архіепископъ Арсеній, извѣстнѣйшій всей Россіи Архипастырь, великій, неутомимый и опытнѣйшій защитникъ церкви православной отъ иновѣрцевъ, сектантовъ и раскольниковъ, по управленію епархіями Рижской и Казанской. Принявъ подъ свое высокое покровительство и просвѣщенное руководство наше скромное и юное Братство, благостнѣйшій Архипастырь послѣдилъ на расширеніе его дѣятельности внести сто рублей, какъ взносъ пожизненнаго почетнаго члена. Осенью же истекшаго года онъ не замедлилъ посѣтить сл. Павловки, какъ селеніе зараженное штундизмомъ, куда главнымъ образомъ и направляются средства Братства для поддержанія и укрѣпленія церкви православной.

Другою и, можно сказать, невознаградимою потерей для Братства въ отчетномъ году былъ переходъ на службу въ С.-Петербургъ нашего дорогаго почетнаго члена, епархіальнаго миссіонера Д. Ив. Боголюбова. Его ревностной службѣ на стражѣ православной церкви близки были интересы нашего Братства. Общія Собранія Братства онъ, неопустительно посѣщалъ и въ цѣляхъ Братства не разъ устраивалъ публичныя чтенія безплатныя и платныя. Члены Братства и мѣстное Бѣлопольское общество съ охотою посѣщали чтенія этого талантливаго лектора и пламеннаго защитника церкви и вѣры православной противъ сектантовъ. Братству нашему всегда будутъ памятны тѣ горячія благодарности, которыя посылались по адресу Братства и лектора отъ многочисленныхъ посѣтителей чтеній.

Въ отчетномъ году Бѣлопольское Братство, кромѣ высокаго покровителя, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, имѣло въ своемъ составѣ: а) почетныхъ членовъ 8, б) пожизненныхъ 4, дѣйствительныхъ 21, а всего 33 человекъ.

Совѣтъ Братства составляли слѣдующія лица: предсѣдатель, смотритель Сумскаго духовнаго училища, протоіерей А. Грузовъ; товарищъ предсѣдателя, священникъ Пророко-Ильинской церкви въ городѣ Бѣлоцолѣѣ, о. Максимъ Подлупкій; члены совѣта: священникъ Николаевской гор. Сумъ церкви о. Симеонъ Недѣлька, священникъ села Прорубл, Троицкой церкви, о. Іоаннъ Ведринскій и городской судья гор. Бѣлополя, ст. совѣти. Андрей Константиновичъ Петровскій. Послѣдній несъ на себѣ обязанности дѣлопроизводителя, а священникъ Іоаннъ Ведринскій — казначей, завѣдующаго Братской лавочкой и комиссіонера по продажѣ восковыхъ свѣчей Епархіальнаго завода для церквей 2 Сумскаго благотворительнаго округа.

Ревизионную комиссію составляли: священникъ Богородице-Рождественской гор. Сумъ церкви, отецъ Платонъ Сорчинскій, священникъ села Искрисковщины, о. Андрей Клементьевъ.

Января 12 го сего года членами ревизионнаго комитета произведена была ревизія приходо-расходныхъ книгъ Братства и относящихся къ нимъ документовъ, равно какъ и товара въ Братской иконо-книжной лавкѣ. Въ отчетномъ году Совѣтъ Братства имѣлъ—7 очередныхъ и одно общее, годичное собраніе. Предметами занятій въ этихъ засѣданіяхъ служили: заслушаніе періодическихъ отчетовъ казначея Братства о положеніи и движеніи суммъ Братства, обсужденіе и принятіе мѣръ къ увеличенію средствъ Братства и расширенію его дѣятельности, согласно цѣлямъ, указаннымъ въ § 2 устава Братства. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія слѣдующее: мѣсто журнала Совѣта, отъ 13 октября 1903 года, утвержденного Его Высокопреосвященствомъ 23-го октября.

Средства Братства, согласно уставу и распоряженію Епархіальной власти, состоятъ изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) иденскихъ взносов, 2) добровольныхъ сборовъ въ церквахъ Сумскаго округа въ храмовые праздники, 3) прибыли отъ продажи иконъ и книгъ въ Братской лавкѣ и 4) принятаго на себя Братствомъ съ ноября 1902 года, благодаря предложенію безмездныхъ трудовъ члена Совѣта, священника І. Ведринскаго, комиссіонерства

по продажѣ восковыхъ свѣчей Епархіального завода для церквей 2 го Сумскаго благочинническаго округа. Первые два основные источника, на которыхъ, при открытіи Братства, думали обосновать всю дѣятельность его, въ дѣйствіе равнодушія священнослужителей и ихъ благочинныхъ въ Сумскомъ уѣздѣ цѣлямъ и дѣятельности Братства, въ настоящее время крайне скудны. За 1902 годъ членскихъ взносовъ поступило 103 р. 10 к., за 1903 годъ ихъ поступило 87 р. 20 к. Сборовъ въ храмовые праздники отъ церквей Сумскаго уѣзда въ 1902 году поступило 64 руб. 29 коп. въ отчетномъ году 38 руб. 61 коп. Многія церкви со-всѣмъ таковыхъ не представили.

По сему случаю ходатайство Совѣта о побужденіи о о благочинныхъ Сумскаго уѣзда къ болѣе участливому отношенію къ Братству, каковое можетъ сказаться, какъ въ пріобрѣтеніи членовъ Братства, такъ въ особенности въ аккуратномъ отъ всѣхъ церквей уѣзда доставленіи кружечныхъ сборовъ въ храмовые праздники, было удовлетворено Его Высокопреосвященствомъ.

Не смотря на скудость средствъ основныхъ источниковъ, Совѣтъ Братства нашелъ возможнымъ пособіе на поддержаніе церковнаго ивнія въ сл. Павловкахъ увеличить до 300 р. въ годъ.

Оказано было пособіе несчастнымъ погорѣльцамъ хутора Янченкова, Бѣлопольской волости, въ количествѣ 25 руб.

Оскуднѣнію главныхъ источниковъ существованія Братства побудило Совѣтъ его всѣ усилія свои обратить на расширеніе и увеличеніе оборотовъ Братской лавочки, чѣмъ, между прочимъ, за отсутствіемъ другихъ средствъ, удовлетворялась бы одна изъ первыхъ цѣлей Братства—распространеніе въ народѣ священнаго писанія, разнообразныхъ книгъ, брошюръ и листовъ: духовно-нравственнаго содержанія и иконъ правильного и хорошаго письма. Подробный отчетъ казначея Братства по сему предмету самъ за себя говоритъ, какъ съ этой стороны хорошо и широко поставлено дѣло Братства. Обороты этой торговли до 1898 года достигали лишь до 300 руб., въ последнее пятилѣтіе они возрасли такъ: въ 1899 г.—700 руб., 1900 г.—1220 руб., въ 1901 году—1895 руб., въ 1902 году—2452 р. 46 к., въ 1903 году—2862 руб. 65 коп.

Не коммерческія цѣли преслѣдуетъ эта торговля, не чистая прибыль здѣсь дорогая цѣль: обстоятельство, что усиліями Братства пріобрѣли въ народѣ десятки тысячъ хорошихъ книгъ и тысячи иконъ правильного письма, украшаютъ передовые углы

сельскихъ и хуторскихъ хатъ. Въ ближайшемъ будущемъ Совѣтъ Братства рѣшилъ своими средствами содѣйствовать открытію библиотекъ при церковно-приходскихъ школахъ Сумскаго уѣзда, сначала бѣднѣйшихъ приходоу, потомъ и остальныхъ. Примѣрный каталогъ такихъ книгъ принялъ на себя составить членъ Совѣта, бывшій уѣздый наблюдатель священникъ С. Недѣлька. Средства Братства къ концу отчетнаго года слѣдующія: кредитными билетами—979 р. 23 к., наличными деньгами 285 р. 4 к., Иконо-книжнаго товара въ Братской лавкѣ на сумму 2363 руб. 31 коп.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1902—1903 учебный годъ.

(Окончаніе *).

4. Библіотека и физическій кабинетъ.

Библіотека раздѣляется на 1) фундаментальную, 2) ученическую и 3) музыкальную.

1. Въ фундаментальной библіотекѣ къ началу отчетнаго года числилось 4122 тома въ 1612 наименованіяхъ. Въ теченіе года приобрѣтено 139 томовъ, въ 78 наименованіяхъ, такъ что къ началу предстоящаго 1903—1904 года всѣхъ книгъ въ фундаментальной библіотекѣ было 4261 томъ, въ 1690 названіяхъ.

2. Въ ученической библіотекѣ состояло названій книгъ 1481, томовъ 2998, приобрѣтено въ теченіе года 258 томовъ въ 145 наименованіяхъ.

3. Въ музыкальной библіотекѣ къ концу отчетнаго года состояло 499 названій нотъ, въ 649 экземплярахъ; приобрѣтено въ теченіе года 18 названій нотъ, въ 85 экземплярахъ.

Изъ періодическихъ изданій Совѣтомъ училища выписывались слѣдующія:

Въ фундаментальную библіотеку: „Церковныя вѣдомости“ изд. при Св. Синодѣ, „Вѣра и Разумъ“, „Вѣра и Церковь“, „Народное Образованіе“, „Странникъ“, съ приложеніемъ „Общедоступной Богословской Библіотеки“ и новой серіи богословско-аполлеитическихъ трактатовъ, „Богословскій Вѣстникъ“, съ прилож. «Твореній св. Афанасія Великаго», изд. при Моск. Дух. Ак., «Труды Киевской Духовной Академіи», «Церковный Вѣст-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1904 г. № 12.

никъ» съ Христ. чтен. и съ «Твореніями Іоанна Златауста», издав. при Сиб. Дух. Академіи, «Русская Старина», «Русскій Вѣстникъ», «Историческій Вѣстникъ», «Нива», «Музыка и пѣніе», «Миссіонерское Обзорніе», «Педагогическій сборникъ», «Московскія Вѣдомости», «Харьковскія Губернскія Вѣдомости» и «Южный Край».

Въ ученическую бібліотеку: «Духъ Христіанства», «Душеполезное чтеніе», «Русскій Псаломникъ», «Церковно-приходская школа», «Дѣтскій отдыхъ», «Родникъ» (безъ педагогическаго отдѣла), «Дѣтское чтеніе», «Природа и Люди». Учебниками, учебными пособіями и учебными принадлежностями воспитанницы были снабжены въ достаточномъ количествѣ отъ училища, безъ взноса за это особой платы.

Книги изъ ученической бібліотеки выдавались воспитанницамъ ежедневно, причѣмъ каждому классу былъ назначенъ опредѣленный день для полученія и возвращенія книгъ. Въ выборѣ книгъ для чтенія воспитанницы руководствуются каталогами, заключающими въ собѣ списки книгъ изъ ученической бібліотеки, назначенныя для каждаго класса въ отдѣльности.

Въ теченіе отчетнаго года воспитанницами всѣхъ классовъ Училища было взято для чтенія 7729 книгъ, а именно воспитанницами 6 норм. кл. — 601 кн., 6 пар. — 658 кн., 5 норм. — 737 кн., 5 пар. — 701 кн., 4 норм. 887 кн., 4 пар. — 802 кн., 3 норм. — 1136 кн., 3 пар. — 1070 кн., 2 норм. — 209 кн., 2 пар. — 208 кн., 1 норм. — 149 кн., 1 пар. — 153 кн., пригот. нормал. — 125 кн. и пригот. парал. — 293 книги.

При бібліотекѣ имѣются: 1) Каталогъ хронологической и систематической, 2) матеріальная книга, 3) справочная книга и 4) правила о порядкѣ храненія и выдачи книгъ.

Въ физическомъ кабинетѣ имѣется до 120 названій существенно-необходимыхъ приборовъ, изъ которыхъ 23 пожертвовано, а 97 приобретено на училищныя средства въ разное время, предметовъ 256. Въ отчетномъ году приобретено 10 приборовъ. На приобретение матеріаловъ, необходимыхъ при производствѣ опытовъ, одному изъ преподавателей отпускается 25 руб. въ годъ.

Въ географическомъ кабинетѣ числится 44 предмета на сумму 700 р.; приобретены они на средства училища, 40 предметовъ пожертвовано.

На бібліотеку, учебники, учебныя пособія и учебныя принадлежности по сѣтѣ ассигновано 2402 руб.

Б. Средства училища

По дѣйствовавшей въ 1902 экономическомъ году сѣтъ училище на свое содержаніе должно было получить 100,633 р. 47 к.

Эта сумма слагалась изъ слѣдующихъ статей:

- а) Проценты съ неприкосновеннаго училищнаго капитала 3210 р. 25 к.
- б) Доходъ съ принадлежащей училищу части дома въ г. Харьковѣ 1662 руб.
- в) Изъ Епархіальныхъ средствъ 32,656 р. 62 коп.
- г) 1^о/о съ получасмаго духовенствомъ епархіи жалованья 1969 р. 50 к.
- д) Изъ прибыли Епархіальн. свѣч. завода 7071 р.
- е) Пожертвованія отъ монастырей, церквей и другихъ учрежденій лицъ 2420 руб. 46 коп.
- ж) Отъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ:
- аа) На содержаніе училищной образцовой церковно-приходской школы 500 руб.
- бб) На покрытие 5^о/о государственнаго налога съ капиталовъ училища 36 руб. 86 коп.
- з) Пенсіонерскій взносъ за сноекосныхъ воспитанницъ 49540 руб.
- и) Взносъ на первоначальное обузаведеніе со вновь поступившихъ воспитанницъ 1125 руб.
- і) Отъ училищной экономіи 441 р. 78 к.

Расходъ той же смѣтою опредѣленъ 108,473 р. 42 к.

Въ дѣйствительности въ 1902 экономическомъ году поступило на приходъ 104,454 р. 30 к.

Въ расходъ въ томъ-же году было 103,697 р. 95 к.

Примѣчаніе. Въ смѣту не вошли взносы за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметомъ, равно какъ и расходы по этой статьѣ, такъ какъ на основаніи примѣчанія къ 80 § «Уставъ Епарх. женск. училищъ», распоряженіе этой суммою не подвергается контролю Епархіальныхъ свѣздовъ.

Въ 1902 экономическомъ году по этой статьѣ поступило:

На приходъ 7672 р. 50 коп.

Въ расходъ было 6381 „ 77 „

6. Дополнительные свѣдѣнія.

Въ отчетномъ году училище пользовалось постояннымъ благосклоннымъ вниманіемъ и отеческою заботливостію своихъ Архипастырей, Высокопреосвященнаго Флавіана, бывшаго Архіепископа Харьковскаго, нынѣ Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, и Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Архипастыри всегда интересовались училищною жизнью; чрезъ начальствующихъ лицъ и непосредственно входили въ пужды заведенія; Совѣтъ училища многократно пользовался ихъ Архипастырскими совѣтами и наставленіями, исполненными отеческой заботливости и многоопытнаго знанія. Въ теченіе отчетнаго

года Высокопреосвященный Флавіанъ неоднократно посѣщалъ училище. 7-го октября Владыка посѣтилъ уроки преподавателей и осмотрѣлъ нѣкоторыя помѣщенія училища. 22-го октября, въ день чествованія В. А. Жуковск.го, Высокопреосвященный Флавіанъ почтилъ своимъ присутствіемъ литературно-вокально-музыкальный вечеръ, на которомъ лучшимъ воспитанникамъ были розданы имъ награды; 14-го ноября Владыка то же удостоилъ своимъ вниманіемъ литературный вечеръ воспитанницъ VI порм. класса. 16-го ноября Высокопреосвященный Флавіанъ прибылъ въ училище вмѣстѣ съ супругой пачальника губерніи, Ея Сіятельствомъ княгиней Оболенской. Почетные гости осмотрѣли училище и классы, слушали преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, за тѣмъ направились въ залъ, гдѣ собранныя воспитанницы пропѣли нѣсколько духовныхъ и свѣтскихъ пѣснопѣлій. 4-го декабря, въ день храмоваго училищнаго праздника, Высокопреосвященный Флавіанъ служилъ всенощную и литургію, въ сослуженіи о. проректора и членовъ училищнаго Совѣта. Въ этотъ день впервые была устроена выставка изящныхъ руководѣній воспитанницъ училища, которую посѣтилъ Владыка Флавіанъ, попечительница училища Д. Д. Оболенская и другія почетныя лица. 29-го декабря воспитанницы старшихъ классовъ, оставшіяся на праздники Рождества Христова въ училищѣ, слушали литургію въ Озеранской церкви Покровскаго монастыря, которую совершилъ Высокопреосвященный Флавіанъ. Послѣ обѣда Владыка милостиво принялъ воспитанницъ въ своихъ покояхъ и благословилъ каждую образомъ и евангеліемъ съ собственноручною подписью. 3 января Высокопреосвященный присутствовалъ на елкѣ въ училищѣ, устроенной для воспитанницъ, на которую подарилъ 50. руб. и собственноручно раздавалъ подарки дѣтямъ. 1-го февраля Его Высокопреосвященство снова посѣтилъ училище, обошелъ все классы, слушалъ отвѣты воспитанницъ, во время обѣда былъ въ столовой и милостиво разговаривалъ съ сопровождавшими его лицами и воспитанницами училища. 9 февраля, въ присутствіи Высокопреосвященнаго Флавіана, Преосвященнаго Стефана, городского духовенства и многочисленной публики состоялось открытіе Братства при училищѣ во имя Св. Великомученицы Варвары, имѣющее своею цѣлью оказывать матеріальную (помощь и нуждающимся) ученицамъ. Высокопреосвященный Флавіанъ милостиво согласился быть почетнымъ членомъ Братства. Послѣ чего я предсѣдателемъ Совѣта прот. Т. Буткевичемъ, устава Братства и избраніи членовъ Братства состоялся вокально-музыкальный вечеръ, исполненный воспитанницами старшихъ классовъ. 19 февраля Высокопреосвященный Флавіанъ послѣдній разъ служилъ въ училищной церкви литургію пржедсвощенныхъ Даровъ предъ своимъ отъѣздомъ въ г. Кіевъ. Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ глубоко-тронувшее всехъ прощальное слово.

21 марта училище съ радостнымъ чувствомъ встрѣтило у себя новаго своего покровителя Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Высокопреосвященнѣйшій Арсеній пожелалъ начать свое общеніе съ училищемъ молитвой. Въ этотъ день Владыка совершилъ въ училищной церкви въ сослужевіи о. председателя и членовъ Совѣта литургію Пржедосвященныъ Даровъ, въ концѣ которой обратился къ воспитанницамъ съ глубоко назидательнымъ словомъ о значеніи величественнаго богослуженія вообще и литургіи Пржедосвященной въ особенности. Послѣ литургіи Высокопреосвященному Арсенію представились всѣ служащіе въ училищѣ.

19 апрѣля Высокопреосвященный Арсеній прибылъ въ училище, чтобы подробнѣе ознакомиться съ нимъ. Владыка осматрѣлъ все училище, обошелъ классы, самъ испытывалъ учащихся въ преподаваемыхъ предметахъ, предлагая воспитанницамъ вопросы, каждой по мѣрѣ ея развитія; изъ училища Его Высокопреосвященство посѣтилъ церковно-приходскую школу, гдѣ осматривалъ школьно-учебный кабинетъ, состоящій при ней и слушалъ пѣніе учащихся. 3 и 5 мая Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній изволялъ производить экзаменъ по Закону Божию воспитанницамъ двухъ шестыхъ классовъ.

8 іюня, въ день выпуска воспитанницъ, окончившихъ курсъ, божественную литургію въ училищномъ храмѣ совершилъ Преосвященный Стефанъ, Епископъ Сумскій, въ сослужевіи о. ректора семинаріи, о. председателя и членовъ Совѣта, а благодарственный молебенъ послѣ литургіи совершилъ Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній въ сослужевіи Преосвященнаго Стефана и указанныхъ лицъ. За литургіей было сказано инспекторомъ классовъ выпускнымъ воспитанницамъ слово. Послѣ литургіи въ залѣ состоялся актъ, на которомъ былъ прочитанъ краткій отчетъ о состояніи училища и Его Высокопреосвященство благоволялъ раздать выпускнымъ воспитанницамъ аттестаты и наградныя книги при чемъ каждая воспитанница въ присутственное благословеніе получила св. евангеліе съ собственноручною подписью Владыки, молитвенникъ и образокъ спасителя или Божьей Матери. Воспитанницы, оказавшія успѣхи въ музыкѣ, иконописаніи и рисованіи были награждены попечительницей Д. Д. Оболенской натами, скрипками, ящиками съ красками и рабочими ящиками. Послѣ акта Его Высокопреосвященство обратился къ окончившимъ курсъ ученицъ съ отеческою рѣчью, въ которой высказалъ имъ свои благопожеланія и совѣтовалъ по выйдѣ изъ школы относиться къ своему дѣлу съ такою же добросовѣстностью и любовью, какія онѣ видѣли въ училищѣ по отношенію къ себѣ, и въ частности на поприщѣ учительства совѣтовалъ заводить въ школахъ хоры и обучать

дѣтей церковному пѣнію, такъ какъ это одно изъ средствъ привлечь дѣтей къ образованности. Столь высокое вниманіе со стороны Его Высокопреосвященства глубоко тронуло воспитанницъ, и онѣ отъ всего сердца пропѣли Ему „многая лѣта“. На актѣ и въ церкви присутствовали почетные гости: г. начальникъ губерніи Гербель, попечитель учебнаго округа Алексѣенко, предсѣдатель окружнаго суда Непарочкинъ, почет. попечительница Д. Д. Оболенская, редакторъ „Южнаго края“ А. А. Лезафовичъ, нѣкоторыя почетныя лица изъ духовенства, родители и родственники воспитанницъ. Торжество закончилось обѣдомъ въ залѣ Училища, на которомъ, по установившемуся обычаю, кромѣ почетныхъ гостей, преподавателей и выпускныхъ воспитанницъ, присутствовали родители и родственники ихъ.

Преосвященный Стофалъ, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской епархіи, также неоднократно посѣщалъ Училище и участвовалъ въ его торжествахъ. Такъ, 9 февраля онъ присутствовалъ на открытіи Братства въ Училищѣ, 6 марта посѣтилъ уроки въ нѣкоторыхъ классахъ и церковно-приходскую школу; 30 мая присутствовалъ на экзамоу по дидактикѣ въ 6 паралл. классѣ; 8-го іюля, въ день выпуска воспитанницъ, совершилъ литургію и присутствовалъ на актѣ.

б) 1-го іюня воспитанницы 6 классовъ совершили обычную поѣздку въ Спасовъ Скитъ, мѣсто крушенія Императорскаго поѣзда, гдѣ пѣли въ храмѣ обѣдно и осматривали достопримѣчательности и мѣсто крушенія. Съ 10 по 18 іюля, съ разрѣшенія Св. Синода и соизволенія Его Высокопреосвященства, воспитанницы 6-хъ классовъ, въ числѣ 38 во главѣ съ начальницей и тремя воспитательницами и въ сопровожденіи члена Совѣта свящ. П. Тимофеева совершили поѣздку въ Кіевъ и Черниговъ для поклоненія мѣстнымъ святынямъ. Благодаря милостивому отношенію Высокопреосвященнаго Флавіана, Митрополита Кіевского, въ 1 Кіевскомъ Женскомъ Училищѣ Духовнаго вѣдомства воспитанницы пользовались даровымъ помѣщеніемъ и полнымъ содержаніемъ. Съ 11 по 16 іюня воспитанницы поклонились воимъ Кіевскимъ Святынямъ, отслужили молебенъ Св. Воликомученицѣ Варварѣ покровительницѣ Училища, въ Михайловскомъ монастырѣ, проѣхавъ ея мощами, ходили въ пещеры и осмотрѣли достопримѣчательности г. Кіева. Въ Лаврѣ воспитанницы сподобились причаститься св. Таинъ. У Высокопреосвященнаго Флавіана и Преосвященнаго Платона, Ректора Академіи, воспитанницы пользовались любезнымъ приѣмомъ и пили, чай. 17 іюня были въ Черниговѣ, гдѣ служили молебенъ у мощей Св. Θεодосія, а въ Троицкомъ монастырѣ пѣли панихиду на могилѣ Архіепископа Филарета, основателя Харьковскаго Училища дѣвицъ Духовнаго званія, нынѣ Епархіальнаго Училища.

в) Ревизія со стороны членовъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ Училище въ отчетномъ году не подвергалось.

Братство во имя Великомученицы Варвары при Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ.

При училищѣ существуетъ благотворительное учрежденіе: „Братство во имя Великомученицы Варвары“. Открытое 9 го февраля 1903 года, Братство имѣетъ цѣлю: а) оказывать всѣмъ, безъ различія званія и успѣховъ дѣтей, нуждающимся утопницамъ помощь платою или доплатою за содержаніе ихъ, помощь—при отправленіи ихъ на родину во время каникулъ, а также предоставляетъ бѣднымъ, но способнымъ ученицамъ, изучать необязательные предметы Училищнаго курса: французскій языкъ, музыку, иконописаніе и рисованіе; б) выдачу немущимъ бѣлымъ, платья и обуви при поѣздкѣ домой на каникулы, а также бѣднѣйшимъ изъ окончившимъ курсъ спроть выдачу дополнительной одежды независимо отъ вещей, выдаваемыхъ каждой сиротѣ при окончаніи курса. Состоитъ подъ покровительствомъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Братство состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ обоюга пола, всѣхъ званій и состояній—пожизненныхъ, сдѣлавшихъ въ пользу Братства одновременныя пожертвованія не менѣе 50 р., дѣйствительныхъ, вносящихъ въ пользу Братства не менѣе 3 руб. и соревнователей, которые содѣйствуютъ Братству въ его задачѣ позначительными денежными пожертвованіями менѣе 3 руб. Значительное пожертвованіе въ отчетномъ году поступило отъ Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, бывшаго Архіепископа Харьковскаго (200 руб.), и отъ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго (100 4⁰/₁₀₀ ренты) и отъ священника слободы Булавиновки, протоіеря Іакова Ивасова—100 руб. Къ 1-му сентября 1903 г. капиталъ Братства равнялся 3067 р. 84 к., въ томъ числѣ было взносовъ отъ 20 пожизненныхъ членовъ по 50 руб., и отъ 668 дѣйствительныхъ членовъ и соревнователей—остальные 2067 руб. 84 коп. Благотворительная дѣятельность Братства выразилась въ уплатѣ 95 руб. за содержаніе 4-хъ воспитанницъ и 115 руб. на выдачу 4 воспитанницамъ, окончившимъ курсъ, дополнительной одежды и 3 воспитанницамъ оказана помощь при отправленіи ихъ на родину.

Пожертвованія въ пользу Училища.

Пожертвованія на разныя училищныя нужды въ отчетномъ году поступили слѣдующія:

а) Отъ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго двѣ 4⁰/₁₀₀ государственныхъ ренты за № 2559 и 4772, сер.

О Т Ч Е Т Ъ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1903 годъ (девятый годъ со времени открытія кассы).

Къ 1 января 1903 г. въ остаткѣ отъ 1902 г. сумма эмеритальной кассы состояло . . . 822197 р. 64 в.

Сумма сія заключалась:

1) Въ билетѣ 1-го внутрен. съ выигрыш. займа въ	100	„ — „
2) Въ билетѣ 2-го внутрен. съ выигрыш. займа въ	100	„ — „
3) Въ билетѣ дворянск. земельн. съ выигрыш. займа въ	100	„ — „
4) Въ 20-ти свидѣтельствахъ 40/0 государственной ренты, по 25000 р. каждое, на	500000	„ — „
5) Въ 18-ти свидѣт. той же ренты, по 5000 р. каждое, на	90000	„ — „
6) Въ 59-ти свидѣт. той же ренты, по 1000 р. каждое, на	59000	„ — „
7) Въ 20-ти свидѣт. той же ренты, по 500 р. каждое, на	10000	„ — „
8) Въ 4-хъ свидѣт. той же ренты, по 200 р. каждое, на	800	„ — „
9) Въ 11-ти свидѣт. той же ренты, по 100 р. каждое, на	1100	„ — „
10) Въ долговыхъ квитанціяхъ правленія Харьковского Епархіальнаго свѣчнаго завода	160000	„ — „
11) Наличными деньгами	997	„ 64 „
Итого		822197 р. 64 в.

Въ теченіе 1903 года поступило:

I. Наличными деньгами:

- а) Членскихъ взносовъ отъ участниковъ кассы обязательныхъ и добровольныхъ 31362 р. — в.
(Въ томъ числѣ: взносовъ за 1903 г. 29994 руб., недоимокъ за прежніе годы 432 р. и взносовъ за будущіе годы 936 руб.)
- б) Взносовъ отъ церкви епархіи по § 15 уст. кас. 8651 „ — „
- в) Взносовъ отъ Харьковского Епархіальнаго свѣчнаго завода по § 16 уст. кас. 20000 „ — „
(Въ томъ числѣ: за 2 полов. 1902 г. 10000 р. и за 1-ю полов. 1903 г. 10000 р.)
- г) Процентовъ на капиталъ кассы 34085 „ 26 „
(Въ томъ числѣ засчитано 165 р. 70 в., уплаченыхъ кассою при покупкѣ процентныхъ бумагъ за проценты по текущимъ купонамъ, см. 1-ст. расхода литор. ж.).

д) Штрафныхъ за несвоевремѣн. представл. взносовъ	118 р. 66 к.
е) Взносовъ на управленіе кассою	2258 „ 49 „
ж) Случайныхъ поступаеній	56 „ — „
(Въ томъ числѣ: смерт. пенсія вд. священ. Ольги Святогоровой 21 р., возвращен. благочин. за неисп. свѣдѣній о ея мѣстожительствѣ, смерт. пенсія вд. священ. Маріи Ястремской 21 р. и смерт. пенсія зашт. псал. Матвѣя Дикарева 14 р., невыдан. имъ за ихъ смертію).	
Итого	96531 р. 41 к.

II. Билетами.

а) Приобрѣтено процент. бумагъ за наличныя деньги	75700 р. — к.
б) Получено въ Харьковскомъ отдѣленіи Азовско-Донскаго коммерческаго банка и въ Харьковскомъ городскомъ купеческомъ банкѣ въ общій за мелкія проценты бум.	160000 „ — „
в) Получены отъ правленія Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода процентныя бумаги, взятыя въ 1902 г. изъ кассы заимообразно	40000 „ — „
Итого	275700 р. — к.

III. Долговыми квитанціями правленія Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода въ 1903 г. на приходъ суммъ не поступало.

Всего наличными деньгами и билетами въ 1903 г. поступило на приходъ 372231 р. 41 к.

А съ остаточными отъ прошлаго 1902 г. въ 1903 г. на приходъ значится.

Наличными деньгами	97529 „ 5 „
Билетами	936900 „ — „
Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода	160000 „ — „
А всего	1194429 р. 5 к.

Въ теченіе 1903 года израсходовано:

1. Наличными деньгами.

а) На выдачу смертальной пенсіи	17069 р. 85 к.
(Въ этой суммѣ значится 56 р., возвращен. благочинными обратно въ кассу см. I ст. прихода литер. ж).	

б) На выдачу процентовъ съ капитала, собраннаго отъ духовенства епархіи въ пользу семействъ умершихъ священно и церковно-служителей	2552 р. 75 к.
в) На выдачу жалованья членамъ правленія и другимъ служащимъ въ кассѣ	1746 „ — „
г) На канцелярскія принадлежности, почтовые и другіе мелкіе расходы по кассѣ	95 „ 97 „
д) На застраховку выигрышныхъ билетовъ отъ тиражей погашенія	25 „ 75 „
е) На возвратъ взносовъ	138 „ 50 „
ж) На покупку процентныхъ бумагъ	75199 „ 48 „
(Въ томъ числѣ улочено за проценты по текущимъ купонамъ 165 р. 70 к.),	
Итого	96828 р. 30 к.

II. Билетами.

Обмѣнены мелкія процентныя бумаги на болѣе крупныя	160000 р. — к.
Итого	160000 р. — к.

III. Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода.

Правленіемъ свѣчнаго завода погашено долга возвращеніемъ процентныхъ бумагъ, взятыхъ заимообразно, съ разрѣшенія Его Высокопресвященства, взъ кассы въ 1902 г.

	40000 р. — к.
Итого	40000 р. — к.

Всего наличными деньгами, билетами и долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода въ 1903 г. израсходовано 296828 р. 30 к.

Къ 1-му января 1904 г. состоитъ въ остаткѣ.

Наличными деньгами	700 „ 75 „
Билетами	776900 „ — „
Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода	120000 „ — „
А всего	897600 р. 75 к.

Въ истекшемъ 1903 году выдана эмеритальная пенсія слѣдующимъ лицамъ.

(Нижеслѣдующія цифры показываютъ не размѣръ ежегодной пенсіи, а дѣйствительное полученіе означенными лицами эмерит. пенсіи въ отчетномъ го-

ду; большинство получило годовичную пенсію, въкоторыя лица получили за полгода и менѣе, а нѣкоторыя,—запоздавшія подачею прошеній о назначеніи пенсіи,—за полтора года, за два и болѣе).

По Ахтырскому уѣзду.

1) Зашт. свящ. г. Ахтырки Ѳедору Доброславскому	84	р.	—	к.
2) Вд. прот. г. Ахтырки Параскевѣ Клементьевой	84	„	—	„
3) Вд. свящ. с. Боромли Маріи Губской	84	„	—	„
4) Вд. свящ. с. Полянаго Маревъ Мартыновичъ	84	„	—	„
5) Вд. свящ. с. Лутищъ Ольгѣ Дюковой	19	„	85	„
6) Сиротамъ священ. с. Журавнаго Матвѣевымъ	42	„	—	„
7) Зашт. діак. г. Ахтырки Василю Бѣлицкому	28	„	—	„
8) Зашт. діак. с. Котельвы Александру Балаиовскому	56	„	—	„
9) Бывш. діак. с. Бранцовки Петру Виноградскому	28	„	—	„
10) Вд. діак. с. Бакировка Анисіи Вербницкой	28	„	—	„
11) Вд. діак. с. Боромли Татьянѣ Левитской	28	„	—	„
12) Вд. діак. г. Ахтырки Маріи Сукачевой	56	„	—	„
13) Зашт. псал. с. Иваповки Іоанну Подлущкому	21	„	45	„
14) Зашт. псал. с. Никитовки Петру Сѣдинову	14	„	—	„
15) Зашт. псал. с. Котельвы Петру Виноградскому	8	„	30	„
16) Зашт. псал. с. Тростяица Петру Караванову	9	„	55	„
17) Бывш. псал. с. Мезяновки Артемію Рогольскому	14	„	—	„
18) Вд. псал. с. Славгородка Анисіи Вербницкой	28	„	—	„
19) Вд. псал. с. Бранцовки Евеніи Лѣпской	14	„	—	„
20) Вд. псал. с. Печинъ Евдокіи Ѳедоровой	14	„	—	„
21) Вд. псал. с. Ряснаго Олимпіадѣ Фіалковской	14	„	—	„
22) Вд. псал. с. Турья Маріи Стресской	14	„	—	„
23) Вд. псал. с. Бриичнаго Елисаветѣ Исидоровой	14	„	—	„
24) Вд. псал. с. Деревокъ Елопѣ Певпрягиной	14	„	—	„
25) Сиротамъ псал. с. Солдатскаго Фальченковымъ	14	„	—	„
Итого				815 р. 15 к.

По Богородуковскому уѣзду.

26) Зашт. свящ. г. Краснокутска Маркіану Станиславскому	105	р.	95	к.
27) Зашт. свящ. с. Яблочнаго Андрею Стеллецкому	42	„	—	„
28) Вд. прот. г. Краснокутска Ксеніи Малишевской	42	„	—	„
29) Вд. прот. с. Большой-Писаревки Анастасіи Ястремской	42	„	—	„
30) Вд. свящ. с. Дозоваго Викандѣ Рудинской	42	„	—	„
31) Вд. свящ. с. Городнаго Анастасіи Ѳедоровой	42	„	—	„
32) Вд. свящ. с. Колоптаева Анци Краивцкой	42	„	—	„
33) Вд. свящ. с. Губаровки Маріи Рудинской	42	„	—	„

34) Вд. свящ. с. Сѣннаго Надеждѣ Стаховичъ	42 р.	— к.
35) Вд. свящ. с. Кушьевахи Вѣрѣ Новомірской	84 „	— „
36) Вд. свящ. с. Поличковки Екатерины Геневской	84 „	— „
37) Вд. свящ. с. Колоптаева Маріи Ермолаевой	49 „	— „
38) Вд. свящ. с. Большой-Писаревки Екатерины Леонтовичъ	73 „	95 „
39) Вд. свящ. с. Колоптаева Анны Пономаревой	20 „	30 „
40) Сыну свящ. с. Малыжицкой Иоанну Давидову	42 „	— „
41) Зашт. діак. с. Капачковки Иоанну Селитриницкову	56 „	— „
42) Зашт. діак. с. Колоптаева Петру Семенову	28 „	— „
43) Вд. діак. с. Хруцовой-Никитовки Матронѣ Индутной	56 „	— „
44) Вд. діак. г. Богодухова Анны Артиховской	42 „	— „
45) Вд. псал. с. Пархомовки Іульіани Ильиной	28 „	— „
46) Вд. псал. с. Колоптаева Агриппѣ Дмитренкова	14 „	— „
47) Вд. псал. с. Большой-Писаревки Евдокии Торанской	28 „	— „
48) Вд. псал. с. Малой-Писаревки Варварѣ Семеновой	14 „	— „
49) Вд. псал. с. Мурафы Пелагии Козловской	10 „	95 „
50) Дочери псал. с. Колоптаева Александрѣ Базилевичъ	14 „	— „
51) Бывш. псал. с. Поличковки Грегорию Лебедеву	14 „	— „
Итого		1100 р. 15 к.

По Валковскому уѣзду.

52) Зашт. свящ. с. Сидоренковой Петру Будяискому	17 р.	25 к.
53) Вд. прот. г. Валокъ Анны Голяховской	42 „	— „
54) Вд. свящ. г. Валокъ Варварѣ Павловской	84 „	— „
55) Вд. свящ. с. Старого-Мерчика Маріи Мухиной	84 „	— „
56) Вд. свящ. с. Огульцовъ Александрѣ Острогорской	84 „	— „
57) Вд. свящ. с. Огульцовъ Маріи Ольховской	84 „	— „
58) Вд. свящ. с. Комышеватаго Татьянѣ Могиланской	84 „	— „
59) Вд. свящ. с. Снѣжкова-Кута Ольгѣ Святогородовой	21 „	— „
60) Вд. свящ. с. Новой-Водолаги Анны Вербвицкой	17 „	95 „
61) Зашт. діак. с. Коломака Дорофѣю Сукачеву	48 „	30 „
62) Вд. діак. с. Снѣжкова-Кута Маріи Даниловой	56 „	— „
63) Зашт. псал. с. Люботина Андрею Ванустянскому	83 „	60 „
64) Зашт. псал. г. Валокъ Антоію Павловскому	14 „	— „
65) Зашт. псал. с. Высокополья Михаилу Безуглову	14 „	— „
66) Зашт. псал. с. Снѣжкова-Кута Василю Невпрягину	28 „	— „
67) Вд. псал. с. Караванска Параскевѣ Дюковой	14 „	— „
68) Вд. псал. г. Валокъ Мелани Соколовской	14 „	— „
69) Вд. псал. с. Алексѣевки Елои Грабовской	28 „	— „
Итого		818 р. 10 к.

(Продолженіе слѣдуетъ).

II.

Содержаніе. О средствахъ для постройки причтовыхъ домовъ. Священника *Іоанна Горина*. — Воспоминаніе о священникѣ о. *Дамитріѣ Корняльскѣ*. Священника *Василія Бесѣды*. Епархіальная хроника. Архіерейскія богослуженія. — На рожденіе Наслѣдника. — Описаніе поѣздки Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго в Ахтырскаго, для обозрѣнія церквей и учебныхъ заведеній Изюмскаго уѣзда (окончаніе) — Каллауновская чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Иноепархіальный отдѣлъ. Красный крестъ. — Разныя извѣстія и замѣтки. Раненый и умершій священникъ. — Русскіе гимназисты у насъ.

О средствахъ для постройки причтовыхъ домовъ

Судя по появившимся въ № 6 журнала „Вѣра и Разумъ“, въ отдѣлѣ „извѣстій по Харьковской епархіи“, замѣткамъ, касающимся постройки церковныхъ домовъ для причта, можно сказать, что вопросъ объ этомъ предметѣ въ сильной степени интересуетъ епархіальное духовенство. Еще до поступленія на приходъ, всякій ищущій священно-служительской должности, не преминаетъ узнать—есть ли въ томъ, или другомъ приходѣ церковный домъ и какого онъ качества? Въ тѣ приходы, гдѣ нѣтъ церковныхъ домовъ, члены причта поступаютъ не охотно—и не удивительно: вѣдь удобное жилище для семейнаго чловѣка является весьма важнымъ условіемъ спокойной жизни; всякому пріятно, явившись въ новый приходъ, войти со своимъ семействомъ и домашнимъ скарбомъ въ приготовленный домъ. Наоборотъ—отсутствіе въ приходѣ церковныхъ домовъ для причта—цѣлое бѣдствіе. Нѣтъ надобности указывать на всѣ тѣ неудобства и лишенія, перевосимыя духовенствомъ въ приходахъ неимѣющихъ церковныхъ домовъ; эти лишенія извѣстны многимъ изъ насъ какъ по личному опыту, такъ и по наблюденіямъ.

Важнѣе вопросъ такой: какъ же помочь общему горю? откуда и какимъ образомъ можно духовенству взять средства для постройки церковныхъ домовъ?

На поставленный вопросъ я и намѣренъ въ настоящей замѣткѣ высказать свое сильное мнѣніе.

Забота о постройкѣ причтовыхъ домовъ и о приведеніи ихъ въ надлежащій видъ всецѣло должна лежать на приходскомъ священникѣ и на церковномъ старостѣ. Малодушіе и робость обнаруживаютъ тѣ священники, которые, поступивъ въ при-

ходъ, неимѣющій причтовыхъ домовъ, разсуждаютъ такъ: „поживу годъ, два въ наемной квартирѣ, а тамъ—куда нибудь перейду въ такой приходъ, гдѣ есть готовый домъ“. Слѣдовательно, такой священникъ не взялъ на себя заботы объ отысканіи средствъ и о самой постройкѣ церковнаго дома. Допустимъ, что онъ уйдетъ, поступитъ другой и сдѣлаетъ, по примѣру своего предшественника, тоже, очевидно, что церковнаго дома никогда и не будетъ. Кто нуждается въ домѣ, тому прежде всего должна принадлежать и инициатива въ постройкѣ его, тотъ долженъ начать дѣло и по силѣ возможности довести его до конца. Для кого же ошутительнѣе потребность въ церковномъ домѣ, какъ не для самого священника?

Но откуда же взять средства для постройки церковныхъ домовъ? Трудно и почти невозможно выработать и указать какой либо опредѣленный для всѣхъ приходоѡ источникъ средствъ для устройства причтовыхъ домовъ. Въ большинствѣ приходоѡ причтовые дома строились на средства церкви; въ иныхъ—на средства сельскаго общества; въ другомъ—на совмѣстныя средства церкви и общества; въ нѣкоторыхъ приходоѡхъ есть дома причтовые, подаренныя благотворителями, и, наконецъ, есть дома, построенныя церковно-приходскими попечительствами,—послѣднихъ менѣе всего. Но какъ бы дома причтовые ни приобрѣтались, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ приобрѣтеніи ихъ имѣлъ и имѣетъ большое значеніе приходскій священникъ. Ему ближе всѣхъ видно, откуда можно позаимствовать въ приходѣ средства для устройства дома. Успѣхъ дѣла этого много зависитъ отъ личнаго желанія, усердія и энергія приходскаго священника. Наблюдается обыкновенно такая картина постройки причтовыхъ домовъ. Поступаетъ, на примѣръ, священникъ на такой приходъ, въ которомъ нѣтъ церковнаго дома—и вотъ у него является желаніе выстроить домъ. Заботы его на первое время направлены къ тому, чтобы собрать въ церкви хотя немного средствъ: черезъ два—три года въ приходѣ средняго качества можетъ собраться рублей 700—800; съ Божіей помощью онъ приступаетъ къ постройкѣ дома. Иногда являются ему на помощь прихожане и даютъ субсидіи изъ мірскихъ суммъ; въ иныхъ обществахъ есть строевой лѣсъ—отпускаютъ и лѣсной матеріалъ

и, наконецъ, нныя общества даютъ священнику деньги заимобразно. Нельзя ужъ слишкомъ пессимистически представлять отношеніе прихожанъ къ матеріальнымъ затрудненіямъ церкви и причта. Правда, бываетъ, что въ нѣкоторыхъ селахъ прихожане хладнокровно относятся къ затрудненіямъ священника, но это встрѣчается рѣдко и большею частью такое отношеніе замѣчается въ приходяхъ, зараженныхъ сектантствомъ; во многихъ же приходяхъ прихожане считаютъ для себя нравственною обязанностью дать приличное помѣщеніе своему батюшкѣ. Если священникъ прихожанамъ нравится, то они не допустятъ, чтобы ихъ батюшка жилъ въ „хатѣ“ мужика. Склонность священника обзавестись церковнымъ хозяйствомъ прихожане встрѣчаютъ дружелюбно и хозяйственные его способности справедливо цѣнятъ. Такъ у насъ по большей части строились и будутъ строиться и ремонтироваться церковные дома, церковныя школы и все вообще церковное хозяйство. При энергіи и желаніи священникъ и въ бѣдномъ приходѣ можетъ сдѣлать многое полезное и для себя лично и для своихъ преемниковъ. Для иллюстраціи нашей мысли укажемъ на дѣятельность приходскаго священника по садоводству. Слѣды дѣятельности такихъ трудолюбивыхъ священниковъ остаются въ приходѣ надолго: ими строятся причтовые дома, церковныя школы, приобретаются усадьбы, разводятся сады; они склоняютъ благотворителей къ пожертвованіямъ и т. д. Въ селѣ „Я“ С—каго уѣзда священникъ, давно умершій отецъ Ѳ—въ для постройки церковнаго дома, развелъ на церковной усадьбѣ прекраснѣйшій садъ, затративши на это предпріятіе значительную сумму своихъ личныхъ средствъ; въ этомъ саду, кромѣ большихъ цѣнныхъ деревьевъ, стоящихъ порядочныя деньги, есть множество лучшихъ дорогихъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ, ягодныхъ кустовъ; здѣсь же устроенъ рыбный садокъ; колодець, прачешная и огородъ. Самъ хозяинъ—трудолюбець мало пользовался этимъ, оставивъ все это своему преемнику. Но все это образцовое хозяйство содалось однимъ лишь усердіемъ и энергіей священника, и пріятно каждому священнику получить такое благоустроенное хозяйство. Въ селѣ Б. Х—го у. умершій протоіерей Х—въ также, для устройства церковнаго дома, развелъ

прекрасный фруктовый садъ своими трудами. Конечно, если такое хозяйство достанется такому же энергичному человѣку во временное пользованіе, то можетъ еще улучшиться, и наоборотъ.—нехозяйственнымъ отношеніемъ и небрежнымъ отношеніемъ возможно и благоустроенное хозяйство довести до упадка. И нерѣдко приходится видѣть, что въ бѣдныхъ приходахъ есть причтовые дома со всѣми хозяйственными постройками, садами и огородами,—все это конечно создано энергіей священниковъ, и наоборотъ—иногда и въ большихъ селахъ отсутствуютъ причтовые дома; виноваты въ этомъ, думаю я, предшественники—іереи. Правда, трудно приходится добывать средства для устройства домовъ—но все-же возможно. И если бы всѣ тѣ священники, которымъ придется поступить на приходы, не имѣющіе причтовыхъ домовъ, возымѣли твердое рѣшеніе устроить таковыя съ теченіемъ времени, а не „лѣлѣвали мысли о бѣгствѣ“, то въ недалекомъ будущемъ квартирное дѣло значительно подвинулось бы впередъ...

Священникъ Іоаннъ Гораинъ.

С. Безлюдонка, Харьк. у.

Воспоминаніе о священникѣ о. Дмитріѣ Корнильевѣ.

8-го іюля н. г. исполнилась годовщина со дня смерти священника хутора Заводянки Старобѣльскаго уѣзда о. Дмитрія Корнильева. Какъ его пріемникъ по приходу, благодарный ему за его пастырскую дѣятельность въ моемъ приходѣ, я почитаю своей нравственной обязанностію помянуть почившаго добрымъ словомъ и выразить ему благодарность за его пастырскіе труды.

О почившемъ уже писали и отчасти то самое, что хочу сказать и я. И однако, хочется сказать о немъ и свое скромное слово. О добрыхъ, хорошихъ людяхъ хочется всегда говорить, возможно чаще вспоминать ихъ, и въ ихъ жизни искать утѣшенія и ободренія... Я не зналъ почившаго лично при его жизни, но хорошо знаю его теперь, ибо, можно сказать, ежедневно встрѣчаюсь въ приходѣ моемъ съ отпечатлѣніемъ и отраженіемъ его заботливой и разумной пастырской дѣятель-

ности. Слѣды этой дѣятельности я вижу въ приходѣ повсюду и, конечно, никто болѣе меня не можетъ оцѣнить ихъ и быть благодарнымъ ему за нихъ. Въ жизни сельскаго пастыря есть много фактовъ, которые не отличаются какимъ либо особеннымъ блескомъ, даже очень скромныхъ по суду иныхъ людей; тѣмъ не менѣе имѣющихъ очень важное значеніе для пастыря и для его сельскихъ прихожанъ. Эти факты однако-же требуютъ отъ пастыря полнаго напряженія энергіи, тяжкихъ трудовъ и усилій. Такою въ общихъ чертахъ и была пастырская дѣятельность о. Димитрія Корнильева въ его приходѣ, занимаемомъ теперь мною.

О. Димитрій несомнѣнно былъ замѣчательнымъ сельскимъ пастыремъ. Съ первыхъ же дней моей жизни въ приходѣ, въ которомъ жилъ и работалъ почившій, я всюду встрѣчалъ печать его неослабной энергіи, серіозности и любви къ пастырскому дѣлу. Я пріѣхалъ на мѣсто служенія ночью и потому до утренняго разсвѣта не могъ имѣть никакого представленія о мѣстѣ, въ которомъ работать судилъ мнѣ Господь, не могъ видѣть, что было сдѣлано моимъ предшественникомъ, и что нужно было сдѣлать мнѣ, что было пачато имъ и оставлено было мнѣ для окончанія.

Но первый лучъ пастушьяго утра уже много сказалъ мнѣ о дѣятельности покойнаго пастыря. Изъ окна моего дома видно было церковно-приходскую школу, крытую желѣзомъ, при ней сарай и участокъ земли для школьнаго сада съ посаженными на немъ деревьями. Школа имѣла видъ привѣтливый, веселый и наводила на мысль, что внутри она также хороша, какъ и извпѣ. Я зналъ, что приходъ мой открытъ всего 9 лѣтъ назадъ и о. Димитрій былъ въ немъ первымъ священникомъ. Потому строителемъ школы надобно было считать только его и никого другого.

Въ приходскомъ храмѣ я былъ на другой день послѣ моего пріѣзда. Средняя часть храма была неприглядна и убога, и безотчетная грусть по поводу этого убожества уже готова была закрасться въ мою душу. Но вотъ я открылъ боковую дверь иконостаса, ведущую въ алтарь, и былъ пріятно пораженъ: предъ моими глазами было прекрасно устроенное горнее мѣсто,

блиставшее золотомъ. Посрединѣ на иконѣ былъ изображенъ величественно воссѣдавшій на тронѣ Спаситель, а по бокамъ на другихъ иконахъ, противъ оконъ, Преображеніе и Воскресеніе Христа. Лучи утренняго солнца, ударявшіе въ окна, проникали плотно, и иконы блистали свѣтомъ, напоминавшимъ свѣтъ и славу сихъ священныхъ событій.

Послѣ я узналъ, что это горнее мѣсто также устроилъ почишій. Для этой цѣли онъ выхлопоталъ просительную книгу и на собранныя деньги, воздвигъ горнее мѣсто, стоившее 1200 р. слишкомъ. Легко сказать, что по сельской просительной книгѣ было собрано 1200 руб., но какихъ хлопотъ, соображеній и даже огорченій это стоило заботливому пастырю?! Я слышалъ, что избираемые имъ просители доставляли ему много глубокихъ огорченій. Просители, посылавшіеся съ книгой по обыкновенію, много утаивали; между тѣмъ другіе старики („дѣды“), рассчитывавшіе сами понасть въ просители, съ бранью высказывали претензіи на то, что не они, а другіе избраны для хожденія съ книгой. При этомъ надо вспомнить, что почишій былъ боленъ злымъ педугомъ—чахоткой, чтобы представить себѣ всю силу и горечь тѣхъ неприятностей, которыя ему приходилось переносить.

И тѣмъ не менѣе даже въ послѣдніе мѣсяцы своей недолгой жизни онъ былъ полонъ надеждами на благоукрашеніе храма святыми пастырскими мечтами. Взвирая на пынѣшній убогій иконостасъ, онъ духовнымъ взоромъ уже созерцалъ на его мѣстѣ великолѣпный мраморный иконостасъ.

— „Моя мечта, говорилъ онъ, устроить мраморный иконостасъ въ моей церкви“.

— „Едва ли вамъ это удастся“, разочаровывали его: „вѣдь это стоитъ очень дорого“.

— „И все таки я устрою“, настаивалъ онъ.

И можно быть увѣреннымъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ, если бы Господу угодно было продлить его многополезную жизнь, на мѣстѣ пынѣшняго убогаго иконостаса красовался бы прекраснѣйшій мраморный иконостасъ.

Но особенно много трудовъ и усилій онъ употребилъ на устройство зданія школы тамъ, гдѣ раньше не могли и меч-

тать объ этомъ; ибо мой приходъ—тѣ же хутора съ одной—двумя убогими лавчепками. А нынѣ подѣ сѣбною св. храма, надѣ „проваломъ“ въ которомъ завалился нашъ хуторъ, высится благоустроенная бѣлая школа, распространяющая нѣкоторый свѣтъ просвѣщенія въ этихъ бѣдныхъ, темныхъ лавчугахъ, гдѣ какъ показываетъ церковная лѣтопись, царствовала непроглядная тьма. И какихъ только трудовъ и огорченій на первыхъ порахъ не приносила эта школа почившему! Мнѣ рассказывали, сколько трудовъ, сколько настойчивыхъ усилій онъ употребилъ только на то, чтобы выпросить у двухъ нашихъ сельскихъ обществъ мѣсто подѣ школу. Сколько волненій и опасеній, сколько досады и горькихъ минутъ пережилъ онъ при этомъ! Долго казалось, что задуманное имъ предприятие, дорогое сердцу почившаго, должно было рушиться въ самомъ его началѣ. Не удивительно было прійти отъ этого въ отчаянiе...

А вмѣсто этого я вижу благоустроенную школу, въ которую ивъ года въ годъ толпою ходятъ радостные ребятишки. И мнѣ кажется, что дѣти любятъ ее, эту школу, она имъ близка, у ней они ищутъ наставленія и просвѣщенія.

Школа обставлена удовлетворительно. Ея стѣны украшены, помимо картинъ библейскаго содержанія, а также портретовъ ихъ Императорскихъ Величествъ и двухъ архіепископовъ, тремя цѣнными картами, изображающими полушарія, Европейскую Россію и Палестину. Есть два лакированныхъ шкафа (для учебниковъ и библіотеки), черная классная доска, большіе счеты; парты дубовыя, стоящія каждая по 12 рублей. Въ школьной библіотекѣ я вишелъ много полезныхъ книгъ, которыя пригодны не только для народа, но даже и для проповѣднической дѣятельности пастыря. Кромѣ этого, въ ней оказались хорошія сельскохозяйственныя книги, принадлежавшія лично покойному пастырю.

Замѣчательно также его заботливое отношеніе къ школьному преподаванію, оно отличалось чисто практическимъ характеромъ, т. е. основывалось на собственномъ его примѣрѣ. Мнѣ рассказывали, что, руководя учительницу, онъ нѣсколько дней занимался съ учениками по ариѳметикѣ. И за этотъ короткий срокъ онъ достигъ замѣчательныхъ результатовъ, о которыхъ

ученики его съ благодарностью вспоминаютъ и теперь, уроки его оказались очень полезными при сельскомъ размежеваніи земли.

Замѣчательна также его заботливость объ украшеніи мѣстоположенія школы и храма.

Вокругъ школы почившій по опредѣленному плану насадилъ деревья. Много деревьевъ насажено имъ также внутри церковной ограды. Мнѣ думается, что только крѣпкая любовь къ школѣ и святому храму могла положить такъ много труда на посадку деревьевъ. И право, становится очень жаль, что нынѣ здѣсь не лежитъ прахъ того, который всѣ дни своей недужливой жизни въ приходѣ положилъ на украшеніе этого уголка. Грустно, что нѣтъ здѣсь креста надъ прахомъ достойнаго трудолюбца. Этотъ крестъ вызывалъ бы у его духовныхъ чадъ своимъ видомъ много святыхъ благодарныхъ чувствъ и, можетъ быть, не одну молитву вызвалъ бы на уста благодарныхъ прихожанъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что съ теченіемъ времени память о немъ угаснетъ, и забудутъ о его существованіи. Ничего, или почти ничего, не скажетъ о немъ и лѣтопись, оставленная имъ, такъ какъ она представляетъ только исторію возникновенія прихода и съ большой скромностью говоритъ даже о выдающихся фактахъ его дѣятельности, и потому можетъ служить только хронологическимъ перечнемъ этой дѣятельности. Но есть одна сторона въ этой дѣятельности, которая можетъ быть названа „пастырскимъ, умнымъ дѣланіемъ“, какъ у подвижниковъ монашеской жизни есть своего рода „умное дѣланіе“. Приведемъ одинъ примѣръ изъ Лѣтописи о. Дмитрія Корнильева.

„Не малыхъ трудовъ стоило мнѣ, говорить онъ, внушить уваженіе къ сану священника тѣмъ богачамъ, кои щедро награждали своихъ прежнихъ священниковъ, но зато требовали, чтобы тѣ участвовали въ ихъ попойкахъ, и позволяли себѣ фамиллярно обращаться съ приходскими священниками, подчасъ даже издѣваться надъ ними, какъ напр.: окачивали ихъ, какъ бывало въ старину, водою изъ ведра, запирали ихъ въ амбарахъ, заходили въ ихъ дома пьяными компаніями и пр. Должное уваженіе достигалось мною во 1-хъ отказомъ отъ тѣхъ благъ, коими богатые прихожане одаряли прежнихъ членовъ причта; во 2-хъ уничтоженіемъ *линовки* и въ 3-хъ было

объявлено, чтобы каждый прихожанинъ лично встрѣчалъ священника, когда онъ идетъ съ молитвой; въ противномъ случаѣ, не встрѣчавшіе будутъ оставлены безъ молитвы. Расчетъ мой былъ правильный; бѣдность была всегда аккуратна при встрѣчахъ; богатые же, думая, что священникъ прельстится лишнимъ мѣшкомъ пшеницы и пойдетъ къ нимъ, хотя они и не встрѣтятъ его, бывали часто наказываемы оставленіемъ безъ молитвы и подвергались насмѣшкамъ со стороны своихъ односельчанъ; и такимъ образомъ укорепялось мнѣніе, что не подачками, а уваженіемъ можно достигнуть благоволенія священника“ (Глава 2).

Но довольно! жизнь сельскаго пастыря, конечно, не есть жизнь городскаго или столичнаго пастыря. Она не можетъ простираеть своимъ вліяніемъ на широкіе круги соціальной жизни. Но и сельское пастырствованіе, для своего идеальнаго осуществленія, требуетъ усиленныхъ трудовъ, полной энергіи и высокаго подъема пастырскаго духа. И какъ достойны уваженія тѣ сельскіе пастыри, которые въ теченіе своей жизни, подобно о. Корпязеву, стояли на высотѣ своего призванія. Они были на стражѣ у основной клѣточки народной жизни.

И думается: почему нѣтъ постановленія, чтобы при каждой церкви были синодики, въ которые вписывались бы имена почившихъ приходскихъ пастырей, и въ память ихъ ежегодно служилась бы одна ваупокойная литургія! Это желаніе, мнѣ кажется, общее всѣмъ пастырямъ, и оно имѣетъ глубокое жизненное значеніе. Я знаю священника, старика, который серьезно озабоченъ вопросомъ, какъ бы ему устроить, чтобы его всегда поминали при томъ храмѣ, при которомъ онъ служитъ. И это желаніе—быть поминаемымъ въ молитвахъ—одинаково сильно у всѣхъ священниковъ, какъ находящихся въ Россіи, такъ и выброшенныхъ изъ нея въ далекіе края. „Если я лягу на бранномъ полѣ“, пишетъ священникъ съ далекихъ береговъ рѣки Ляохе: не оставьте меня въ своихъ молитвахъ“. Ту же просьбу къ оставшимся въ живыхъ своимъ преемникамъ готовъ высказать и каждый приходскій священникъ. Въ молитвенномъ поминовеніи прихожанъ—его лучшая награда!

Священникъ хутора Заводянки Василій Бесѣда.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія богослуженія.

Вечеромъ 30 іюли телеграфъ принесть краткое вѣстіе, что Господь обрадовалъ Государя Императора, а съ Нимъ и всю Россію, рожденіемъ Порфиророднаго Наслѣдника Престола, нареченнаго Алексѣемъ. Харьковцы встрѣтили эту счастливую вѣсть съ великою радостью, на которую откликнется необъятная Земля Русская отъ края до края. И тѣмъ живѣе эта всеобщая радость, что Господь исполнилъ ее въ годину тяжкаго испытанія въ ознаменованіе щедротъ Своихъ къ нашему обожаемому Монарху и съ Нимъ ко всей Землѣ Русской. Рожденіе порфиророднаго Наслѣдника престола есть знакъ къ намъ Господней милости, явленіе особаго Промышленія Божія о народѣ русскомъ, великое событіе, съ которымъ связаны надежды, упованія и будущія судьбы Россіи. Радость Харьковскихъ гражданъ выразилась въ народномъ ликовавіи и молитвенной благодарности Богу.—31-го іюля, по случаю благополучнаго разрѣшенія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны отъ бремени Сыномъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нареченнымъ Алексѣемъ, въ Харьковскомъ Кафедральномъ соборѣ въ 9^{1/2} ч. утра была совершена Божественная литургія и по окончаніи ея, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Предъ началомъ молебствія въ храмѣ была прочтена телеграмма министра Императорскаго двора, генер.-адъют. барона Фредерикса о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени Ея Величества Сыномъ. На Богослуженіи присутствовали: г. Харьковскій губернаторъ Э. А. Ватацц, чины гражданскаго и военнаго вѣдомства, представители общественныхъ и сословныхъ учрежденій и масса молящихся. Городъ днемъ былъ разукрашенъ флагами и вечеромъ иллюминаціею. Въ воскресенье, 1-го августа, во всѣхъ церквахъ города Харькова прочитанъ былъ Высочайшій Манифестъ и совершенно благодарственное Господу Богу молебствіе о дарованіи Государю Императору Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича.

— 1-го же августа, въ день празднованія Происхожденія чест-

ныхъ древъ животворящаго Креста Господня, Высокопреосвященный Арсеній, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, совершалъ литургію, въ сослуженіи городского духовенства, въ Благовѣщенской церкви. Храмъ былъ переполненъ молящимися, въ числѣ которыхъ находился губернаторъ Э. А. Ватацъ. Во время богослуженія народу былъ прочтанъ Владыкою Высочайшій манифестъ о рожденіи Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича. Послѣ богослуженія состоялся, для освященія воды на р. Лопани, крестный ходъ, въ которомъ принялъ участіе Высокопреосвященный Арсеній. Крестный ходъ сопровождала огромная толпа народа; массы народа стояли на Лопанскомъ и Купеческомъ мостахъ в по берегу рѣки. Въ тотъ же день послѣ богослуженія въ приходскихъ церквахъ было совершено освященіе воды.

— 6-го августа, въ 9 час. утра, въ Преображенской церкви, по случаю храмового праздника, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ совершено торжественное богослуженіе.

— Въ воскресенье, 8 августа, Высокопреосвященный Арсеній архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, совершилъ божественную литургію въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ, а Преосвященный Алексій, епископъ Оумскій, совершилъ освященіе временнаго храма во имя преподобнаго Серафима Саровскаго чудотворца въ предмѣстьи гор. Харькова на Лысой горѣ. Послѣ освященія въ новоосвященномъ храмѣ совершена архіерейскимъ же служеніемъ литургія.

— 11-го августа въ 9¹/₂ часовъ утра, въ Кафедральномъ соборѣ совершена Божественная литургія, а затѣмъ Архіерейскимъ служеніемъ благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю Св. Крещенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича. Городъ украшенъ былъ флагами, въ церквахъ происходилъ торжественный перезвонъ.

На рожденіе Наслѣдника.

Въ тяжелую годину для Россіи
 Богъ утѣшеніе сынамъ ея послалъ,
 И радостная вѣсть живитъ сердца родныя:
 Вчера Царю Богъ сына даровалъ.

Да будетъ Онъ младенецъ нашъ державный
 Преемникомъ вѣчнаго Отца!
 Храни Его Господь для жизни славной,
 Для царственной порфѣры и вѣнца.

Несутся къ небесамъ моленія свята
Изъ сердца русскаго, какъ чистый ѳвміамъ...
Храня Его Господь на славу всей Россіи.
На страхъ ея озлобленнымъ врагамъ!

Иннокентій Безсоновъ.

Харьковъ, 31 іюля 1904 г.

Описаніе поѣздки Высокопреосвященнаго Арсенія, Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго, для обозрѣнія церквей и учебныхъ заведеній Изюмскаго уѣзда.

(Окончаніе *).

Въ 9 часовъ утра 15-го мая Высокопреосвященнѣйшій Владыка снова прибылъ въ г. Изюмъ и осматривалъ часовню, устроенную въ память священнаго коронованія на мѣстѣ прежняго храма Вознесенія, въ которомъ при Епископѣ Вѣлгородскомъ Іоасафѣ Горленко и явился чудотворный образъ Божіей Матери (Казанской).

Изъ часовни Владыка прошелъ въ рядомъ стоящую Крестовоздвиженскую церковно-приходскую школу. Владыку встрѣтила: завѣдующій школою свящ. Жадаповскій, законоучитель свящ. Энеиловъ, учитель - діаконъ Навродскій, учительница Бойкова и попечитель И. А. Болтуновъ. Попечитель школы поднесъ Владыкѣ хлѣбъ-соль. Здѣсь-же была депутація отъ ученицъ школы. Дѣвочки поднесли Владыкѣ своей работы полотенецъ вышитое мережкой (прошвой) и диванную подушку, вышитую въ крестикъ, причемъ одна изъ ученицъ привѣтствовала Владыку слѣдующими словами: „Ваше Высокопреосвященство! Вы осчастливила нашу школу своимъ посѣщеніемъ, осчастливьте же и насъ ученицъ принятіемъ нашихъ работъ“. Въ школѣ Владыка осматривалъ письменныя работы ученицъ и работы по рукодѣлію, разспрашивалъ, когда и на какія средства устроена школа.

Изъ школы Владыка прослѣдовалъ въ Крестовоздвиженскую церковь. Здѣсь его ожидалъ во множествѣ собравшійся народъ, а отъ воротъ церковной ограды и до входа въ храмъ по обѣ стороны стояла учащіяся въ городскихъ церковно-приходскихъ школахъ съ букетами ландышей. Когда Владыка слѣдовалъ во храмъ, то дѣти устилали ему путь ландышами. Послѣ обычной встрѣчи, Владыку привѣтствовалъ настоятель, свящ. Жадаповскій рѣчью.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1904 г № 14.

„Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыка,

Милостивый Архипастырь и Отецъ!

Въ жизни человека бываютъ иногда такіи счастливыя минуты, такіе знаменательные дни, которые нельзя не записать на скрижалихъ сердца своего; они остаются памятными навсегда. Такии знаменательными днемъ, поистинѣ, является для насъ день Вашего посѣщенія города Изюма, когда мы уже имѣли и имѣемъ возможность раздѣлить съ Вами вмѣстѣ молитву, услышать отъ Васъ слово назиданія и утѣшенія и получить Ваше святительское благословеніе. Съ радостію мы встрѣчали Васъ вчера въ Соборномъ храмѣ, съ великою радостію собрались мы нынѣ встрѣтить Васъ въ семъ приходскомъ храмѣ, какъ своего Отца, дарованнаго намъ самимъ Богомъ. Но съ радостію встрѣчая Васъ, мы не безъ трепета и смущенія предстоимъ предъ Вами, сознавая, что мы не чужды недостатковъ. Отъ своего лица, причта и вѣренной мнѣ паствы прошу Васъ, Ваше Высокопреосвященство, вразумите, наставьте, научите насъ, если найдете насъ убогими духовно, если замѣтите въ насъ какіе-либо недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ, обнимите насъ теплою любовію отца, чтобъ мы, согрѣваемые этою любовію, подъ Вашимъ мудрымъ руководствомъ твердо и неуклонно шли тѣмъ путемъ, который начертанъ въ Святомъ Евангеліи. Прошу Васъ, Ваше Высокопреосвященство, помолитесь у престола Всевышняго о насъ недостойныхъ пастыряхъ и о нашей паствѣ, чтобы не оскудѣвала въ насъ Святая вѣра, которокъ слава Богу, крѣпка еще Изюмская паства, какъ чуждая всякихъ лжеученій и всегда послушная голосу своей матери св. Православной и Католической Церкви. Мы-же, всею душою и сердцемъ предаваясь Вамъ въ полное сыновнее послушаніе, всегда будемъ молить Господа Бога, чтобы Онъ укрѣплялъ силы Ваши и продвигалъ дни жизни Вашей на многіе и многіе годы на пользу Св. Церкви, отечества и вѣренной Вамъ Харьковской епархіи“.

Выслушавъ это правѣтствіе и сказавъ „спасибо“, Владыка, послѣ актеніи и многолѣтія Государю Императору и Царствующему Дому, самъ произнесъ многолѣтіе причту, церковному старостѣ, попечителю школы, благоукрасителямъ и прихожанамъ храма. Затѣмъ Владыка осматривалъ храмъ, утварь, ризницу и документы, а хоръ пѣвчихъ, по приказанію Владыки, пѣлъ вромсы: „Спасителю Богу“. Въ это время учащіеся въ церковно-приходскихъ шко-

лахъ заняли мѣста у солея, и Владыка началъ испытывать ихъ по Закону Божию. Выказавъ одобреніе за твердое и осмысленное знаніе дѣтми свѣдѣній по Закону Божию, Владыка нѣкоторымъ дѣтямъ лично раздалъ крестикъ, а для остальныхъ передалъ о.о. законоучителямъ. Послѣ этого Владыка позвалъ къ себѣ регента хора Гпренко (онъ же и учитель пѣнія въ Крестовоздвиженской церк. прих. школѣ) и приказалъ дать тонъ для пѣнія всѣми присутствующими молитвы за царя, каковая молитва и была исполнена съ большимъ воодушевленіемъ. Выказавъ сожалѣніе, что, по краткости времени, онъ не можетъ долше бесѣдовать съ дѣтми и народомъ, Владыка при пѣніи „исъ-полла этъ, деспота и „многал лѣта“ изъ храма направился пѣшкомъ черезъ уллицу въ зданіе городского трехкласснаго училища. При входѣ въ училище Владыка встрѣченъ былъ попечителемъ училища Жевержеевымъ, инспекторомъ училища В. И. Мироновымъ, учителями и законоучителемъ о. А. Жадаповскимъ со всѣми учениками училища при пѣніи „достоинъ есть“. Здѣсь Владыка спрашивалъ учениковъ старшаго класса: о. Константинъ Великомъ, св. княгиня Еленъ и объ обрѣтеніи ею честнаго животворящаго креста, съ обозначеніемъ времени, когда совершилось это событіе, о вселенскихъ соборахъ вообще и въ частности—о 1-мъ соборѣ подробно. Учениковъ младшихъ классовъ спрашивалъ молитвы вечернюю и утреннюю, объ Авраамѣ и другихъ патріархахъ и о притчахъ. Вручивъ законоучителю крестикъ для раздачи ученикамъ, Владыка, при пѣніи „исъ-полла этъ, деспота“ отбылъ изъ училища въ женскую гимназію.

Въ женской гимназіи Владыку встрѣтили начальница В. В. Рославлева, предсѣдатель педагогическаго совѣта И. В. Поповъ, предсѣдатель попечительнаго совѣта А. Е. Демонтьевъ, законоучители о. В. Григоровичъ и о. М. Энеидовъ, преподаватели, преподавательницы и хоръ пѣвчихъ. При пѣніи входнаго «достоинъ есть» Владыка прослѣдовалъ въ актовъ залъ, куда собраны были всѣ ученицы гимназіи. Здѣсь законоучитель о. М. Энеидовъ представилъ Владыку слѣдующими словами:

„Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Любовь къ „малымъ свмъ“ подвинула Васъ посѣтить и это учебное заведеніе. Сердечно радуемъ этому посѣщенію. Школа есть первая пособница церкви въ проведеніи въ жвзнь людей великихъ—святыхъ истявъ, возвѣщенныхъ Спасителемъ; между церковью и школою должна быть связь. Настоящимъ своимъ, Вла-

дыка, посѣщеніемъ Вы наглядно подтверждаете, что эта связь существуетъ, растетъ и крѣпнетъ. Сугубо радуемся Вашему посѣщенію, ибо намъ извѣстно, что Вы, Владыко, во всѣхъ видныхъ мѣстахъ отечества нашего, гдѣ Вашему Высокопреосвященству приходилось служить церкви Божіей, всегда оказывали свое просвѣщенное вниманіе и свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ; намъ извѣстно, что Вы — великій поборникъ женскаго образованія. Встрѣчая Васъ, Владыко, какъ Епископа церкви Христовой, мы въ то же время взираемъ на Васъ, какъ на умудреннаго званіемъ и богатаго опытомъ святителя-педагога. Просимъ Васъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, не оставить насъ своимъ мудрымъ руководствомъ. Посѣщеніе Ваше сего учебнаго заведенія совпадаетъ съ концомъ учебнаго года, когда и мы учащіе и учащіяся чувствуемъ нѣкоторый упадокъ силъ. Отъ лѣва всѣхъ учащихся и учащихъ усердно прошу Ваше Высокопреосвященство преподать свое святительское благословеніе, да по Вашимъ святительскимъ молитвамъ Небесный Учитель испошлетъ намъ свою „божественную благодать, всегда немощная врачующи и оскудѣвающая восполняюща“ и да подастъ намъ силу и крѣпость къ продолженію ученія, да возраститъ сіи дѣти Ему, Создателю, во славу, родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу“. Сказавъ «спасебо», Владыка преподавалъ свое благословеніе, при чемъ всѣ ученицы пропѣли „исъ-полла эти, деспота“. Затѣмъ Владыка освѣдомился, были-ли экзамены по Закону Божію въ 6 и 7 классахъ и что проходитъ по программѣ въ 7 классѣ, на что получилъ отвѣтъ, что экзаменовъ еще не было и что въ 7 классѣ повторяется весь курсъ 6 классовъ. При этомъ законоучитель о. Энеидовъ доложилъ, что при 2-хъ педѣльныхъ урокахъ въ 7 классѣ весьма трудно пройти положенную программу. На это Владыка далъ совѣтъ при повтореніи обращать особенное вниманіе на болѣе важные вопросы изъ программы. Послѣ этого Владыка приступилъ къ испытанію ученицъ 6 и 7 классовъ по Закону Божію. Ученицы отвѣчали о Константнѣ Великомѣ, о Владимірѣ и о крещеніи Руси, о 2, 3, 4 и 7 вселенскихъ соборахъ, о ереси Македонія, Несторіанской, Монофизитовъ и иконоборческой; о крещеніи; миропомазанія и елеосвященія; объ особенностяхъ службы въ день Пятидесятницы и содержаніи молитвъ Василія Великаго, читаемыхъ на вечерни въ день св. Духа, о канонѣ и ярмосахъ. Высказавъ одобреніе ученицамъ за прекрасные отвѣты, Владыка учащимъ и учащимся всѣмъ по одиночѣ преподавалъ свое благо-

словеніе и раздалъ св. иконки. Послѣ этого Владыка предложилъ пропѣть всѣмъ ученицамъ «Спаси, Господи, люди Твоя», что и было исполнено съ большимъ одушевленіемъ. При пѣніи «многая лѣта» Владыка отбылъ въ городской домъ, гдѣ городской голова съ гласными думы поднесъ ему хлѣбъ соль. Тутъ же были собраны ученики приходского городского училища, которыхъ Владыка испытывалъ по Закону Божию.

Изъ Городского дома Владыка направился къ задаснымъ нижнимъ чинамъ, которые въ количествѣ 2000 человекъ ожидали Его Высокопреосвященство на площади у Городского дома.

Обратясь къ нимъ, Владыка привѣтствовалъ ихъ слѣдующею напутственною рѣчью.

«Дорогіе и любезныя вдовы! Вы собрались въ сей богоспасаемый градъ, дабы слѣдовать отсюда на Дальній Востокъ для защиты вѣры, царя и отечества отъ коварнаго и вѣроломнаго врага нашего—японцевъ. Вѣра, царь и отечество—какія это славныя и великія имена и сколь дороги они каждому истинно-русскому человеку! Одного изъ сихъ именъ достаточно для того, чтобы идти вамъ на подвигъ, не падать жизни, умереть въ борьбѣ съ врагомъ, не наносящимъ его священную силу. Между тѣмъ нашъ неожиданный врагъ стремится вытравить всѣ основы нашего могущественнаго государства. Не нужна ему вѣра христіанская—онъ язычникъ, не нужны ему интересы нашего отечества—онъ безстыдно посягаетъ на ихъ неприкосновенность, не дорого для него и священное имя Царя—протворца—онъ первый сдѣлалъ вызовъ на борьбу.

И вотъ повсюду поднимаются мужественныя русскія воинны, вездѣ по всему обширному отечеству собираются сильныя рати, напутствуются благожеланіями нашего возлюбленнаго Монарха, благословляемыя Церковію и народомъ.

Въ настоящій разъ не могу не подѣлиться съ вами тѣми невысказанными чувствами, какія переживалъ я лично съ народомъ во время Высочайшаго посѣщенія г. Харькова Государемъ Императоромъ, прибывшимъ напутствовать нашихъ сражниковъ на борьбу со врагомъ; а также на прошлой недѣлѣ, когда я благословлялъ войска, уходящія на Дальній Востокъ. Свыше 12-ти доблестныхъ войскъ собралось на обширной площади, дабы вмѣстѣ съ народомъ помолиться въ родномъ городѣ о дарованіи побѣды. И мы молились вмѣстѣ съ ними, лично съ многочисленными толпами народа, вмѣстѣ съ братьями, сестрами

и семьями самихъ воиновъ. О какая это была молитва! Глубокая, горячая, искренняя... Мы видѣли слезы, мы слышали воздыханія, мы видѣли напутственныя благословенія провожавшихъ. А какъ молились сами воины! какъ преклоняли колѣна и востово крестились, какова была ихъ вѣра и надежда!

Такая молитва несомнѣнно будетъ услышана Богомъ, такая молитва преклоняетъ небеса и даруетъ побѣду надъ врагомъ.

Трогательная и удивительная была картина, когда мы благословляли уходившій войска виковъ. Съ какимъ восторгомъ, радостію и умиленіемъ взирали воины на этотъ священшій лѣкъ и съ какою вѣрою всѣ вдругъ преклоняли предъ нимъ колѣна свои. Всѣ какъ одинъ, отъ перваго до послѣдняго, слились въ единомъ чувствѣ и единой надеждѣ на Бога, Покровителя и Спасителя своего.

Не менѣе трогательно было видѣть, какъ затѣмъ командиры благословляли иконами свои полки. Великая святыня—полковая икона: это хранитель и молитвенникъ воиновъ, это ихъ надежда и воступленіе. Сія святыня сопровождаетъ полки въ мирное и военное время, предъ нею совершаютъ воины свою молитву въ дни радостей и въ годовну скорбей, предъ нею же и во дни брани со врагомъ они молятся о дарованіи побѣды. Это ихъ сила и одолѣніе, покровъ и ободреніе. Не мало въ ряду сихъ иконъ и такихъ, которыя обладаютъ силою чудотворенія; не мало и такихъ, кои вызывали героевъ на великіе подвиги и спасали воиновъ силою молитвы.

Пусть же послужитъ и мое сіе благословеніе къ укрѣпленію духовной связи вашей съ церковію, православною и народомъ христіанскимъ; пусть иконы, вамъ даемыя мною въ напутствіе, будутъ утѣшеніемъ для васъ въ вашихъ тяжелыхъ походахъ и борьбѣ съ врагомъ. Вѣдайте, что церковь непрестанно молится о всѣхъ васъ, а тѣмъ, коимъ суждено умереть за вѣру Царя и отечество, тотовитъ вѣнцы нетлѣнные въ царствіи небесномъ. А семьи ваши? О нихъ не безпокойтесь. Богъ и люди не забудутъ великихъ заслугъ вашихъ предъ отечествомъ и поддержать ихъ духовно и тѣлесно. За то сколько радости и счастья внесете вы въ семью, деревню и общество, куда вернетесь побѣдителями! Всѣ они будутъ гордиться и изъ рода въ родъ передавать имена героевъ, сражавшихся за отечество. А народъ нашъ? Смотрите вокругъ, съ какою, сердечною любовію и горячею молитвою—провождаетъ онъ васъ.

А что скажу вамъ, любезные воины, о томъ историческомъ моментѣ, когда Самъ Вождь земли русской прибылъ изъ сѣверной столицы для того, чтобы провожать на подвиги войны нашихъ дорогихъ собратьевъ?! Самъ лично явился любвеобильнѣйшій Монархъ среди воиновъ, и самъ благословилъ ихъ иконою. Какое великое и славное дѣяніе! Въ этомъ благословеніи Царемъ народа своего кроется тайна могущества и силы великаго государства нашего, здѣсь залогъ его славы и величія. Если благословеніе отчье утверждаетъ дома чадъ, то благословеніе Отца отчества нашего укрѣпляетъ и утверждаетъ неодолимую Россію на борьбу съ ея врагомъ. Великія минуты! И безчисленное множество народа созерцало, какъ Царь нашъ, кроткій и любвеобильный, добрый и смиренный, а вмѣстѣ величавый и могущественный, любить воиновъ, какъ дорожить ими и сердечно напутствуетъ своими благожеланіями.

Несомнѣнно, что всѣ благожеланія и напутственныя благословенія, выраженные нашимъ возлюбленнымъ Монархомъ вашимъ соратникамъ въ Харьковѣ, относятся и къ вамъ, дорогіе воины. Отнынѣ и вы члены единой воинской семьи, и вы наравнѣ съ другими одинаково дороги всѣмъ — и Царю нашему, и народу русскому, и Церкви православной. Да пребудетъ же съ вами благословеніе Божіе, и да даруетъ Господь Богъ побѣду вамъ надъ врагомъ нашимъ“!

Послѣ этого Архипастырь преподавалъ каждому въ отдѣльности благословеніе, предложивъ для лобзанія архіерейскую папагію. Напутственныя же иконы и кресты были переданы для раздачи командиру полка.

Затѣмъ Высокопреосвященный Владыка посѣтилъ Реальное училище. При входѣ въ училище, Владыка былъ встрѣченъ законоучителями о. А. Жадаиовскимъ и о. М. Эневдонымъ со св. крестомъ и водою, директоромъ училища П. М. Рудневымъ, инспекторомъ К. А. Лѣскевичемъ, всѣми преподавателями и хоромъ пѣвчихъ при пѣніи „Достойно есть“. Въ училищномъ храмѣ, куда прослѣдовалъ Владыка собрались ученики. Послѣ обычной встрѣчи и многолѣтня Царствующему Дому, Владыка провозгласилъ многолѣтіе начальствующимъ, учащимъ и учащимся, и затѣмъ обратился къ предстоящимъ съ слѣдующимъ наставительнымъ словомъ о воспитаніи ума, сердца и воли.

„Весьма благодаренъ начальству этого заведенія, что оно дало мнѣ возможность посѣтить васъ, дорогіе юноши, и бесѣдовать съ

вами. Но о чемъ стану говорить съ вами, какъ не о вашемъ образованіи, его пользѣ и благотворномъ значеніи. Никто не сомнѣвается въ томъ, что образованіе наше имѣетъ великую цѣнность и намъ излишне было бы распространяться о его воспитательномъ значеніи. Къ сожалѣнію, многіе педагоги усвоили ложный взглядъ, что надлежащее образованіе достигается путемъ развитія ума и обогащенія его познаніями. Правда, приобрѣтеніе знаній имѣетъ весьма важное значеніе, но однихъ знаній совершенно недостаточно для полнаго образованія человѣка. Скажу болѣе того. Одностороннее развитіе ума въ ущербъ другимъ способностямъ сопровождается даже дурными послѣдствіями въ жизни человѣка. Самоувѣреніе, высокомеріе, гордость ума, склонность все рѣшать своимъ разсудкомъ въ ущербъ авторитету, отрицаніе истины,—все это пагубный результатъ односторонняго развитія ума. Только добрая воля, воля, направленная къ добру, можетъ надлежащимъ образомъ устроить жизнь человѣка и создавать добрую личность. Безъ доброй воли и знанія не въ прокъ. Худая воля злоупотребляетъ знаніемъ, направляя его ко злу. Въ рукахъ худо воспитаннаго человѣка знанія являютъ острымъ мечемъ на пагубу ближняго, и наоборотъ, въ рукахъ человѣка съ доброю волею знаніе является послупнымъ орудіемъ добра, правды, благочестія. Поэтому обогащеніе ума познаніями и развитіе его должно идти параллельно съ развитіемъ доброй воли, а самое познаніе должно направляться къ тому, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная—въ какъ намъ, согласно волѣ сей Божественной, направлять и устроить свою жизнь. Въ непосредственной связи съ дѣятельностью ума нашего и воли находится дѣятельность сердца. Сердце служитъ свидѣтелемъ всѣхъ чувствованій человѣческихъ, въ немъ источникъ духовной жизни, отъ него исходятъ и къ нему возвращаются всѣ благіе и худыя наши помыслы, въ немъ находятъ справедливую оцѣнку всѣ худыя и добрыя наши поступки. Посему наше школьное воспитаніе должно направляться также и къ воспитанію нашихъ сердечныхъ чувствованій. Тогда только образованіе наше будетъ имѣть истинную цѣну, когда мы будемъ обниматься полнымъ человѣкомъ въ составѣ трехъ его способностей—ума, воли и сердца; тогда только будетъ имѣть надлежащее направленіе, когда, обнимая собою всею человѣка, станетъ на твердую почву христіанства и станетъ развиваться въ строгомъ соответствии съ его божественнымъ ученіемъ.

Послѣ этого, по желанію Владыки, ученики 6 и 7 классовъ со

брався въ общемъ залѣ для испытанія ихъ въ знаніи Закона Божіа. Учащимся были предложены самимъ Владыкою вопросы: о законѣ естественномъ и Христовомъ, о побужденіяхъ къ исполненію закона Христова, о вмѣненіи чловѣку его дѣлъ, о 7 вселенскомъ соборѣ, объ иконопочитаніи и др. Окончивъ испытаніе, Владыка росписался въ книгѣ для почетныхъ посѣтителей и затѣмъ отбылъ въ городскую тюрьму.

Послѣ принятія церковной встрѣчи въ тюремной церкви, Владыка обратился къ собравшимся здѣсь заключеннымъ со словомъ утѣшенія и ободренія, въ которомъ сердечно убѣждалъ ихъ не отчаяваться въ своемъ положеніи и по отбытіи срока наказанія возвратиться въ свои дома для обычныхъ хозяйственныхъ занятій.

Отсюда Владыка прибылъ въ домъ церковнаго старосты Веприцкаго, гдѣ ему предложенъ былъ обѣдъ. На обѣдѣ присутствовало все духовенство и представители всѣхъ учрежденій и учебныхъ заведеній. Во время обѣда городской голова А. Т. Жевержеевъ произнесъ тостъ за здоровье Владыки, высказалъ сожалѣніе по случаю кратковременнаго пребыванія Владыки въ Изюмѣ и просилъ на будущее время посѣтить городъ и пробыть въ немъ долѣе. На это Владыка высказалъ, что онъ тронутъ тѣмъ сердечнымъ пріемомъ, какой встрѣтилъ въ г. Изюмѣ.

По краткости времени пребыванія въ г. Изюмѣ, Владыка не могъ осмотрѣть Кладбищенской церкви и церкви при больницѣ.

Въ 2 часа Владыка при колокольномъ звонѣ отбылъ изъ г. Изюма на ст. Барвенково для слѣдованія въ городъ Харьковъ.

Въ 4 ч. веч. Высокопреосвященный Арсеній, въ сопровожденіи сопутствующей ему свиты, Епархіальнаго и уѣзднаго наблюдателя, мѣстнаго благочиннаго, выѣхалъ изъ г. Изюма на сл. Барвенково. До городской заставы Владыку провожали городской голова, полиція, директоръ Реальнаго училища и нѣкоторые горожане. По пути слѣдованія лежала слобода Камышеваха, куда Владыкѣ было угодно заѣхать для обозрѣнія мѣстнаго храма и преподаванія собравшемуся населенію архипастырскаго благословенія.

Здѣсь, послѣ обыкновенной встрѣчи и осмотра храма, Владыка обратилъ вниманіе на костюмъ духовенства внѣ церковнаго богослуженія и долго бесѣдовалъ о внѣшнемъ благоповеденіи членовъ причта. Особенно Владыка настаивалъ на томъ, чтобы низшіе члены причта имѣли приличное храму Божію одѣяніе и по возможности ходили бы въ подрясникахъ, а также, чтобы всѣ вообще члены клира имѣли приличный внѣшній видъ, имѣли прическу на

головѣ и держа въ порядкѣ волосы. Далѣе Владыка велѣ рѣчь о вѣнчаніяхъ членовъ причта къ прихожанамъ внѣ храма Божія, на улицѣ и въ домахъ, во время служенія и пржитейскомъ общеніи. Владыка твердо настаивалъ на томъ, чтобы священники приучали своихъ духовныхъ чадъ брать у нихъ благословеніе при встрѣчахъ и вообще относиться къ пастырямъ съ полнымъ почтеніемъ и уваженіемъ.

Далѣе Владыка обратилъ вниманіе на неотчетливое пѣніе мѣстнаго церковнаго хора съ скрадываніемъ нѣкоторыхъ словъ и ихъ оковчаній и причтамъ имѣннлъ въ особенную обязанность регенту позаботиться объ устраненіи этого недостатка, и также о томъ, чтобы пѣніе было отчетливымъ, яснымъ и благоговѣнно молитвеннымъ.

При испытаніи дѣтей Владыка обратилъ особое вниманіе на дѣтей до-школьнаго возраста, желая убѣдиться въ томъ, получаютъ ли они домашнее наставленіе въ молитвѣ. Испытаніе показало, что родители, особенно матери, не оставляютъ дѣтей безъ наученія молитвѣ, хотя самыя молитвы вслѣдствіе безграмотности родителей заучиваются ими неправильно, съ искаженіемъ смысла самыхъ молитвъ. Что касается учениковъ церковно-приходской школы, то Владыка испытывалъ ихъ только въ церковномъ чтеніи. Испытаніе дало хорошіе результаты. Къ великому утѣшенію прихожанъ и радости учащихся, дѣти, поставленные на солеѣ, читали бойко и громкогласно часы и шестопсалміе.

При звонѣ колоколовъ Владыка прослѣдовалъ отсюда далѣе, преподавъ общее благословеніе прихожанамъ и раздавъ учащимся крестикъ.

Въ слѣдующее утро Владыка прибылъ около 7 ч. веч. и прямо направился въ храмъ, гдѣ давно уже ожидалъ его во множествѣ собравшійся въ храмъ и вокругъ храма народъ. Здѣсь Владыка принялъ встрѣчу отъ мѣстнаго причта во главѣ съ и. о. д. благочиннаго о. Сулимою, свящ. о. Торанскимъ и о. Макухинымъ и затѣмъ приступилъ къ обзорѣ храма. Величественный храмъ произвелъ на Владыку весьма пріятное впечатлѣніе своею обширностью, чистотою и величіемъ архитектуры. Церковному старостѣ, главному строителю храма, Ѡ. П. Иценко Владыка преподалъ особое архипастырское благословеніе. Узнавъ, что храмъ въ спискахъ церковныхъ ошибочно значится Георгіевскимъ, а на самомъ дѣлѣ посвященъ Покрову Пресвятой Богородицы, Владыка обѣщалъ немедленно исправить ошибку.

Вслѣдъ затѣмъ Владыка, желая раздѣлать въ семъ чудномъ храмѣ свою молитву съ прихожанами, торжественно совершилъ молебенъ съ акаевстомъ Покрову Богоматери и съ многолѣтнємъ храмоздателямъ.

Посѣтивъ затѣмъ домъ церковнаго старосты, Владыка отбылъ въ другой храмъ сл. Барвенково, гдѣ, послѣ встрѣчи его духовенствомъ и обзора храма, долго бесѣдовалъ съ собравшимися здѣсь учениками двухклассной церковно-приходской и земскихъ школъ по вопросамъ вѣры и жизни христіанской. Бойкіе отвѣты учениковъ вызвали особое одобреніе со стороны Владыки опытному и усердному законоучителю о. Алексѣю Навродскому. Учащимъ и учащимся были розданы крестики.

Въ ожиданіи поѣзда Владыка принялъ приглашеніе о. Навродскаго посѣтить его домъ и, пробывъ тамъ болѣе часу, отбылъ на ст. Барвенково для слѣдовавія въ Харьковъ. В Д.

Каплуновская чудотворная икона Пресвятой Богородицы.

Одна изъ святынь Харьковской губерніи—Каплуновская чудотворная икона Богоматери, особенно чтимая богомольцами не только ближайшихъ селъ и городовъ, но в самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи, приходящихъ въ с. Каплуновку за тысячи верстъ на поклоненіе чудному образу, есть самый точный в иколяхъ правильный снимокъ Казанской чудотворной иконы Божіей Матери.

Въ описаніи чудесъ Каплуновской иконы Божіей Матери, составленномъ „харьковской академіей“ въ 1774 году, сообщается такое повѣствованіе о явленіи Каплуновской святой иконы.

Въ 1689 году сентября 8 дня священникъ с. Каплуновки Иванъ Ильичъ Умановъ, польскій выходецъ (съ открытіемъ прихода въ этомъ селѣ—первый свщепнослужитель въ немъ), видѣлъ во снѣ старца, который объявилъ ему, что на третій день послѣ этого прійдутъ къ нему изъ царствующаго града Москвы три старца—иконописца,—первый изъ нихъ—60 лѣтъ, второй 80 и третій 90 лѣтъ. У старѣйшаго снявъ въ связкѣ 7 икопъ, восьмую икону Богородичную, изображеніемъ Казанской Богоматери, съ подобающею честію прійми къ себѣ, черезъ нее благодать и милость обрящеша“.

Какъ видѣлъ во снѣ священникъ, такъ и случилось. Послѣ трехдневнаго поста и богослуженія, 11 сентября, дѣйствительно, свщ. Іоаннъ Умановъ, выходя изъ храма, встрѣтилъ 3-хъ иконо-

писцевъ, указанныхъ лѣтъ; онъ попросилъ ихъ въ свой домъ; честно принялъ и достойно угостилъ; у старѣйшаго изъ нихъ, снявъ въ связкѣ его семь иконъ различнаго лика, взялъ себѣ восьмую икону—точное подобіе Казанской иконы Богоматери.

Не долго св. икона пребывала въ домѣ священника; по особому видѣнію, бывшему ему въ третью субботу по обрѣтеніи иконы, священникъ о. Іоаннъ, собравъ почтенныхъ людей селенія, чтобы засвидѣтельствовать имъ о происшедшемъ чудномъ виденіи ему, отправилъ молебствованіе и съ подобающею честью и пѣніемъ отнесъ св. икону въ храмъ Божій, построенный полковникомъ, командующимъ Ахтырскимъ полкомъ Иваномъ Ивановичемъ Перекрестовымъ въ 1688 году, который по жалованной ему грамотѣ на дарованной ему землѣ, въ 20 верстахъ отъ Ахтырки, заселилъ себѣ село, названное Каплуновкою отъ того, что осадчій въ немъ былъ по прованію Каплунъ.

Вскорѣ по явленіи иконы, названной по мѣсту пребыванія ея Каплуновскою, начинается рядъ чудесъ отъ нея, которыя, впоследствии, по волѣ преосвященнаго владыки Филарета, были собраны; провѣренныя и засвидѣтельствованныя собственноручною подписью или самихъ испытавшихъ на себѣ милость Божіей Матери, или очевидцевъ, свидѣтелей, во очію видѣвшихъ то или другое чудо, внесены въ одну книгу: „Описаніе чудесъ Каплуновской иконы Божіей Матери“, которая хранится въ архивѣ Каплуновской церкви.

Въ этомъ описаніи повѣствуется о знаменательномъ событіи чудной помощи Богоматери, явленной нашимъ предкамъ и Царю Петру Великому въ Шведскую войну черезъ Каплуновскую чудотворную икону и объ Ея особенной любви и милости къ намъ—русскимъ, неоднократно оказанныхъ нашему отечеству въ годины всевозможныхъ общественныхъ бѣдствій черезъ пречудныя иконы, которыми Царица Небесная приближалась къ намъ.

Въ 1709 г., во время войны со шведами, самъ шведскій король Карлъ XII былъ въ Каплуновкѣ съ гетманомъ Мазепою и стоялъ въ домѣ священника, который по волѣ Царя Петра Великаго, въ то время бывшаго въ Харьковѣ, взять былъ съ чудотворною иконою въ Харьковъ, гдѣ пребывалъ до двухъ недѣль. Шведскіе воины хотѣли сжечь Каплуновскую церковь, три-четыре раза зажигали ее вокругъ; но ихъ дерзкая попытка не имѣла успѣха,—врагъ въры и отечества былъ посрамленъ всемогущимъ Покровомъ и заступиле-

ніемъ Богоматери здѣсь же, въ Каплуновкѣ, до побѣды надъ нимъ: церковь не горѣла и осталась цѣла и невредима. Король Карлъ, смотря въ окно дома на запыгающихъ, съ удивленіемъ спросилъ гетмана Мазепу: „Что за чудо?! Почему церковь не горитъ?“ Мазепа объяснилъ Карлу такую неудачу озорниковъ шведовъ чудодѣйственною силою св. иконы, „прославленными чудеса ознаменованной“, которая постоянно пребывала въ этомъ храмѣ, по которой въ то время даже и не было тамъ. Услышавъ объ этомъ, Карлъ сказалъ Мазепѣ: „смотри, если мы церкви одной, безъ иконы, не могли сжечь, то тамъ, гдѣ будетъ присутствовать самая эта икона, мало намъ надежды на успѣхъ!“

Вскорѣ послѣ этого, при слободѣ Городное, король шведскій имѣлъ сраженіе съ русскими войсками, но, пораженный ими здѣсь, двинулъ свою армию къ гор. Полтавѣ, гдѣ уже была среди русскихъ войскъ Каплуновская икона Богоматери. Передъ полтавскою битвою Петръ Великій три-четыре раза омывалъ слезами святую икону, прося побѣды надъ врагами, и чудодѣйственною силою Божіей Матери побѣда была одержана, — „помощію Богоматери совершенную побѣду возымѣлъ“.

Въ знакъ особеннаго благоговѣнія передъ Каплуновскою чудотворною иконой Петръ Великій устроилъ для св. иконы дорогую серебряно-вызолоченную ризу съ ковчегомъ-складнемъ и большое Евангеліе печати 1689 года, доски переплета его обложены безпробнымъ серебромъ съ позолотою.

День побѣлы подъ Полтавою—27 іюня, въ настоящемъ году, отпразднованъ былъ въ Каплуновкѣ съ особенной торжественностью. Этотъ день начался утреннимъ богослуженіемъ въ приходскомъ храмѣ, въ которомъ, въ настоящее время, постоянно пребываетъ чудотворная икона; послѣ утрени св. икона крестнымъ ходомъ перенесена была при многочисленномъ стеченіи народа въ безприходную церковь въ Каплуновкѣ, въ которой первоначально пребывала Каплуновская чудотворная икона со времени ея явленія и которая чудесно сохранена благодатною помощію Богоматери отъ попытокъ озорниковъ-шведовъ сжечь ее. Заботами и усердіемъ настоятеля с. Каплуновки эта церковь, пришедшая было въ крайнюю ветхость и запущенность, въ 1899 году возобновлена и въ настоящее время имѣетъ благолѣпный видъ.

(Юж. Кр. 1904 г. № 8164).

Иноепархіальный отдѣлъ.

Красный крестъ

Въ „Таврическихъ епарх. Вѣдом.“ помѣщена слѣдующая интересная замѣтка. По ихъ словамъ, однимъ изъ гуманнѣйшихъ учрежденій прошлаго столѣтія является Красный Крестъ. Нынѣ, когда Красный Крестъ принимаетъ все зависящія отъ него мѣры, чтобы облегчить положеніе и страданія нашихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ на Дальнемъ Востока, небезынтересно будетъ прослѣдить вкратцѣ исторію возникновенія этого учрежденія и указать, въ чемъ проявляется главнымъ образомъ дѣятельность его на пользу страждущаго человечества.

Мысль объ организаціи правильной и постоянной медицинской помощи больнымъ и раненымъ на ратномъ полѣ зародилась въ нашемъ отечествѣ 50 лѣтъ тому назадъ, когда Россія вела тяжкую для нея Крымскую войну. Раненыхъ было множество, а между тѣмъ медицинскій персоналъ былъ очень ограниченъ, и большимъ сплошь и рядомъ приходилось умирать, не дождавшись медицинской помощи. На бѣдственное положеніе русскихъ воиновъ обратила вниманіе великая княгиня Елена Павловна, вдова великаго князя Михаила Павловича. Она рѣшила организовать женскую помощь больнымъ и раненымъ на полѣ брани и при осуществленіи этой мысли нашла дѣятельнаго помощника въ лицѣ знаменитаго впоследствии хирурга Н. И. Пирогова. Привести въ исполненіе задуманное хорошее дѣло оказалось однако нелегко. Проектъ, не смотря на свой симпатичный характеръ, встрѣтилъ серьезныя препятствія со стороны военнаго начальства, которое отказывалось принять въ дѣйствующую армію общину съ самостоятельнымъ управленіемъ, опасаясь ослабленія военной дисциплины. Но настойчивость и забота великой княгини взяли верхъ надъ всеми препятствіями. 25 октября 1854 года былъ утвержденъ уставъ Крестовоздвиженской общины, а 6 ноября того же года 35 сестеръ милосердія, составившихъ первый отрядъ, отиравались изъ Петербурга на театръ военныхъ

дѣйствій. Вслѣдъ затѣмъ было отправлено еще нѣсколько такихъ же отрядовъ. Это были первыя сестры милосердія, показавшія такую силу любви и самопожертвованія на театрѣ военныхъ дѣйствій, что предъ нею всѣ преклонились.

Хорошее дѣло сразу же приобрѣло твердую почву.

Примѣръ великой княгини и русскихъ сестеръ милосердія вызвалъ подражанія на западѣ. Въ 1859 году была война у французовъ и сардинцевъ съ австрійцами. На театрѣ военныхъ дѣйствій вмѣстѣ съ другими отправился швейцарскій докторъ Генри Дюнанъ. Здѣсь при помощи другихъ врачей онъ организовалъ помощь раненымъ и больнымъ, но сдѣлать много въ этой кровопролитной войнѣ онъ не могъ. Въ битвѣ при Сольферинѣ вышло, напр., изъ строя около 40000 человекъ, изъ которыхъ болѣе половины погибло вслѣдствіе того, что имъ не было оказано своевременно медицинской помощи: Что могла сдѣлать для такого количества пострадавшихъ небольшая горсточка людей! Послѣ войны Дюнанъ написалъ книгу и напечаталъ ее въ 1862 году. Въ своей книгѣ онъ такъ живо и такъ мрачно описалъ ужасное положеніе раненыхъ, погибавшихъ массахъ не столько отъ ранъ, сколько отъ отсутствія надлежащей и своевременной медицинской помощи, что читающихъ эту книгу охватывалъ ужасъ. Книга произвела потрясающее впечатлѣніе. Въ обществѣ заговорили объ организаціи правильной медицинской помощи всѣмъ раненымъ. Дюнанъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы вызванное имъ возбужденіе не улеглось, а сказалось какими-нибудь плодотворными результатами, и въ концѣ концовъ достигъ своей цѣли.

Въ Женевѣ въ это время жилъ богатый филантропъ Густавъ Муанье. Его стараніями въ октябрѣ 1863 года въ Женевѣ созвана была конференція для обсужденія проекта о помощи раненымъ. На конференціи представители рѣшили, что всѣ государства во имя любви къ человѣческому роду и справедливости обязаны каждое съ своей стороны устроить частную и общественную благотворительность и въ то же время согласиться между собою, какъ обезопасить во время войны раненыхъ и ухаживающихъ за ними. Затѣмъ разработанъ былъ подробно уставъ учреждаемаго общества, названнаго Красный Крестъ, и 22 августа 1864 года подписанъ актъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Женевской конвенціи. Сущность этой конвенціи

состоить въ слѣдующемъ. Раненые и больные, къ какой бы національности ни принадлежали, пользуются покровительствомъ Краснаго Креста и считаются неприкосновенными. Также неприкосновеннымъ признаны госпитали, склады и транспорты общества, а равнымъ образомъ и весь медицинскій персоналъ. Въ мирное время Красный Крестъ долженъ оказывать помощь увѣчнымъ военскимъ чинамъ, помогать пострадавшимъ отъ общественныхъ бѣдствій и идти навстрѣчу народу съ медицинскою помощью. Знакомъ принадлежности къ обществу считается красный равноконечный на бѣломъ фонѣ крестъ, которымъ снабжены какъ флаги лазаретовъ, транспортовъ и складовъ общества, такъ и повязки, носимыя на лѣвомъ рукавѣ лицами, посвятившими себя уходу за ранеными и больными на войнѣ. Женевская конвенція вскорѣ была подписана и другими государствами, представители которыхъ не принимали участія въ конференціи. Турція подписала конвенцію въ 1865 г., но въ 1876 г. заявила, что знакъ общества „Красный Крестъ“ не можетъ быть принятъ для ея фанатически настроенныхъ войскъ и потребовала замѣны его краснымъ полумѣсяцемъ, на что державы „временно“ согласились. Японія присоединилась къ конвенціи въ 1886 году и, хотя удержала знакъ краснаго креста, но бѣлыми поперечными линиями превратила его въ четыре красныхъ четырехугольника.— Для объединенія дѣятельности Краснаго Креста въ настоящее время существуетъ международное общество, въ Женевѣ же, и называется оно „Международный Комитетъ Краснаго Креста“. Чрезъ каждые пять лѣтъ соываются международныя съѣзды обществъ Краснаго Креста въ особо избранномъ какомъ нибудь городѣ для обсужденія и рѣшенія разнообразныхъ вопросовъ, касающихся ихъ дѣятельности.

— Россія примкнула къ числу государствъ, учредившихъ у себя общества Краснаго Креста, въ 1867 году. Инициатива учрежденія общества въ Россіи принадлежитъ фрейлинѣ М. С. Собиной, къ которой присоединились баронеса Фредериксъ и лейбъ-медики Ф. Я. Карсиль и Н. А. Нарановичъ. 3 мая 1867 года Высочайше утвержденъ былъ уставъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ, которое въ 1879 году переименовано было въ Россійское общество Краснаго Креста и съ самаго начала своего существованія состоитъ подъ покровительствомъ нынѣ вдовствующей Государыни Императрицы. Дѣлами всего общества

завѣдываетъ Главное Управленіе, находящееся въ Петербургѣ; завѣдываніе же дѣлами мѣстныхъ отдѣловъ общества возлагается на мѣстные управленія, находящіяся въ губернскихъ городахъ. Доходы общества слагаются изъ единовременныхъ пожертвованій деньгами и вещами, всякаго рода сборовъ и постоянныхъ членскихъ взносов. Изъ всѣхъ денежныхъ поступленій, кромѣ спеціальныхъ пожертвованій для особыхъ назначеній, мѣстные управленія и комитеты отсылаютъ ежегодно 10% въ Главное Управленіе на расходы по обществу. Изъ остальныхъ 90% за вычетомъ расходовъ на мѣстныя нужды, $\frac{2}{3}$ причисляются къ запасному капиталу на надобности военнаго времени, а $\frac{1}{3}$ обращается въ капиталъ для пособія увѣчнымъ военскимъ чинамъ. Съ момента объявленія мобилизаціи средства всѣхъ мѣстныхъ органовъ общества Краснаго Креста могутъ расходоваться лишь по указаніямъ Главнаго Управленія. Ежегодныя пожертвованія и взносы на Красный Крестъ простираются свыше 2 милліоновъ. Но и расходы, которые несетъ Красный Крестъ, громадны.

Такъ, во время русско-турецкой войны Красный Крестъ обязался, получая нѣкоторое вспоможеніе отъ военнаго министерства, устроить самостоятельныя санитарныя учрежденія внутри государства на 16000 кроватей, на театрѣ же военныхъ дѣйствій отправилъ цѣлый рядъ санитарныхъ отрядовъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ, снарядивъ ихъ частію на свои средства, главнымъ же образомъ на добровольныя пожертвованія, общія сумма которыхъ достигла 9363000 руб.

Въ 1891—93 г. Красный Крестъ пришелъ на помощь народнымъ массамъ, страдавшимъ отъ неурожае, тифозныхъ и холерныхъ заболѣваній. Онъ устроивалъ столовыя, отправлялъ докторовъ и сестеръ милосердія, прокармливалъ людей въ голодныхъ губерніяхъ.

Съ началомъ нынѣшней Японской войны снова наступилъ періодъ горячей работы для Краснаго Креста. Исполнительной комиссіей выработанъ такой планъ организаціи помощи на театрѣ военныхъ дѣйствій: 1) оказывать помощь военно-лѣчебнымъ заведеніямъ, лазаретамъ, эвакуаціоннымъ пунктамъ и санитарнымъ поѣздамъ персоналомъ и снабженіемъ предметами, не полагающимся по табелямъ военнаго вѣдомства. 2) Устраивать собственные лазареты и летучіе санитарныя отряды какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и въ тылу арміи, устраивать собственные этапно-питательные пункты и приспособить къ не-

перевозкѣ раненыхъ пароходъ „Монголія“, баржи и санитарныя поѣзда. 3) Организовать серію складовъ для питанія какъ военно-лѣчебныхъ заведеній, такъ и учрежденій Краснаго Креста на театръ военныхъ дѣйствій и въ тылу арміи.

Во исполненіе намѣченнаго плана обществомъ сдѣлано и израсходовано уже не мало. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ цифровыхъ свѣдѣній. По даннымъ отчета Главнаго Управленія къ 1 января 1904 года во всѣхъ учрежденіяхъ общества Краснаго Креста состояло капиталовъ 12014098 р., изъ коихъ запаснаго на надобности военнаго времени 5999300 р., прочіе же капиталы спеціальныя и кромѣ предметовъ прямого ихъ назначенія расходуются быть не могутъ. Пожертвованій на нужды войны въ кассу Главнаго Управленія по 2 апрѣля поступило 1238397 р., а въ мѣстныя учрежденія общества, по поступившимъ къ 15 марта даннымъ, 1518196 р., всего 3756593 р. Изъ нихъ израсходовано по 2 апрѣля 1654663 руб. Въ распоряженіи общества Краснаго Креста на надобности военнаго времени, такимъ образомъ къ 2 апрѣля оставалось съ запаснымъ военнымъ капиталомъ свыше 8 милліоновъ руб.

8 милліоновъ—сумма, конечно, большая. Но вѣдь война еще далеко не окончена. Кто знаетъ, сколько поглотитъ она жизней, сколько потребуетъ средствъ? Въ турецкую войну Краснымъ Крестомъ израсходовано было 16½ милліоновъ. Теперь по предварительнымъ подсчетамъ итогъ расходовъ только на содержаніе кроватей исчислялся приблизительно въ 4500 тысячъ руб. на 6 мѣсяцевъ. А вѣдь кромѣ этого сколько другихъ расходовъ предстоитъ Красному Кресту! Притомъ же и война можетъ втянуться гораздо дольше 6 мѣсяцевъ.—Откуда нашъ нравственный долгъ придетъ съ посильною лентою на помощь учрежденію, организующему святое дѣло помощи воинамъ, проливающимъ свою кровь за насъ, наше благосостояніе и нашу безопасность.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Раненый и умершій священникъ.

Раненый въ дѣлѣ съ японцами 19. іюля и затѣмъ умершій священникъ 122. пѣхотнаго, Тамбовскаго полка, о. Александръ

Ивановичъ Любомудровъ родился въ 1860 году. По окончаніи курса въ Новгородской духовной семинаріи, о. Любомудровъ въ 1880 г. занялъ мѣсто псаломщика при одной изъ церквей епархіи и въ томъ же году былъ рукоположенъ въ діаконы, въ 1888 году онъ приклялъ санъ священника и былъ назначенъ въ ту-же епархію, а черезъ два года перешелъ въ составъ военнаго духовенства. Съ 1891 по 1894 годъ былъ священникомъ драгунскаго Литовскаго полка, въ 1894 году о. Любомудровъ былъ перемѣщенъ въ 164 пѣхотный полкъ, съ 1896 года былъ священникомъ при Михайловской крѣпостной пѣхотной батарее и въ Тамбовской полкъ назначенъ передъ отправленіемъ его на Дальній Востокъ.

Русскіе гимназисты у папы.

Кіевскіе гимназисты, совершавшіе экскурсію по Италіи, во главѣ со своимъ директоромъ, 24 іюня выѣхали во Флоренцію. 23 числа ихъ принималъ въ частной аудіенціи папа, въ присутствіи кардинала Мери дель Валя. Папа бесѣдовалъ съ директоромъ гимназіи на латинскомъ языкѣ. Къ гимназистамъ Пій X отнесся очень сердечно, бесѣдовалъ поочередно съ каждымъ изъ нихъ и на прощанье далъ имъ и ихъ семьямъ апостольское благословеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВАКАНТНОЕ УЧИТЕЛЬСКОЕ МѢСТО.

При Харьковской Всѣхсвятской церковно-приходской школѣ вакантно мѣсто учителя съ жалованьемъ 300 р. въ годъ, при готовой квартирѣ. Желаящіе занять это мѣсто изъ окончившихъ курсъ Духовной Семинаріи должны обращаться съ заявленіемъ къ завѣдующему школою священнику А. Луценкову.

„ОТЕЧЕСТВО“

политическая, общественная и литературная газета, безъ предварительной цензуры. Выходитъ два раза въ недѣлю: по четверг. и воскрес.

Редакторъ-издатель: *Графъ Петръ Кутузовъ.*

Цѣна въ годъ. 6 руб., на 6 мѣс. 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб. 50 коп., на 1 мѣс.—75 коп.; для годовыхъ подписчиковъ рассрочка: при подпискѣ—2 руб., 1 апрѣля—2 руб. и 1 іюля—2 руб.

Редакція и Главная Контора: ОПВ., станц. Шувало во (Фин. ж. д.) Ивановская ул., д. 10 Отдѣленіе конторы для пріема городской подписки и объявленій въ С.-Петербургѣ, уголъ Литейнаго просп. и Пантелеймоновской ул., д. № 21—27, кв. 55. Входъ съ Пантелеймоновской. Иногородніе благоволятъ адресовать деньги и заявленія исключительно на Главную Контору, ст. Шувалово.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ЖУРНАЛА

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

ВЪ 1904—1905 ПОДПИСНОМЪ ГОДУ.

Съ 1-го августа настоящаго 1904 г. журналъ „ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА“ иступаетъ въ восемнадцатый годъ своего изданія. Поставивъ задачею оказывать заботливую церковнымъ школамъ и учащимъ въ нихъ возможное содѣйствіе въ дѣлѣ воспитанія и обученія, редакція журнала заботилась по мѣрѣ возможности о разъясненіи возникавшихъ вопросовъ по преимуществу въ практическомъ смыслѣ, имѣя въ виду главнымъ образомъ потребности и нужды школъ церковныхъ. Редакція надеется, что установившаяся въ теченіи минувшихъ лѣтъ живая духовная связь между нею и непосредственными церковно-школьными дѣятелями еще болѣе расширятся въ будущемъ и что лица эти, содѣйствуя распространенію журнала въ средѣ учащихся, и съ своей стороны не откажутся знакомить насъ со всеми сторонами школьной жизни, условіями воспитанія и обученія, внѣкласснаго чтенія, внѣклассныхъ бесѣдъ, занятій по садоводству, огородничеству, ичеловодству и проч. Школа въ этомъ отношеніи представляетъ такое же богатство и разнообразіе, какъ и вселенный живой организмъ, какъ и сама жизнь.

Журналъ „Церковно-приходская Школа“ въ наступающемъ году изданіи будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно въ двухъ отдѣлахъ. Согласно съ утвержденною Святѣйшимъ Синодомъ программой, въ первомъ отдѣлѣ журнала, кромѣ дидактическихъ указаній по предметамъ обученія въ школахъ церковно-приходскихъ грамоты, будутъ помѣщаемы статьи, касающіяся устройства школы вообще, внѣшнихъ порядковъ въ ней, способовъ содержанія и осуществленія этихъ способовъ на практикѣ въ различныхъ епархіяхъ, а также обзорныя выдающихся статей въ педагогическихъ журналахъ и разборъ книгъ, издаваемыхъ для школы и народа. Во второмъ отдѣлѣ, назначаемомъ для чтенія въ школѣ и дома, будутъ помѣщаемы, составленные примѣвательно къ дѣтскому пониманію, статьи и рассказы, которые по окончаніи года составятъ отдѣльный, законченный небольшой томъ для дѣтскаго и народнаго чтенія.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою ТРИ рубля.

Подписка принимается:

Въ Киевѣ: 1) въ редакціи журнала „Церковно-приходская школа“;
2) въ редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, при Киевской духовной семинаріи.

Въ Одессѣ: 3) у книгопродавца И. А. Розова, въ Киевѣ и Одессѣ.

Въ С.-Петербургѣ: 1) въ Синодальной книжной лавкѣ;

2) въ книжномъ магазинѣ И. Д. Тузова.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова.

Редакторъ П. Игнатовичъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвроія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунова.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священной союзы“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борковъ“. Библиографическій очеркъ. Овщ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о. Владимира Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ равенствъ, которыя уравниваются въ другихъ церквяхъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ связи отношеній къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичествому“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковского.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Овщ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) вкратчѣ“. Овщ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Павла и „Евангеліе“ отъ Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковского.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Вильева.—„Книга Руей“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Оумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Нестественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Огюзе.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. К. Дьячкова.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новейшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Вѣра и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шляхова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Онегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудравцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мезинцова. Д-ра М. Глубоковского.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фунье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

В перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 8-хъ часовъ по поудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Вѣ~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплавали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строкъ, въ одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ **ВНАМЕНОНІЙ**
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ **ИСТОМНИНЪ**.